

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

ISSN 2949-1819 (Online)

№ 4(5) – 2023

11

Антропологизация
правовых понятий
как способ
преодоления
догматизации
юриспруденции

40

Институционализация
конфликта как
условие его
урегулирования

135

Обзор Третьей
ежегодной
международной
научно-практической
конференции «Из
архаики в XXI век:
юридические понятия
и конструкции»

Corrige praetertum

Praesens rege

Cerne futurum

12+

Praesens rege

Praesens rege

Corrige praetertum

Praesens rege

Praesens rege

Cerne futurum

Corrige praetertum

Cerne futurum

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание
Основан в 2022 году
Выходит 4 раза в год

№ 4(5) – 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

**Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»**

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 29.12.2023

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Воронежский государственный университет, 2023

**Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"**

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Issue publication date: 29.12.2023

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© Voronezh State University, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Высшая школа экономики (Россия, г. Москва); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Zavyalova I. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive secretary – **Shelestov D. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Higher School of Economics (Russia, Moscow)*; **Arhipov V. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg)*; **Baev M. O.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Baulin O. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Birukov P. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Vasiliev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul)*; **Vlasenko N. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow)*; **Gambaryan A. S.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan)*; **Demichev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Dorskaya A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg)*; **Zrazhevskaya T. D.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Lomakina I. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Malko A. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov)*; **Mikhailov A. M.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow)*; **Nosyreva E. I.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Pavlov V. I.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)*; **Panko K. K.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Sazonnikova E. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Razzokov B. H.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe)*; **Romanovskaya V. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Sorokina Yu. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Starilov Yu. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Chestnov I. L.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Shemeneva O. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Махина С. Н.</i> Несколько слов о векторах развития юридической антропологии и конфликтологии	7
--	---

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Честнов И. Л.</i> Антропологизация правовых понятий как способ преодоления догматизации юриспруденции	11
<i>Сорокина Ю. В.</i> Человек и его место в конфуцианской антропологии	19
<i>Калинина Е. Ю.</i> Понятие «правовая ментальность»: юридическая «химера» или реальность в свете культурально-антропологического подхода	32

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Глухова А. В.</i> Институционализация конфликта как условие его урегулирования	40
<i>Андрियाшко М. В.</i> Цифровизация социально-обеспечительной сферы общественной жизни как тренд и риски, его сопровождающие	50

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ: ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК

<i>Сазонникова Е. В.</i> «Концепт» в правовой науке: модное веяние или неизбежная альтернатива «понятию»?	58
<i>Фальшина Н. А.</i> Понятие цифровых прав в современной правовой науке	66
<i>Завгородняя А. А.</i> Интерес как категория в праве и его интерпретация	75
<i>Зацепина О. Е.</i> Принципы права как основные правовые категории	85
<i>Карева А. В.</i> Трансформация юридических понятий в процессе эволюции древнерусского права	96
<i>Тонков Д. Е.</i> Метафизичность понятий традиционной юриспруденции в подходе скандинавского правового реализма середины XX века	106

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Трипузова А. А.</i> Конституционная экономика как юридическая конструкция (постановка вопроса), ее роль в конституционно-правовом механизме защиты и развития конкуренции	115
<i>Шаршун В. А.</i> О некоторых вопросах модернизации основных принципов нормотворческой деятельности	125

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Малиновская Н. В.</i> Обзор Третьей ежегодной международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: юридические понятия и конструкции» (Воронеж, 30 июня 2023 г.)	135
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Работы победителей студенческого конкурса «Цивилизационные исследования государственности»	
<i>Никулина О. С.</i> Культурологические особенности древнерусского права	146
<i>Сафронов Д. Ю.</i> Наследие Востока и Запада в древнерусском государстве и праве	153
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	159

CONTENTS

<i>Makhina S. N.</i> A few words about the vectors of the development of legal anthropology and conflictology	7
---	---

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Chestnov I. L.</i> Anthropologisation of legal concepts as a way to overcome the dogmatization of jurisprudence.....	11
<i>Sorokina Yu. V.</i> A human and his place in Confucian anthropology	19
<i>Kalinina E. Yu.</i> Is the concept of "legal mentality" a "chimera" or reality in the frame of the cultural-anthropological methodological approach?.....	32

CONFLICTOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Glukhova A. V.</i> Institutionalization as a basis of the conflict settlement	40
<i>Andryashka M. V.</i> Digitalization of the social security sphere of public life: trends and risks	50

JURIDICAL TERMS AND CATEGORIES: FROM THE ARCHAIC TO THE 21ST CENTURY

<i>Sazonnikova E. V.</i> "Concept" in juridical science: a fashion trend or an inevitable alternative to the "term"?.....	58
<i>Falshina N. A.</i> The concept of digital rights in modern legal science	66
<i>Zavgorodnaya A. A.</i> Interest as a category in law and its interpretation.....	75
<i>Zatsepina O. E.</i> Legal principles as basic legal categories.....	85
<i>Kareva A. V.</i> Transformation of legal concepts in the process of evolution of ancient Russian law.....	96
<i>Tonkov D. E.</i> Metaphysical nature of the concepts of traditional jurisprudence in the approach of Scandinavian legal realism of the mid-twentieth century.....	106

FOREIGN EXPERIENCE

<i>Trypuzava A. A.</i> Constitutional economy as a legal structure (formulation of the question), its role in the constitutional legal mechanism for the protection and development of competition	115
<i>Sharshun V. A.</i> On some issues of modernization of the basic principles of rule-making... ..	125

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Malinovskaya N. V.</i> The review of the 3rd Annual International Scientific and Practical Conference "From the Archaic to the 21st Century: Legal Terms and Concepts" (Voronezh State University, June 30, 2023).....	135
---	-----

SUPPLEMENT TO THE JOURNAL

The works of the winners of the Students' Competition
"Civilizational Studies of Statehood"

<i>Nikulina O. S.</i> Cultural and historical peculiarities of Ancient Russian law	146
<i>Safronov D. Yu.</i> The heritage of East and West in the ancient Russian state and law	153

INFORMATION FOR AUTHORS	159
--------------------------------------	-----

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЕКТОРАХ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

С. Н. Махина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 декабря 2023 г.

Аннотация: в статье анализируются основные достижения развития юридических антропологических и конфликтологических исследований в 2023 году, их приоритетные актуальные проблемы и предлагаются основные направления их решения.

Ключевые слова: юридическая антропология, юридическая конфликтология, научное сообщество, человек юридический, «homo juridicus», методология правовых исследований.

A FEW WORDS ABOUT THE VECTORS OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

S. N. Makhina

Voronezh State University

Abstract: in the issue the main achievements of the development of legal anthropological and conflictological researches in 2023 are being analysed, their priority topical issues are being raised and the main directions of their solvation are being suggested.

Key words: legal anthropology, legal conflictology, scientific community, a legal person, “homo juridicus”, methodology of legal researches.

Дорогие коллеги!

От всей души поздравляю Вас с наступающим 2024 годом!

Уверена, что он принесет добрые события, крепкое здоровье, благополучие нам и нашим близким и, конечно же, много новых творческих замыслов и идей!

Уходящий год для всех был непростым, но все же, провожая его, стоит отметить много позитивных достижений во всех сферах нашей жизни, и, конечно же, в научной деятельности. Правовая наука стала развиваться еще динамичнее, отвечая на новые вызовы современности. И мне

приятно отметить, что вопросы юридической антропологии и конфликтологии постепенно «завоевывают» более весомое место в системе правовых исследований и, соответственно, знаний.

В наше беспокойное время, когда в центре событий находятся конфликты самых разных типов и видов, проблема правового определения существования человека стала острой как никогда. Социальный прогресс порождает новые вызовы, которые не могут быть (а точнее, не должны быть) решены вне ориентации на Человека, Индивида, Личность, Народности и Народы, Нации.

Новые, не всегда интересные для цивилизационных маркеров нашего развития, «приобретения» человечества конфликтуют с традиционным социальным укладом, ценностями, парадигмами развития.

Достижения научного прогресса активно врываются в нашу жизнь и требуют установления правовых параметров собственной реализации, чтобы не породить уязвимости тоже стремительно обновляющихся векторов личностного и общественного развития.

Конфликтогенность реальности показывает небывалую динамику противостояния цивилизаций и государств, народов и наций.

И в центре всех этих процессов – человек и его бытие, определяемые правовыми маркерами.

Именно поэтому все более глубоко и масштабно изучаются вопросы юридической антропологии и конфликтологии. Однако уверена, что без консолидации научного сообщества отдельные фрагментарные разработки не приведут к желаемому результату – формированию систематизированных представлений о правовой антропологии и конфликтологии, способных стать реальным ориентиром для практики правового регулирования.

«Многие знания – многие печали»¹, как верно отмечено царем Соломоном в книге Экклезиаста... И, думаю, что множественность самых разнообразных, хотя и очень ценных наработок вне устоявшейся концепции предмета и есть «юридико-антропологическая», равно как и конфликтологическая², печаль – одна из причин отсутствия стройного и логичного представления об этих отраслях научного познания. По сути, сегодня сформировалась весьма неопозитивная ситуация, когда накопленных знаний немало, они ценны, но в систему, которая могла бы представить отрасль науки, их свести не удается.

¹ Более полный вариант звучит так: «И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многих мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:17–18).

² Хотя о предмете юридической конфликтологии и можно говорить более определенно, он все же требует существенного переосмысления, что обусловлено стремительным изменением мирового развития.

Безусловно, первые исследования и в области юридической антропологии, и в области юридической конфликтологии (как зарубежные, так и отечественные) стали прочным фундаментом для становления рассматриваемых наук, однако в последние десятилетия жизнь развивается настолько быстрыми темпами, что представления специалистов десяти и более лет давности должны быть существенно дополнены, расширены, а в чем-то и модифицированы.

В ходе дискуссий, которые уже три года проводятся на базе дискуссионной площадки «Из архаики в XXI век» Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии³, нам удалось обсудить существенное число проблем и поставить значимые вопросы для их разрешения. В новом году хотела бы предложить на следующем этапе нашего сотрудничества сосредоточить усилия на более детальном определении предмета, системы и методологии юридической антропологии и юридической конфликтологии, а также исследовать взаимосвязь этих отраслей и практическую значимость выводов юридической антропологии для процессов формирования эффективных технологий разрешения правовых конфликтов, а также для системы правового регулирования в целом.

В этих целях предлагаю рассмотреть целесообразность использования таких подходов, как метафизический и юридико-догматический, и, соответственно, развития фундаментальных и прикладных аспектов антропологии и конфликтологии права.

Безусловно, что соотношение фундаментальных и прикладных начал в этих науках различно. Антропология права тяготеет к фундаментальным началам, и говорить сегодня о наличии прикладной юридической антропологии, вероятно, несколько преждевременно. В то время как правовая конфликтология имеет весьма сформированную прикладную часть с заметным отставанием соответствующих современному уровню общественного развития фундаментальных основ. Поэтому мое второе предложение – установить рациональность выделения теоретической и прикладной частей этих наук, их особенности и назначение. И здесь, особенно в развитии прикладной юридической антропологии и прикладной юридической конфликтологии, весьма заметный вклад могут привнести не только члены научного сообщества, но и практикующие специалисты, делясь своим опытом, обозначая возникающие проблемы и формулируя свои предложения.

Дорогие коллеги! Уверена, что наш мощный коллектив исследователей в новом году сможет предложить для обсуждения научному сообществу и практикам немало интересных и полезных идей.

³ Официальный сайт Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета: <http://www.law.vsu.ru/ac/>

В преддверии наступающего Нового года весь коллектив нашего Центра и редакционная коллегия Журнала не только желают всем коллегам мира, счастья и процветания, но и выражают огромную благодарность за отклик и интереснейшее научное общение всем сотрудничающим с нами регионам России (особая благодарность за отклик на наш социологический опрос), научным организациям (особая благодарность коллективу Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ), ученым-исследователям в области общественных и гуманитарных наук, должностным лицам и практикующим юристам!

Искренне надеемся, что, двигаясь в своих научных изысканиях вместе, мы осилим дорогу формирования *максимально возможного бесконфликтного бытия Homo Juridicus!*

Счастья и благополучия Вам, дорогие друзья, в наступающем Новом Году и всегда!

*Главный редактор
сетевого научно-практического издания
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»
С. Н. Махина*

Для цитирования:

Махина С. Н. Несколько слов о векторах развития юридической антропологии и конфликтологии // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 7–10.

Recommended citation:

Makhina S. N. A few words about the vectors of the development of legal anthropology and conflictology // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 7–10.

Сведения об авторе

Махина Светлана Николаевна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Information about author

Makhina Svetlana Nikolayevna – Head of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Full Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of Law Faculty of Voronezh State University

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

УДК 340. 00

АНТРОПОЛОГИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДОГМАТИЗАЦИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

И. Л. Честнов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Поступила в редакцию 10 июля 2023 г.

Аннотация: правовые понятия и конструкции образуют важную составляющую часть юридической науки – ее теорию среднего уровня, а также относятся к идеологическому, философскому уровню. В классической юриспруденции правовые понятия и конструкции изучаются преимущественно на основе юридической догматики – семантическими методами. Такой подход явно недостаточен. Он не учитывает сконструированность правовых понятий и конструкций человеком и их значение как использование в юридических практиках. Это и образует, по мнению автора, антропологический подход к анализу правовых понятий и конструкций.

Ключевые слова: правовые понятия и конструкции, догматика права, антрополого-правовой подход.

ANTHROPOLOGISATION OF LEGAL CONCEPTS AS A WAY TO OVERCOME THE DOGMATIZATION OF JURISPRUDENCE

I. L. Chestnov

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

Abstract: legal concepts and constructions form an important component of legal science – its theory of the middle level, and also belong to the ideological, philosophical level. In classical jurisprudence, legal concepts and constructions are studied mainly on the basis of legal dogma - by semantic methods. This approach is clearly not enough. It does not take into account the constructibility of legal concepts and structures by a person and their significance as a use in

© Честнов И. Л., 2023

legal practices. This forms, according to the author, an anthropological approach to the analysis of legal concepts and structures.

Key words: legal concepts and constructions, dogmatics of law, anthropological-legal approach.

Правовые понятия и конструкции, прежде всего, образуют важную составляющую часть юридической науки – ее теорию среднего уровня. Такого рода теория (или точнее – теории во множественном числе) образует содержание того, что С. С. Алексеев называл «аналитическая юриспруденция»¹. Юридические понятия «среднего уровня» констатируют «юридические реалии» (содержание законодательства), дают их толкование². Из таких понятий складываются юридические конструкции, содержащие практически всегда несколько понятий и связи между ними (например, конструкция состава правонарушения)³. В то же время в юридической науке существуют и понятия «высшего» уровня – из которых образуются принципы права, правовые мифологемы и идеологемы.

Очевидно, что изучать правовые понятия и конструкции необходимо, и не только в рамках аналитической юриспруденции, в том числе, их эволюцию. В то же время следует отметить, что одного аналитического исследования юридических понятий и конструкций недостаточно для того, чтобы ответить на вопрос о содержании правовой реальности, о назначении права⁴, о его фактическом функционировании (как оно работает, действует), о том, как и почему право изменяется. Ответы на такого рода вопросы требуют выхода за узкие рамки аналитической юриспруденции в область философии права, социологии права или антропологии права. А историческое исследование эволюции юридических понятий и конструкций не может не опираться на такого рода основания, руководящие научным предприятием.

¹ Аналитическая юриспруденция, по мнению мэтра отечественной теории права, «представляет собой проработку... правовых реалий. Эта проработка осуществляется путем научных обобщений, получаемых аналитическим путем данных (выработки понятий, категорий) на основе текстов законов и иных нормативных документов, судебных решений, юридических дел (казусов), других реальных фактов правовой жизни». (Алексеев С. С. Избранное. М., 2003. С. 37).

² Там же. С. 38.

³ С. С. Алексеев определял юридические конструкции как «типичные схемы и принципы действия... как своеобразное построение прав, обязанностей, ответственности». (Алексеев С. С. Указ. соч. С. 197).

⁴ Об этом справедливо писал С. С. Алексеев, в частности, что «юридическая догматика» не дает ответа на вопросы, «каковы место и роль права в демократическом обществе? Что оно вообще такое, право?». (Алексеев С. С. Указ. соч. С. 184). Он сетовал, что «специалисты по юридической догматике» не рассматривают «данные аналитической юриспруденции с основательных теоретических и философских позиций». (Там же. С. 185).

В середине XX в. формирующаяся аналитическая философия усилиями «позднего» Л. Витгенштейна начинает акцентировать свое внимание на прагматическом аспекте логики языка. Прагматика как использование языка дополняет семантику. А использование языка всегда предполагает актора и контекст – то, чем занимается социокультурная антропология во второй пол. XX в. Это же имеет самое прямое отношение и к юриспруденции. Юридическая догматика демонстрирует свою ограниченность и вырождается в схоластику, если не дополняется социально-антропологическим культуральным аспектом. Это же относится и к понятийному уровню принципов права. Можно сколь угодно обстоятельно изучать их семантику и системность, и это достаточно важное занятие. Однако такой подход ничего не скажет о том, «хороши ли наши принципы», как они сформировались и не выродились ли они в ритуальные заклинания, имеющие такое же отношение к реальности, как лозунги в передовицах газет и на демонстрациях эпохи «развитого социализма». Изучение юридических понятий через их «вписанность» в практики правовой повседневности – вот задача социокультурной антропологии права⁵.

Не меньший интерес представляет вопрос об эволюции правовых понятий. К сожалению, приходится констатировать, что история права сегодня этой проблематикой на должном уровне рефлексии не занимается. Между тем, в историографии существует несколько подходов, которые могут быть взяты в качестве методологии для исследования этого важного вопроса. Речь идет об истории понятий Р. Козеллека, новой интеллектуальной истории «кембриджской школы» К. Скиннера и Дж. Покока и, с некоторыми оговорками, об истории ментальностей или новой исторической науки Франции. Еще ближе к данной проблематике стоит концепция этимологии понятий, например, блестяще изложенная Э. Бенвенистом. Однако при всем пиетете к этим влиятельным направлениям в мировой исторической науке, обнаруживается любопытный парадокс: собственно возникновению новых понятий и даже трансформации существующих, механизму их преобразования уделяется явно недостаточное внимание. Выдающиеся историки практически ограничиваются констатацией того, что в такой-то период такое-то понятие возникло. Возможно, это наследие неопозитивизма, в котором контекст открытия был вынесен за рамки научного осмысления, а ученый должен ограничивать свое внимание к экспликации контекста обоснования.

Представители Кембриджской школы интеллектуальной истории акцентируют внимание на анализе интенции автора «высказывания»⁶ в

⁵ Такой подход аналогичен исследованию сознания с точки зрения его воплощенности в телесных практиках (энактивизм сознания) Дж. Лакоффом и представителями эволюционной эпистемологии.

⁶ «Изучение (иллокутивных) намерений автора должно стать необходимым условием интерпретации смысла, его произведений», – пишет К. Скиннер. (Скиннер К. Мотивы,

его соотношении с «языками эпохи» (по терминологии К. Скиннера) или господствующими идиомами (как полагает Дж. Покок). Как отмечает К. Скиннер, автор зачастую писал не то, что хотел сказать. Полагаю, что в данном случае необходимо изучение авторской новизны (в широком смысле – действий и результата) и того, как это воспринималось современниками. Случай Монтескье, который не придавал особого значения теории разделения властей в своем фундаментальном труде «О духе законов» (иначе посвятил бы ей гораздо больше страниц текста, дает наглядное подтверждение различию оценки текста автором и читателем. При этом важно иметь в виду, что автор всегда на протяжении своего творческого пути эволюционирует и изменения его взглядов всегда необходимо учитывать⁷.

В то же время такой «антикваризм» необходимо соотнести с «презентизмом» – с тем, как изменялась изучаемая соответствующая теория или институт во времени и как она воспринимается сегодня⁸. К. Скиннер справедливо предостерегает историков от приписывания автору идей, которые он не излагал и не мог излагать. Так, по его мнению, Марсилиус Падуанский не был теоретиком разделения властей, а Д. Локк родоначальником «власти с согласия народа»⁹. Другое дело, именно сегодняшней читатель является «соавтором» того, как именно воспринимается соответствующее произведение или институт сегодня¹⁰. Текст как некое «сообщение», убеждал читателя У. Эко, «формируется в терминах своего определенного кода, но, воспринимаемое разными другими общественными группами, оно неизбежно будет расшифровываться с помощью других кодов. Исходный смысл сообщения при этом часто подвергается своего рода фильтрации или искажению, что может совершенно изменить его “прагматическую” функцию»¹¹.

При всем авторитете английских историков остается без ответа все тот же вопрос: как возникает новое понятие в истории мысли? Позволю

намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Агнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 137).

⁷ Так, Д. Локк эволюционировал от сторонника «авторитарной позиции» в тридцатилетнем возрасте к либеральным убеждениям пятидесятилетнего философа (по странному стечению обстоятельств: обычно, как считается, человек на старости лет превращается в консерватора). (См.: Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. С. 72).

⁸ Иллюзорным является представление о том, что какая-то «идея» остается неизменной, – утверждает К. Скиннер. (См.: Там же. С. 93). «Буквальное значение основополагающих терминов изменчиво с течением времени, поэтому автор мог вкладывать в свои слова совсем другой смысл и оттенок, нежели тот, что воспринимает читатель». (Там же. С. 88).

⁹ Скиннер К. Значение и понимание в истории идей. С. 58–62.

¹⁰ О «сотворчестве» читателя в существовании «сообщения» убедительно писал У. Эко. (См.: Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб., 2005).

¹¹ Там же. С. 235.

в качестве рабочей гипотезы выказать предположение, что юридические понятия формируются на основе метафоризации преимущественно из сферы жизнедеятельности человека, т.е. на основе антропоморфизации. Одновременно возникновению нового понятия предшествует (или «сопровождает» этот процесс) соответствующая юридическая практика. Для ее нужд приспособлявали магические, ритуальные, позднее теологические и идеологические понятия-концепты. Не случайно, как аргументированно утверждает Г. Берман, современная западная традиция права складывается на основе «юридизации» христианских догматов и их трансформации после «папской революции». В то же время возникновение новой правовой практики обуславливается изменениями в историческом и социокультурном контексте – трансформациями экономики, политики, демографии, климата и т.п. При этом внешние факторы сами по себе не «действуют» – они интериоризируются в правосознание элиты и референтных групп данного социума и превращаются из внешнего стимула во внутренний мотив. Именно в это время и формируется новое понятие-концепт¹², которое не только воспроизводит происходящие изменения, но и иногда их стимулирует¹³.

Антропологизация истории юридических понятий и конструкций напрямую связана с антропологическим если не поворотом, то подходом (или методологической и онтологической установкой), который сформировался в историографии новейшего времени. Как отмечает П. Рикер со ссылкой на Р. Козеллека, в конце XVIII – начале XIX в. история «приобрела новое антропологическое значение»¹⁴. История начинает трактоваться как история человечества, всемирная история народов, а «человечество становится одновременно целостным объектом и единственным субъектом истории»¹⁵. Важно отметить также то, что именно в это время, ко-

¹² Различие между понятием и концептом хорошо известно. На уровне правовой идеологии речь должна идти именно о понятии, а вот в практической и тем более повседневной практике происходит «перевод» строгого понятия в «нечеткий» концепт с размытыми границами, в социальные представления, из которых состоит обыденное правосознание. Более того, как утверждал Р. Козеллек, понятия представляют собой абстрактные концепты, в которых аккумулируются многочисленные значения того или иного слова и связанные с ним представления. (См.: Козеллек Р. Введение // *Словарь основных исторических понятий: избранные статьи* : в 2-х т. / пер. с немецкого К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон. И. Ширле ; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. Т. 1. С. 23–23).

¹³ Как утверждал Р. Козеллек, «понятия являются индикаторами и движущими силами происходящих в обществе исторических процессов. ...Во-первых, они указывают на социальные феномены и их изменения, являясь их индикаторами. Во-вторых, они сами, будучи важнейшими элементами познания, являются факторами изменения общественного сознания». (Ширле И. Основные исторические понятия («Grundbegriffe») // *Словарь основных исторических понятий: избранные статьи* : в 2-х т. Т. 1. С. 6, 10.

¹⁴ Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. М., 2004. С. 422.

¹⁵ Там же.

торое уместно именовать как переход от Нового времени к новейшему, как утверждает Р. Козеллек, формируются современные политико-правовые понятия, образующие «каркас» модернистской картины мира эпохи. Многие из них имеют греческие или латинские «корни», но в эту эпоху Просвещения они наполняются новым – современным – содержанием и начинают использоваться в новых политико-правовых практиках.

В то же время важно изучать юридические понятия и конструкции в их уровневой многомерности – в соотношении идеологического аспекта с теоретическим, практическим и обыденным, а также с их дополнением или опосредованием бессознательным. Структура правосознания в этом смысле может быть использована в качестве матрицы структуризации (по терминологии Э. Гидденса, предполагающей взаимодополнительность структуры и действия) юридических понятий. Все это относится к пост-классической программе юридической науки, содержанием которой является антропологизация правовых понятий.

Такая программа предполагает переосмысление классической юридической догматики или аналитической юриспруденции, в которой правовые понятия являются приоритетным и единственным объектом исследования. Во-первых, необходимо признать сконструированность догмы права, а не ее данность. В основе закона (в нашем случае – всех правовых понятий) лежит «первичный произвол», который в процессе «социальной амнезии» (объективации, хабиутализации и седиментации) начинает выдаваться за «естественный ход вещей», утверждал Б. Паскаль, а за ним П. Бурдьё. Этот «первичный произвол» выражает расстановку политических сил в борьбе за официальную номинацию, за признание определенных ситуаций как правовых или противоправных. Значительную помощь в выявлении такой «борьбы» в юридическом поле может оказать теория критического дискурса-анализа, близкая ему по духу школа критических правовых исследований, а также исследования власти номинации П. Бурдьё. Сконструированность правовых понятий позволит не только понять «контекст их открытия», но и задать по отношению к ним критическую установку, а тем самым – возможность их трансформации.

Во-вторых, догма права должна быть вписана в контекст правовой культуры. Именно правовая культура задает содержание формам права и определяет специфику содержания функционирования правовых институтов. Тем самым осуществляется синтаксическое определение значения правовых институтов – с точки зрения их соотношения с другими правовыми и неправовыми (экономическими, политическими и т.д.) институтами.

В-третьих, анализ догмы права должен быть проведен с точки зрения конкретных юридических практик. Для этого необходимо провести редукцию соответствующего правового понятия к практикам конкретных субъектов – людей, носителей соответствующих правовых статусов.

Такая редукция, например, понятия из какой-либо отрасли права, предполагает его конкретизацию в формах внешнего выражения права, затем – в методиках, т.е. рекомендациях, разрабатываемых отраслевыми и специальными дисциплинами по применению (а также соблюдению, исполнению и использованию) соответствующего понятия-института, далее – в образцах коллективных практик по применению понятия-института и методики, и, в конечном счете, – в конкретной деятельности отдельного правоприменителя (или обывателя при соблюдении, исполнении и использовании института или нормы права).

Таким образом, необходимо изучать конкретизацию догмы права – правовых понятий и конструкций – в обычаи и традиции, через которые писаное право, собственно говоря, и действует. Ни одна норма права (точнее – статья нормативного правового акта), даже процессуального, не действует «сама по себе» (впрочем, и право не «действует» «само по себе»). В социальном (и правовом) мире действуют только люди, которые вступают в правоотношения, соблюдают, исполняют, используют информацию, закрепленную в норме права, или нет.

Принципиально важно, что человек, конструирующий и воспроизводящий право, соотносит норму со своими интенциональными установками. Этот сложный вопрос, относящийся к психологии, также должен стать предметом изучения юриспруденции, иначе невозможно объяснить, почему одни нормативные правовые акты выполняют соответствующую социальную функцию, а другие нет.

Таким образом, антропологический «поворот» в юриспруденции требует пересмотра практически всех юридических категорий, понятий, терминов и конструкций, наделение их новым, «практико-человеческим» значением. Право, в этом ракурсе – это социальный конструкт, включающий человека, его правосознание (представленное, прежде всего, образами должного, социально значимого в соотношении с индивидуальными мотивами), нормы как образцы юридически значимого межличностного поведения, реализуемые в практиках человека, ориентированных на социально значимого Другого. Такой – постклассический антропологический подход – не отрицает необходимость юридической догматики, но предполагает необходимым ее включение в исторический и социокультурный контекст, знаково-прагматическую опосредованность, сконструированность, прагматическую реализацию практиками, а тем самым – придание ей человекомерности.

Библиографический список

- Алексеев С. С. Избранное / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2003. – 480 с.
Рикер П. Память, история, забвение / П. Рикер. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

Скиннер К. Мотивы, намерения и интерпретация текстов / К. Скиннер // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – Москва : НЛО, 2018. – 628 с.

Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи : в 2-х т. / пер. с немецкого К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле ; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – Т. 1. – 752 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко ; пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2007. – 501 с.

References

Alekseev S. S. Favorites / S. S. Alekseev. – Moscow : “Statut”, 2003. – 480 p.

Dictionary of basic historical concepts/ Selected articles : in 2 vol. / trans. from German K. Levinson ; comp. Yu. Zaretsky, K. Levinson, I. Shirle ; scientific ed. translation by Yu. Arnautov. – Moscow : New Literary Review, 2014. – Т. 1. – 752 p.

Eco U. The role of the reader. Studies on the semiotics of text / U. Eco ; transl. from English and Italian S. D. Serebryany. – St. Petersburg : Symposium, 2007. – 501 p.

Ricoeur P. Memory, history, oblivion / P. Ricoeur. – Moscow : Publishing House of Humanitarian Literature, 2004. – 728 p.

Skinner K. Motives, intentions and interpretation of texts / K. Skinner // Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History / comp. T. Atnashev, M. Velizhev. – Moscow : NLO, 2018. – 628 p.

Для цитирования:

Честнов И. Л. Антропологизация правовых понятий как способ преодоления догматизации юриспруденции // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 11–18.

Recommended citation:

Chestnov I. L. Anthropologisation of legal concepts as a way to overcome the dogmatization of jurisprudence // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 11–18.

Сведения об авторе

Честнов Илья Львович – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: ichestnov@gmail.com

Information about author

Chestnov Ilya Lvovich – Professor of Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: ichestnov@gmail.com

ЧЕЛОВЕК И ЕГО МЕСТО В КОНФУЦИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Ю. В. Сорокина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 31 августа 2023 г.

Аннотация: в настоящей работе исследованы антропологические положения классического конфуцианства, учение о природе человека, этапах его совершенствования, способности к внутреннему росту и обучению. Рассмотрены различные взгляды конфуцианцев на природу человека, где, с одной стороны, утверждается доброе начало в человеке, с другой – темное и злое. В статье также анализируются основные положения конфуцианской антропологии, такие как человеколюбие, гуманность, искренность и другие.

Ключевые слова: конфуцианство, человек, человеколюбие, искренность, небо, справедливость, ритуал.

A HUMAN AND HIS PLACE IN CONFUCIAN ANTHROPOLOGY

Yu. V. Sorokina

Voronezh State University

Abstract: in this paper the anthropological provisions of classical Confucianism, the doctrine of human nature, the stages of its improvement, the ability for internal growth and learning are studied. Various views of Confucians on human nature are considered, where, on the one hand, a good principle is affirmed in a person, on the other side, a dark and evil one. The article also analyses the main provisions of Confucian anthropology, such as philanthropy, humanity, sincerity, and others.

Key words: Confucianism, man, philanthropy, sincerity, heaven, justice, ritual.

Человек, его внутренняя природа, а также взаимоотношения с другими людьми являются центральным вопросом философии, права, антропологии. Мы постоянно ищем себя, пытаемся докопаться до глубинных аспектов своей жизни, понять, кто мы такие и какими должны быть. Это позволит определить способы нашего бытия в обществе, найти оптимальные средства регулирования поведения людей, живущих в социуме.

Обращение к человеку произошло еще в древности и имело место как на Западе, так и на Востоке. И что касается последнего, то первенст-

© Сорокина Ю. В., 2023

во в исследовании человека и его природы принадлежит величайшему китайскому мыслителю Конфуцию (551–479 гг. до н.э.). Если греческие философы занимались человеком как таковым, то Конфуций (и это свойственно китайской мысли) рассматривал человека с практической точки зрения, а именно – его полезности для государства. Дело в том, что Конфуций посвятил свой труд «Лунь Юй. Беседы и суждения» размышлениям об идеальном государстве, идеальных способах государственного управления. Однако, прорабатывая эти проблемы, Конфуций обращался к познанию человека, размышлял о его месте в общественной и государственной системе. Он выстраивал концепцию идеального и безупречного мужа. Конечно, в его системе не было места правам человека, в Китае были свои ценности, но он писал о достоинстве человека, а его произведение наполнено гуманизмом. Китайский исследователь Ру Син пишет: «История китайской мысли по существу является частью гуманистической традиции, основанной главным образом на концепции человеческой личности. Не будет преувеличением сказать, что идея гуманизма доминировала в традиционной китайской мысли, как только появилось настоящее философское сознание»¹. Но это был очень специфический вид гуманизма. Подчеркивая важность человеческой личности, ее достоинства, китайская мысль рассматривала человека как средство реализации внешних ценностей мира. Китайский социокультурный аспект сильно отличался от западного.

Для китайской антропологии характерно понимание человека в его единении с природой, где вместе они составляют целостное Дао. К слову, данное положение выдвинуто еще ранней китайской философией. Мысль об этом единении «является отправной точкой размышления об общности и единстве мира природы и социального мира»². И далее: «Подобный целостный подход способствует системному и всестороннему познанию мира, позволяет ухватить в динамике и координировать соотношение между целым и частью»³. Одна из главных идей восточной мысли – это достижение баланса и гармонии между человеком и природой, человеком и обществом. В процессе гармонизации человек сливается с природой, встречаясь с ним в едином Дао.

Вместе с тем конфуцианство отстранялось от проблем метафизики. В его системе не было фигуры Творца и идеи сотворения мира Богом. Для Конфуция важнее жизнь человека, его существование в реальном мире и обществе. Также не было доктрины жизни и после жизни, а только в чистом виде концепция человека. Основа философии и антропологии

¹ *Ru Xin*. La personne humaine dans la civilisation chinoise // Diogen. 2006. No. 3. P. 75.

² *Бадмаева М. В.* Проблема человека и общества в учениях конфуцианства и даосизма. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48122400> (дата обращения: 10.08. 2023).

³ Там же.

Конфуция – социоцентризм. Путь Неба не был предметом его рефлексии. В сознании Конфуция Небеса как источник общественного порядка и нравственной жизни не были всемогущим Богом, который управлял всеми человеческими и общественными делами. Небо не вмешивается в жизнь как антропоморфное существо, а играет свою роль нравственного источника и Высшего Существа в духовном мире⁴. Следовательно, именно человек определяет свою судьбу. При этом Конфуций верил, что сам он послан Небесами для выполнения священной миссии. Но даже если он сохранял традиционную веру в Небо, он не стремился узнать, как оно вмешивается в человеческие дела. Для Конфуция Небеса были далеко, и он считал, что лучше думать о близком – о человеке и его делах – и сосредоточил на этом все свое внимание. Отвечая на вопрос своего ученика Чи Лу о поклонении духовным существам, он сказал: «Пока вы не научитесь служить людям, как вы можете служить духам?»⁵. Конфуций переключил внимание со сверхъестественного на самого человека, и человек стал в центр его философии и антропологии.

В древние времена династии Шан-Инь⁶ считалось, что все природные явления и человеческая деятельность контролировались Небом – Тянь. Человек рассматривался как простое существо, подчиненное божественным силам. Но постепенно это представление изменилось, и люди стали приобретать более рациональное представление о Небе. В XI в. до н.э. победа Чжоу над Шан ознаменовала переход старых представлений о Небе к новым интерпретациям. Если раньше власть Неба над человеком представлялась всеобщей и абсолютной, то теперь большое значение в определении жизни человека приобретает мораль и хорошее поведение. Как написано в Ли-цзи⁷, люди Шан-Инь почитают духовных существ, поклоняются им до времени церемоний... Жители Чжоу⁸ чтят церемонии и высоко ценят дарование благ. Конфуций поклоняется духовным существам и уважает их, но держит их на расстоянии⁹. Он убежден, что трудно для человека полагаться на Небеса, и Небесам нельзя доверять. Такие утверждения показывают, что человек начал осознавать свою независимость, прокладывая тем самым путь к возникновению философии человека.

⁴ *Ru Xin*. Op. cit. P. 80.

⁵ Лунь Юй, VI, II. Конфуций. Лунь Юй. VI–VIII // Классическое конфуцианство. Т. 1. СПб. ; М., 2000.

⁶ Раннее царство, существовавшее с 1554 по 1046 г. до н.э. в землях к северу от выхода реки Хуанхэ на Великую китайскую равнину. Государство Шан предшествовало государству Чжоу.

⁷ Одно из произведений конфуцианского канона – Книга обрядов.

⁸ Древнее китайское государство, существовавшее в период с XI по III в. до н.э. Именно союз племен Чжоу смог покорить первое известное древнее китайское царство Шан-Инь.

⁹ См.: *Ru Xin*. Op. cit. P. 82.

Конфуций был представителем этой новой мысли. Для него величие человека заключается в нем самом, потому что «человек может придать Пути (Дао) определенное величие», в то время как «Путь не может произвести величие человека»¹⁰.

Какова же природа человека в конфуцианской парадигме? Как пишут М. В. Бадмаева и О. Б. Бальчиндорджиева, «практически все выдающиеся конфуцианцы обращались к человеческой природе, перебрав все возможные варианты ее оценки, доброй или злой, насколько это допускали рамки, заданные Конфуцием»¹¹. Исследователь конфуцианства А. В. Чебунин считает, что «мыслитель не различал устойчивой и подвижной сторон человеческого существования»¹². Природа человека, его сущность не отделялись Конфуцием от его деятельности. Его интересует не единичная личность, а человек в иерархической системе общества и государства. Можно сказать, что мыслитель задавал практическую направленность своей антропологии. Но все же природе человека Конфуций, а особенно его последователи придавали немалое значение. А. И. Кобзев пишет: «Конфуцианские концепции человека отличаются понятийно-терминологическое разнообразие. Главный термин – Син (натура, качество, характер, природная сущность), который позже был определен как реальная телесная сущность и реальное дело»¹³. Этим термином определяется конкретная индивидуальная природа, т.е. естественные качества человека. И «за этим стоит не терминологическая расплывчатость, а мировоззренческая установка: человек мыслится одним (хотя и центральным) из десяти тысяч вещей, образующих мир»¹⁴. Что же касается сущности человека, то Конфуций предполагает нейтральность внутренней природы человека. Индивидуальные же качества формируются из привычек и поступков. Конфуций замечает, что «по природе люди близки друг другу, а по привычкам далеки друг от друга»¹⁵. Люди имеют единую природу, а характер и личностные качества формируются в течение жизни в результате воздействия внешних обстоятельств и самовоспитания. В результате люди приобретают разнообразные индивидуальные характеристики. Так, «благородный человек достигает высшего, ничтожный человек – низшего. С людьми выше среднего можно говорить о высшем, с людьми ниже средне-

¹⁰ *Ru Xin*. Op. cit. P. 82.

¹¹ Бадмаева М. В. Проблема человека и общества в учениях конфуцианства и даосизма. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48122400> (дата обращения: 10.08.2023).

¹² Чебунин А. В. Природа человека в Конфуцианстве. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29336204> (дата обращения: 11.08.2023).

¹³ Кобзев А. И. Философия китайского конфуцианства. URL: <http://synologia.ru/monograph-1268-52> (дата обращения: 15.08.2023).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Конфуций. Лунь Юй. XVII, II.

го нельзя говорить о высшем»¹⁶. Однако характеристики «высший» и «низший» суть приобретенные качества, сложившиеся, как уже говорилось, в силу внешних обстоятельств, хотя знания могут быть заложены в человеке от рождения. «Знающие суть высшие, знающие от научения суть следующие, обучающиеся через нужду есть низкие среди людей. Высшая разумность и низшая глупость неизменны»¹⁷. Интересно, однако, что разделение людей на «высших» и «низших» относится только к интеллектуальным способностям, а не распространяется на их моральные качества и не характеризует изначальную природу человека.

Великий последователь Конфуция Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.) пишет, что такие качества, как человеколюбие, гуманность – Жень, долг и справедливость – И, ритуал – Ли, ум – Чжи считаются врожденными. Они с воем начале основаны на непосредственном спонтанном чувстве, но в конце становятся сознательным поведением. Мэн-цзы говорил о природной склонности к добру и злу. «Склонность человеческой природы к добру и злу подобна стремлению воды вниз, которая не стремилась течь вниз. ...Лишь голод вынуждает сердца погружаться во зло»¹⁸. Люди от рождения имеют чувство сострадания к другим. Не имеющий чувства сострадания к другим не является человеком в полной мере. Также «не имеющий чувства стыда и ненависти ко злу – не человек, не имеющий чувство правды и неправды – не человек». Мэн-цзы приводит текст о ребенке, падающем в колодезь: «Все имеют чувство сострадания – так, когда люди увидят, что ребенок готов упасть в колодезь, они испытывают испуг и сострадание. Они так поступают не потому, что хотят завязать дружбу с родителями ребенка, не потому, что рассчитывают на похвалу соседей и друзей, и не потому, что они опасаются дурной репутации»¹⁹.

Такая точка зрения не разделяется другим конфуцианцем – Сюнь-цзы (298–238 гг. до н.э.). От отрицал наличие в человеке природных чувств благопристойности и должной справедливости. Человек, по его мнению, от природы зол. Любовь к пользе, выгоде губит способность отказывать себе и уступать другим. Как пишет А. И. Кобзев, «польза-выгода – стандартная противоположность должной справедливости. Плотские страсти губят благопристойность»²⁰. Сюнь-цзы задается вопросом о том, что если бы люди были добры по своей природе, тогда к чему стремиться стать добродетельным. Зачем стремиться к тому, что у него уже есть? Человек ощущает нехватку этого качества и хочет приобрести его. Если бы люди были добры от природы, то утратилась бы необходимость в зако-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Мэн-цзы. VI, I // Классическое конфуцианство. Т. 2. СПб. ; М., 2000.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кобзев А. И. Указ. соч.

нах, предписаниях и ритуалах: каждый сам бы знал, как следует поступать²¹. Причем совершенномудрые не отличаются по природе от других людей, однако они могут распознать свою истинную сущность и сознательно посвящают свою жизнь достижению добродетели. У каждого человека есть желания, которые необходимо обуздывать, поэтому и были созданы ритуалы. «Когда желания не удовлетворяются, то человек обязательно стремится сам удовлетворить их. Если в своем стремлении он не знает ни меры, ни границ, он не может обойтись без соперничества с другими. Когда же возникает соперничество, возникает беспорядок, а за беспорядком следует нищета»²². Таким образом, люди рождаются обураваемыми жаждой наживы, завистливыми, не стремящимися следовать долгу. И именно ритуал вырабатывает привычку к уступчивости, культурности и порядку. Тогда порядок и баланс наступит во всем обществе²³. Сюнь-цзы верит, что человек может быть изменен образованием, ритуалами и законами, и что все люди становятся мудрыми своими собственными усилиями. В результате наступает внутреннее преобразование. Моральное совершенствование полностью зависит от человека, от его преданности обучению и самоконтролю. Для Конфуция личное образование не является конечной целью личности, необходимо «возделывать себя – приносить мир и счастье другим, простым людям»²⁴. «Если человек искореняет зло в себе, а не в других, то не есть ли это исправление дурных намерений. Из-за внезапного гнева забывать и о себе, и о своих родителях – разве это не заблуждение?»²⁵.

подавляющее большинство исследователей Конфуция согласны с тем, что центральное место в его учении отведено Гуманности или Человеколюбию – Жень. Эта полисемичная категория фиксирует нравственное чувство и природу человека. Этот термин, редко использовавшийся до Конфуция, относится к благосклонности, которую суверен оказывает своим подданным. Конфуций, однако, дал ему новые толкования и значения, чтобы возвести его в ранг общей морали и высшей ценности, характерной для человека. С этимологической точки зрения слово «благожелательность» состоит из так называемого «двойного» знака и признака «человек», четко маркирующих ту связь, которая существует между людьми. Для конфуцианца человек всегда живет по отношению к другим, он интегрирован в человеческое сообщество²⁶. Как пишет А. В. Че-

²¹ См.: Крыштон Л. Э. Кан и Сюнь-цзы о злой природе человека // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2015. № 5. С. 142.

²² Сюнь-цзы. Установления Вана. СПб. ; М. 2000. С. 168.

²³ См.: Быков Ф. С. Зарождение общественно-политической философии в Китае. М., 1966. С. 200.

²⁴ Конфуций. Лунь Юй. XIV.

²⁵ Там же.

²⁶ *Ru Xin*. Op. cit. P. 84.

бунин «данная категория по учению Мэн-цзы сконцентрировала в себе все прочие этические понятия и включала в себя две стороны – психологическую и социальную»²⁷. Мэн-цзы пишет: «Фань Чжи спросил о человеколюбии. Учитель ответил: любить всех людей»²⁸. Человеколюбие означало – любить людей и не делать им того, чего не желаешь, чтобы делали тебе. Любить людей – это высший принцип, регулирующий отношения между ними. В Лунь Юй Конфуций 109 раз употребляет термин Жень, что в ряде случаев имеет различное толкование. Отвечая на вопрос ученика, что такое Жень, Конфуций отвечает, что это факт любви ко всем людям. Любить всех людей – таков высший жизненный принцип, который позволяет определить саму суть учения о Жень – Человеколюбии. Эта любовь начинается с любви к отношениям, например, любовь к своим родителям и своим детям, затем она распространяется на других, а потом на всех. Для Конфуция Человеколюбие глубоко укоренено в личности, является врожденным качеством, присущим всем людям. Отсюда его замечание: «Разве Человеколюбие далеко от нас? Как только мы захотим стать человеколюбивыми, так оно придет к нам»²⁹. Мэн-цзы уподобляет Человеколюбие человеческой природе, а поэтому все люди обладают чувством сострадания к другим. Он пишет, что «чувство сострадания – это начало Человеколюбия, чувство стыда и ненависти ко злу – это начало справедливости (И), чувство самоотречения и уступчивости – это начало надлежащих норм поведения (Ли), чувство правды и неправды – это начало мудрости (Чжи)»³⁰. И эти чувства в нас заложены. Конфуций полагает, что человеколюбие – это врожденное чувство и свойство человека. «Все корни гуманности в нас самих. Разве они в других людях?»³¹. Но как его выявить? По мнению Конфуция, каждый человек способен это сделать. «Есть такие люди, которые могут в течение дня посвятить все силы человеколюбию? Я еще не видел таких, у которых бы на это хватало сил и не встречал тех, кто так делал»³². И далее: «Прекрасно то место, где пребывает гуманность. И разве обладает мудростью тот, кто выбирает место, где нет гуманности»³³. На практике человеколюбие состоит в том, чтобы любить других, считать их таковыми, сочувствовать им, проявлять привязанность, уважать их, относиться к ним согласно занимаемому им положению. При этом человек должен не только любить других, но, как уже говорилось, преисполняться любовью ко всем. Следовательно, любовь, как ее понимает Конфуций и его последователи, име-

²⁷ Чебунин А. В. Указ. соч.

²⁸ Мэн-Цзы. XII, XXII. Мэн-цзы.

²⁹ Конфуций. Лунь Юй. VII-XXX.

³⁰ Мэн-цзы. VI-V.

³¹ Конфуций. Лунь Юй. XII-I.

³² Конфуций. Лунь Юй. IV-VI.

³³ Конфуций. Лунь Юй. IV-I.

ет универсальный характер. Она выходит за рамки простой симпатии и состоит в том, чтобы желать и делать добро другим, приносить большую пользу и лучшую жизнь всем.

Одной из черт гуманности человека является искренность – Чен и доверие – Син. Искренность имеет двоякую природу – философскую и этическую. В первом смысле – «искренность Неба» как «качество, имманентное миру и реализующее себя в спонтанности совершенства: отсюда поиски совершенной мудрости, которая бы позволила ему слиться с миром»³⁴. В смысле этической антропологии – это качество человека, направленное на установление и поддержание должных, правильных отношений между людьми, которое вырабатывается у человека при стремлении достичь состояния гуманности. Особое внимание категории «искренность – чен» уделял Мэн-цзы. Она имеет также и политическое и психологическое звучание. Как пишет Лианлиуй, «состояние сознания, его “искренность” становилось не только главным средством единения с миром, но и отражением совершенного мира, совершенства философа и как бы квинтэссенцией его внутреннего мира»³⁵. Настоящая искренность обладает природой небес, но человек и сам должен стремиться к обретению этого качества, и исключения составляют лишь совершенные мудрецы, которые от рождения обладают искренностью – чен, соответственно им не надо прилагать к этому усилий, они естественно идут по Срединному Пути – Дао³⁶. Без искренности невозможно достичь гармонии с миром. Хотя и существует ряд принципов управления государством, но для их реального осуществления необходима искренность, поскольку она – часть Дао. Искренность – явление объективное, она никуда не исчезает и может быть постигнута человеком, она проявляется естественно, ничего не делает, и при этом добивается успеха. К слову, здесь можно увидеть параллель с категорией «Недеяние – У Вэй». Искренность – это завершающий этап становления и совершенства, смысл жизненного пути – приобретение искренности. Но чтобы по этому пути идти, надо понять, что есть хорошее. Поняв это, человек будет отличать хорошее от плохого и совершать хорошие поступки. Для этого необходимо «всесторонне изучать, детально исследовать, серьезно размышлять, но усилий не прекращать»³⁷.

³⁴ Бальчиндорджиева О. Б. Категория «Искренность» в китайской философии и ее место в развитии Китайской народной республики // Вестник Бурятского государственного университета. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kategorija-iskrennost-v-kitayskoy-filosofii-i-ee-mesto-v-razviti-Kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 12.08.2023).

³⁵ См.: Лиан Лиуй. Философско-антропологические аспекты древнекитайских учений : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2008. С. 33.

³⁶ См.: Там же. С. 34.

³⁷ Быков Ф. С. Указ. соч. С. 128.

У людей, которые стремятся обрести искренность, формируются такие черты характера, как настойчивость и упорство, хотя каждый человек индивидуален, и, чтобы обрести искренность, один человек может прилагать больше усилий, чем другой, которому это дается проще. Но все же каждый должен настойчиво идти вперед и прилагать усилия. При этом он должен оставаться искренним с другими³⁸.

Одной из идей конфуцианской антропологии является требование личностного совершенства. Гуманность не является врожденной, ее можно обрести только после рождения путем личностного воспитания, совершенствования и обучения на протяжении всей жизни, путем долгих усилий. Сам Конфуций однажды заметил, что личное образование и обучение бесконечны. Сущность человека, даже добрая от природы, существует только в зародыше и может быть поднята до морального уровня Гуманности путем личного образования и ученичества. «Когда в человеке естественность побеждает образованность, то в результате мы имеем дикаря. Когда же образованность – побеждает естественность, то в результате мы имеем начетчика, когда же образованность и естественность дополняют друг друга, человек превращается в совершенного мужа»³⁹. Сюнь-Цзы, который настаивает на порочной природе человека, согласен с тем, что человек может быть исправлен образованием и законами, и что все люди могут стать мудрецами своими собственными усилиями. Нравственное совершенство зависит от самого человека. Необходима подчиненность непрерывному обучению и самоконтроль. Человек должен вовремя исправиться, если увидит, что его слова не соответствуют его действиям. Но для самого Конфуция личное образование не является целью личности. Гуманность, полученная благодаря этому, должна распространяться на других. «Возделывать себя – приносить мир и счастье другим, простым людям»⁴⁰. Личное воспитание – это имманентный нравственный принцип, и его практическое применение – нести добро другим. Таким образом, личное совершенствование должно сочетаться с уважением к другим людям.

Конфуций также выдвинул концепцию становления человека, которому недостаточно взрослеть и переходить из одной возрастной категории в другую и, соответственно, из одного статуса в системе кровнородственных отношений к другому. Ему необходимо становиться истинным человеком посредством ученичества и самосовершенства. При этом процесс становления имеет точно направленный характер, цель которого раскрывается в последней фазе. «Достичь полного тождества между желаниями своего сердца и предписаниями надлежащих норм поведения, иными сло-

³⁸ См.: Лиан Лююй. Указ. соч. С. 35.

³⁹ Конфуций. Лунь Юй. VI-VIII.

⁴⁰ Конфуций. Лунь Юй. XIV-XXXV.

вами, достичь полной гармонии: гармонии с окружающей средой и гармонии сердца»⁴¹. Сам Конфуций говорит о своем опыте: «В 15 лет я обратил свои помыслы к учебе. В 30 лет я обрел самостоятельность. В 40 лет я освободился от сомнений. В 50 лет познал волю Неба. В 60 лет научился отличать правду от неправды. В 70 лет я стал следовать желаниям своего сердца и не нарушал ритуала»⁴². Следует заметить, что степень совершенства зависит от принадлежности к определенному общественному слою. Благородный муж способен к учению, самосовершенствованию и закреплению моральных качеств. Простолюдин оказывается к этому неспособен, поскольку благородный муж работает умом, а простолюдин в своей работе использует силу мышц. Чун Цзы спросил: «Если все люди одинаковы по врожденной природе, то почему одни становятся великими людьми, а другие простолюдинами, все равно, что малыши детьми?» Мэн-Цзы ответил: «Кто следует великому, тот становится великим человеком, а кто следует малому, тот становится простолудином»⁴³. Простой народ не способен к развитию благородных качеств и потому он обречен на невежество. Для благородных мужей существует пять видов обучения: личный пример, совершенствование добродетели, развитие способностей, уметь дать правильное направление человеку, желание человека укрепить добрые начала природы.

В облике благородного мужа, где присутствуют как этико-социологические, так и этико-психологические черты, «совершенный муж старается закладывать основы своей личности. Когда же основы заложены, возникает Дао – путь»⁴⁴. Совершенный муж исповедует почтительность и уважение к старшим, для него характерен постоянный самоконтроль и оценка себя. Необходимо учинять себе ежедневную проверку: не проявляю ли я неверность по отношению к окружающим, не выражаю ли я тем самым недоверие к своим друзьям и применяю ли я на практике все, что уже получил от своего учителя?⁴⁵ Становление личности – это постоянный бесконечный процесс. Встретив мудреца, благородный человек думает, как сравняться с ним, а встретив неумного человека, он исследует самого себя. Процесс становления очень труден, здесь проявляются всевозможные испытания, а потому необходимо быть верным самому себе, не сходить с пути самосовершенствования несмотря на удары судьбы.

Конфуцианская школа рассматривает индивида как отправную точку и придает тем самым огромное значение уважению и совершенствованию личности посредством самовоспитания при условии следования обще-

⁴¹ Мартынов А. А. Классическое конфуцианство // Конфуций. Лунь Юй. Комментарии. СПб. ; М., 2000. С. 234.

⁴² Цит. по: Там же. С. 234.

⁴³ Мэн Цзы. XII. XXII.

⁴⁴ См.: Лиан Лиуй. Указ. соч. С. 35.

⁴⁵ См.: Конфуций. Лунь Юй. VI-VIII.

признанным и принятым этико-социальным стандартам. Личные ценности признаются и уважаются, но они должны в первую очередь измеряться выполнением социальных обязанностей, а не личными достижениями. Образованные интеллектуалы обладают глубоким чувством своего социального долга и даже исторической миссии. Конфуцианство признает индивидуальные интересы и желания, выступает за умеренность против крайнего индивидуализма и слепой погони за удовлетворением желаний. Когда личные интересы вступают в противоречие с интересами общества и люди сталкиваются с социальной ответственностью, они должны проявить сдержанность, чтобы иметь возможность контролировать свое личное поведение на предмет его соотношения с моральными нормами. Индивидуализм не получил распространения в Китае, и любая позиция отстаивания прав личности не поощрялась.

Также стоит отметить, что конфуцианство практически не прибегает к абстрактным размышлениям и суждениям. Человек всегда оказывается интегрирован в рамки социальных практик. Конечно, он имеет свои физические потребности, эмоции, желания, идеи, волю, которые определяют его как самостоятельного субъекта, который проживает собственную жизнь и имеет индивидуальные ценности. Но для конфуцианской школы только в рамках реальной общественной жизни человек может воплотить в жизнь все свои идеалы, совершенствовать свою личность, проявлять свои качества и умиротворять свой ум. То есть конфуцианское учение можно назвать практическим рационализмом. Ему не надо прибегать к Богу или бежать из реального мира, чтобы обрести мир иной и насладиться свободой души или каким-то душевным утешением. Влияние конфуцианства гарантировало, что государство не станет теократией, а люди не впадут в мистицизм и фанатизм. В этом смысле китайская мысль остается в высшей степени секуляризованным способом решения повседневных проблем людей, более внимательным к области этики, нежели к области метафизики⁴⁶. Большое внимание в конфуцианстве уделяется гармонии природы и человека. Небо, земля и десять тысяч вещей едины. Небо и земля – одно и то же, у всех вещей одно начало. Необходимо достичь баланса между человеком и природой, человеком и обществом, нужно достижение взаимопонимания между людьми. Человек является частью природного мира, а потому должен стремиться к гармонии с ним, быть ориентированным на подчинение природе и слияние с ней.

Одна из целей конфуцианства состоит в том, чтобы достичь гармонии между небом и землей, поскольку это может организовать мир людей наилучшим образом в соответствии с иерархией. На вершине этой иерархии стоит император, который является слугой Неба, а другие выполняют свои функции в соответствии с правами и обязанностями своего класса.

⁴⁶ См.: *Ru Xin*. Op. cit. P. 86.

Вообще гармония предполагает установление сбалансированного и единого отношения между человеком и природой, поскольку его существование тесно связано с последней. Человек должен уважать природу, любить все естественное, он находит путь к осознанию своей собственной природы и достигает гармонизации Неба и земли, он может образовать союз с Небом.

Таким образом, конфуцианская антропология признает ценность человека, его достоинство и способность на совершение великих дел.

Библиографический список

Бадмаева М. В. Проблема человека и общества в учениях конфуцианства и даосизма / М. В. Бадмаева, О. Б. Бальчиндорджиева. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48122400> (дата обращения: 10.08.2023).

Бальчиндорджиева О. Б. Категория «Искренность в китайской философии и ее место в развитии Китайской народной республики» / О. Б. Бальчиндорджиева // Вестник Бурятского государственного университета. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-iskrennost-v-kitayskoy-filosofii-i-ee-mesto-v-kontseptsii-razvitiya-v-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 12.08.2023).

Быков Ф. С. Зарождение общественно-политической философии в Китае / Ф. С. Быков. – Москва : Наука, 1966. – 240 с.

Кобзев А. И. Философия китайского конфуцианства / А. И. Кобзев. – URL: <http://synologia.ru/monograph-1268-52> (дата обращения: 15.08.2023).

Крыштон Л. Э. Кан и Сюнь-цзы о злой природе человека / Л. Э. Крыштон // Вестник РУДН. Сер.: «Философия». – 2015. – № 5. – С. 139–152.

Лиан Лиюй. Философско-антропологические аспекты древнекитайских учений : дис. ... канд. филос. наук / Лиюй Лиан. – Санкт-Петербург, 2008. – 151 с.

Конфуций. Лунь Юй // Классическое конфуцианство. – Санкт-Петербург : Нева ; Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – Т. 1. – 384 с.

Мартынов А. А. Классическое конфуцианство / А. А. Мартынов // Конфуций. Лунь Юй. Комментарии. – Санкт-Петербург : Нева ; Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 240 с.

Мэн-цзы // Классическое конфуцианство. – Санкт-Петербург : Нева ; Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – Т. 2. – 240 с.

Сюнь-цзы. Установления Вана // Классическое конфуцианство. – Санкт-Петербург : Нева ; Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – Т. 2. – 205 с.

Чебунин А. В. Природа человека в Конфуцианстве / А. В. Чебунин. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29336204> (дата обращения: 11.08.2023).

Ru Xin. La personne humaine dans la civilisation chinoise / Xin Ru // Diogen. – 2006. – No. 3. – Pp. 77–85.

References

Badmaeva M. V. The problem of man and society in the teachings of Confucianism and Taoism / M. V. Badmaeva, O. B. Balchindordzhieva. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48122400> (date of access: 10.08.2023).

Balchindordzhieva O. B. Category “Sincerity” in Chinese philosophy and its place in the development of the People’s Republic of China / O. B. Balchindordzhieva // Bulletin of the Buryat State University. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kategorija-iskrennost-v-kitayskoy-filosofii-i-ee-mesto-v-kontseptsii-razvitiia-v-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (date of access: 08.12.2023).

Bykov F. S. The origin of socio-political philosophy in China / F. S. Bykov. – Moscow : Nauka, 1966. – 240 p.

Chebunin A. V. Human nature in Confucianism / A. V. Chebunin. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29336204> (date of access: 08.11.2023).

Confucius. Lun Yu // Classical Confucianism. – St. Petersburg : Neva ; Moscow : OLMA-PRESS, 2000. – Vol. 1. – 384 p.

Kobzev A. I. Philosophy of Chinese Confucianism / A. I. Kobzev. – URL: <http://synologia.ru/monograph-1268-52> (date of access: 08.15.2023).

Kryshthon L. E. Kan and Xun Tzu about the evil nature of man / L. E. Kryshthon // Bulletin of RUDN University. Series: “Philosophy”. – 2015. – No. 5. – Pp. 139–152.

Lian Liyu. Philosophical and anthropological aspects of ancient Chinese teachings : dissertation for the degree of PhD of philosophical sciences / Liyu Lian. – St. Petersburg, 2008. – 151 p.

Martynov A. A. Classical Confucianism / A. A. Martynov // Confucius. Lun Yu. Comments. – St. Petersburg : Neva ; Moscow : OLMA-PRESS, 2000. – 240 p.

Mencius // Classical Confucianism. – St. Petersburg : Neva ; Moscow : OLMA-PRESS, 2000. – Vol. 2. – 240 p.

Xunzi. Wang’s Establishments // Classical Confucianism. – St. Petersburg : Neva ; Moscow : OLMA-PRESS, 2000. – Vol. 2. – 205 p.

Ru Xin. La personne humaine dans la civilisation chinoise / Xin Ru // Diogen. – 2006. – No. 3. – Pp. 77–85. [In French]

Для цитирования:

Сорокина Ю. В. Человек и его место в конфуцианской антропологии // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 19–31.

Recommended citation:

Sorokina Yu. V. A human and his place in Confucian anthropology // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. 4(5). Pp. 19–31.

Сведения об авторе

Сорокина Юлия Владимировна – профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

E-mail: yulia_sor@mail.ru

Information about author

Sorokina Yulia Vladimirovna – Professor at the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Full Professor

E-mail: yulia_sor@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ПРАВОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ»: ЮРИДИЧЕСКАЯ «ХИМЕРА» ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ КУЛЬТУРАЛЬНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Е. Ю. Калинина

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Поступила в редакцию 30 июня 2023 г.

Аннотация: понятие правовой ментальности в последние десятилетия используется как само собой разумеющееся, и немногие ученые дают его трактовку. Однако попытки научно обосновать его и очертить понятийные границы чаще всего неудачны, что вынуждены констатировать авторы современных исследований. Это нередко дает основания считать понятие правовой ментальности ненаучным, юридической «химерой». В настоящем исследовании анализируются основные попытки определения этого понятия и делаются выводы о том, что свои основополагающие черты оно обретает не при универсальном подходе, а в рамках определенных методологических концепций.

Ключевые слова: правовая ментальность, правовая культура, правосознание, культурально-антропологический подход, цивилизационный подход, юридическая «химера».

IS THE CONCEPT OF “LEGAL MENTALITY”: A “CHIMERA” OR REALITY IN THE FRAME OF THE CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL METHODOLOGICAL APPROACH

E. Yu. Kalinina

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

Abstract: the concept of legal mentality has been taken for granted in recent decades, and few scholars give an interpretation of it. However, attempts to scientifically substantiate it and outline conceptual boundaries most often fail, which the authors of modern studies are forced to state. This often gives reason to consider the concept of legal mentality unscientific, legal “chimera”. This study analyzes the main attempts to define this concept and concludes that it acquires its fundamental features not with a universal approach, but within the framework of certain methodological concepts.

Key words: legal mentality, legal culture, legal consciousness, cultural-anthropological approach, civilizational approach, legal “chimera”.

У термина «ментальность» непростая научная судьба. Уже более 20 лет его пытаются ввести в отечественную науку исследователи разных отраслей гуманитарного знания, в том числе в праве, хотя в силу консервативности и значительной ригидности правового мышления это было сложнее всего. Если провести анализ публикаций и монографических исследований, можно заметить, что наибольший интерес к этой теме проявлялся в период с 1999 по 2006 г.¹ В 2009–2010 гг. были защищены одни из последних значимых диссертаций по данному вопросу². В последние годы несколько возрос интерес к теме культурально-антропологической составляющей правосознания и произошел возврат к попыткам определить правовую ментальность³. Тем не менее довольно любопытно, что в последних научных исследованиях на данную тему констатируется тот факт, что определить сущность и содержание или хотя бы внятные границы понятия «правовая ментальность» не удалось⁴.

Одной из самых больших проблем, связанных с проблемой признания или отрицания понятия «правовой менталитет», является его связь с романтическим определением, не оправдавшим себя в науке, – «дух на-

¹ См., напр.: *Мордовцев А. Ю.* Российская государственность в ментально-правовом измерении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2004; *Овчиев Р. М.* Правовая культура и российский правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006; *Байниязов Р. С.* Правосознание и правовой менталитет в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006; *Кулыгин В. В.* Этнокультура уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2003; *Пахомов Е. И.* Социокультурные основания и механизмы формирования современной правовой культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2001; *Лубский Р. А.* Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 1999; *Овчинников А. И.* Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2004; *Гриценко Г. Д.* Право как социокультурное явление: философско-антропологическая концепция : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2003; *Довлекаева О. В.* Правовой менталитет: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2007; *Меняйло Д. В.* Правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003; *Путилова Л. М.* Сущность самопознания в опыте ментальной идентификации: в контексте философской антропологии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1999.

² См.: *Вовк В. Н.* Патернализм в российском правовом менталитете : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010; *Медушевская Н. Ф.* Интеллектуально-духовные основания российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

³ См.: *Гусарова М. А.* Российское правосознание в аспекте социокультурной динамики: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2018; *Калинина Е. Ю.* Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 2021.

⁴ См.: *Волик К. Б.* К вопросу дефиниции правового менталитета // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7. С. 117–120; *Корнеева А. В., Кузина Е. В., Надеждина Е. Ю.* Русские и немецкие сказки как объект анализа в исследовании менталитета нации // Язык и культура. 2023. № 61. С. 47–62.

рода». Несомненно, оно передает важную информацию о сущности менталитета, но оно неопределимо само в себе, а следовательно, к научным определениям не имеет никакого отношения. В этом смысле невозможно не согласиться с мнением А. Ю. Мордовцева, который заметил, что «имеющие место подходы, носящие часто лишь созерцательный, интуитивный (либо излишне поэтизированный или мистифицированный) характер и ориентирующиеся на неявные, контекстуальные определения менталитета, должны быть пересмотрены в пользу строгих и научно-обоснованных конструкций»⁵, которые, в частности, он пытался предложить. Нужно заметить, что и сегодня многие авторы, описывая понятие «ментальность» в работах разного уровня (в том числе в рамках диссертационных исследований), употребляют метафорические описания, которые невозможно определить и тем более верифицировать в рамках научной логики и языка. Используются такие слова, как духовность, душа, а целые народы объявляют «склонными» к чему-либо (как деятельности), к какой-то «форме мышления», например, русскому народу приписывают монархизм, правовой нигилизм, патернализм, а то и вовсе говорят о низкой правовой культуре как элементе ментальности, склонности к несвободе и т.п. Разумеется, что после таких «научных» характеристик встает вопрос о ненаучности данного понятия. В одной из рассмотренных диссертаций, например, встретилась такая конструкция: правовая ментальность «есть тот стержень, при помощи которого правовая культура общества этнически “пульсирует”»⁶. В данном случае мы не критикуем работу как таковую, в ней есть много ценных идей по поводу сущности понятия «правовая ментальность». Без таких метафорических ненаучных конструкций подчас невозможно обойтись. Важно, чтобы они не оказались «пустыми», т.е. теми самыми «химерами». Например, такой значимый исследователь данной темы, как Р. С. Байниязов, показал, что «правосознание – это духовно-ментальная и мировоззренческо-идеологическая основа правовой действительности»⁷. В этом же ключе он ведет речь о собственно правовой ментальности, чего невозможно избежать на данном этапе ее изучения. Тем не менее в ряде исследований встречаются «пустые» конструкции, которые не только повторяют образную формулу о «пульсации» культуры, но и добавляют новые «краски»: «правовой менталитет – это необходимый блюститель правовой регламентированности. Благодаря своей окостенелости, правовой менталитет санкционирует сохранность и увеличение всего самого лучшего, что было в предшествующих национальных и мировых обычаях права»⁸.

⁵ Мордовцев А. Ю. Указ. соч.

⁶ Овчиев Р. М. Указ. соч.

⁷ Байниязов Р. С. Указ. соч.

⁸ Волик К. Б. Правовой менталитет и правовая культура // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 52–57.

Представляется, что подобные попытки определить понятие правовой ментальности в научном дискурсе имеют цель обрисовать контуры этого в целом нового социокультурного феномена, обнаружить и описать те его черты, которые лишь интуитивно выявлены научным профессиональным правовым сознанием, но на сегодняшний день требуется привлечь огромный фактологический и особенно эмпирический материал из разных наук, начиная с психологии и философии, которые с разных позиций изучают сознание. Именно проблема неизученности сознания в профильных науках вкупе с необходимостью включать результаты исследований в юриспруденцию порождает сущности, которые могут показаться «юридическими химерами», но, на наш взгляд, таковыми не являются.

Следует отметить и те яркие и важные находки, которые выявляют существенные характеристики концепта правового менталитета. К сожалению, следующее утверждение – это всего лишь гипотеза, но она при должном изучении и подкреплении данными психологических наук может очень многое дать для теоретико- и историко-правовых исследований в рамках цивилизационного и культурально-антропологического подходов. Вскользь эту идею упоминает Г. Д. Гриценко, которая показывает, что специфика правового менталитета, в частности, состоит в том, что он представляет собой духовно-психологический детерминант права⁹. Эту же мысль повторила с некоторыми интерпретациями О. В. Довлекаева, но те корректировки, которые она внесла в изначальное определение, весьма любопытны и при этом подтверждают нашу мысль. По ее мнению, «правовой менталитет есть духовно-правовая психологическая инварианта, при помощи которой правовая культура общества функционально обеспечивает собственную культурную самость»¹⁰. На психологическую составляющую понятия ментальность обратила внимание Л. М. Путилова: «Как совокупность когнитивных, аффективных и поведенческих характеристик оно являет собой психическое состояние и социокультурный феномен»¹¹. Р. А. Лубский в диссертации еще в 1999 г. заметил (и это не нашло дальнейшего рассмотрения в отечественной правовой литературе, поскольку для проверки этой гипотезы необходимы серьезная, не поверхностная психологическая подготовка и знание современных исследований в области изучения сознания, например сегодня это нейропсихология и другие отрасли), что сущностной характеристикой менталитета можно считать то, что в его структуре выделяются одновременно сознательный и бессознательный уровень в совокупности, а не бинарно¹². Это свойство характерно для психики, но понятие «психи-

⁹ См.: Гриценко Г. Д. Указ. соч.

¹⁰ Довлекаева О. В. Указ. соч.

¹¹ Путилова Л. М. Указ. соч.

¹² См.: Лубский Р. А. Указ. соч.

ка» не перешло границы отдельной науки и ассоциируется с психофизиологией в большей степени, чем с психологией. Следовательно, оно практически не используется в других гуманитарных науках, поскольку для этого нужно обладать специальными знаниями. Понятие психики было заменено в них понятием «сознание», которое, хотя и является более понятным и как бы даже само собой разумеющимся, но на самом деле научно определено не намного лучше, чем понятие «менталитет». Однако при этом понятие «правосознание», например, укоренилось в правовой науке и вряд ли кто-то будет оспаривать его научность и пользу для изучения и изменения правовой действительности. Более того, парадоксальность понятия «сознание» заключается в том, что оно неминуемо включает в себя сферу бессознательного, и это происходит в ситуации, когда понятие бессознательного определено в науке еще меньше и очень часто отрицается научным сообществом как научное. Это еще одно утверждение в пользу включения понятия «правовой менталитет» в сферу изучения в рамках юридической науки. Оно пока еще, будучи не окончательно утвердившимся, может позволить себе экспериментаторскую составляющую. Например, мы можем предположить, что понятие менталитет в праве включает элементы как сознательные (рациональные), так и бессознательные (иррациональные), и тем самым включить их в сферу изучения правовой науки. А. И. Овчинников определяет правовой менталитет как «исторически сложившуюся матрицу типизации юридически значимого поведения и правовых оценок, схему смыслопостроений, определяющую правовое мышление и остающуюся полностью неуловимой в рефлексии, так же как и характер народа»¹³. Это определение до сегодняшнего дня представляется одним из наиболее удачных, поскольку включает элемент сомнения при попытке как можно более четко очертить границы этого явления и описать его основные структуры. Это определение безупречно, но оно показывает, как сегодня оно может быть сформулировано, что одновременно очевидно исключает его из категории «юридических химер».

Вероятно, если выстраивать такой социально-правовой конструкт, как «ментальность», то самая главная сложность состоит не в том, что мы не можем определить его сущность и содержание. Гораздо более значимым вызовом для современной теоретико-правовой и историко-правовой науки можно считать то, что мы до сих пор не способны сформулировать тот фундамент, на основе которого формируется сознание. Развитие нашего правового мышления дошло до того, что интуитивно проникает сквозь покров тьмы, скрывающей новые социокультурные феномены, чтобы с большой долей уверенности утверждать наличие этих конструктов, а также познавать их основополага-

¹³ Овчинников А. И. Указ. соч.

ющие признаки, которые в последующем в своей совокупности смогут стать основой для новой научной концепции. Этот процесс можно сравнить с ситуацией, когда представители естественных наук с помощью расчетов вывели существование нового небесного тела или частицы, но пока не существует контрольно-измерительных средств, позволяющих зафиксировать их в чувственном опыте. Позволяет ли это считать такие объекты химерами? Точно так же, как и в случае с такими явлениями, подобными изучаемым нами, ответом может служить неопределенность – и да, и нет, в зависимости от методологического инструментария, используемого исследователем. В дальнейшем мы либо подтвердим наличие такого социально-правового конструкта, как «правовая ментальность», либо нет (тогда *a posteriori* мы будем точно уверены в том, что это юридическая химера). Однако современные собранные данные позволяют уже сегодня мыслить правовой менталитет как правовую реальность.

Библиографический список

Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р. С. Байниязов. – Саратов, 2006. – 23 с.

Вовк В. Н. Патернализм в российском правовом менталитете : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Вовк. – Краснодар, 2010. – 29 с.

Волик К. Б. К вопросу дефиниции правового менталитета / К. Б. Волик // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 7. – С. 117–120.

Волик К. Б. Правовой менталитет и правовая культура / К. Б. Волик, Г. К. Мартыненко, Б. К. Мартыненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 52–57.

Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление: философско-антропологическая концепция : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Г. Д. Гриценко. – Ставрополь, 2003. – 42 с.

Гусарова М. А. Российское правосознание в аспекте социокультурной динамики: философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / М. А. Гусарова. – Саранск, 2018. – 42 с.

Довлекаева О. В. Правовой менталитет: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. В. Довлекаева. – Ростов-на-Дону, 2007. – 22 с.

Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Ю. Калинина. – Калининград, 2021. – 42 с.

Корнеева А. В. Русские и немецкие сказки как объект анализа в исследовании менталитета нации / А. В. Корнеева, Е. В. Кузина, Е. Ю. Надеждина // Язык и культура. – 2023. – № 61. – С. 47–62.

Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Кулыгин. – Владивосток, 2003. – 473 с.

Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р. А. Лубский. – Ростов-на-Дону, 1999. – 33 с.

Медушевская Н. Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Ф. Медушевская. – Москва, 2010. – 56 с.

Меняйло Д. В. Правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Меняйло. – Волгоград, 2003. – 23 с.

Мордовцев А. Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Ю. Мордовцев. – Ростов-на-Дону, 2004. – 53 с.

Овчиев Р. М. Правовая культура и российский правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. М. Овчиев. – Краснодар, 2006. – 25 с.

Овчинников А. И. Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. И. Овчинников. – Краснодар, 2004. – 47 с.

Пахомов Е. И. Социокультурные основания и механизмы формирования современной правовой культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. И. Пахомов. – Белгород, 2001. – 21 с.

Путилова Л. М. Сущность самопознания в опыте ментальной идентификации : В контексте философской антропологии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Л. М. Путилова. – Москва, 1999. – 35 с.

References

Bainiyazov R. S. Legal awareness and legal mentality in Russia : abstract of thesis ... Doctor of Law / R. S. Bainiyazov. – Saratov, 2006. – 23 p.

Vovk V. N. Paternalism in the Russian legal mentality : abstract of thesis ... PhD in Legal Sciences / V. N. Vovk. – Krasnodar, 2010. – 29 p.

Volik K. B. On the issue of definition of legal mentality / K. B. Volik // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2022. – No. 7. – Pp. 117–120.

Volik K. B. Legal mentality and legal culture / K. B. Volik, G. K. Martynenko, B. K. Martynenko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2022. – No. 8. – Pp. 52–57.

Gritsenko G. D. Law as a sociocultural phenomenon: philosophical and anthropological concept : abstract of thesis ... Doctor of Philosophy / G. D. Gritsenko. – Stavropol, 2003. – 42 p.

Gusarova M. A. Russian legal consciousness in the aspect of sociocultural dynamics: philosophical analysis : abstract of thesis ... Doctor of Philosophy / M. A. Gusarova. – Saransk, 2018. – 42 p.

Dovlekaeva O. V. Legal mentality: social and philosophical analysis : abstract of thesis ... PhD in Philosophical Sciences / O. V. Dovlekaeva. – Rostov-on-Don, 2007. – 22 p.

Kalinina E. Yu. Formation of the state-legal system of medieval Spain: a civilizational approach : abstract of thesis ... Doctor of Law / E. Yu. Kalinina. – Kaliningrad, 2021. – 42 p.

Korneeva A. V. Russian and German fairy tales as an object of analysis in the study of the mentality of a nation / A. V. Korneeva, E. V. Kuzina, E. Yu. Nadezhdina // Language and culture. – 2023. – No. 61. – Pp. 47–62.

Kulygin V. V. Ethnoculture of criminal law : abstract of thesis ... Doctor of Law / V. V. Kulygin. – Vladivostok, 2003. – 473 p.

Lubsky R. A. Political mentality: methodological problems of studying and Russian realities : abstract of thesis ... PhD in Philosophical Sciences / R. A. Lubsky. – Rostov-on-Don, 1999. – 33 p.

Medushevskaya N. F. Intellectual and spiritual foundations of Russian law : abstract of thesis ... Doctor of Law / N. F. Medushevskaya. – Moscow, 2010. – 56 p.

Menyailo D. V. Legal mentality : abstract of thesis ... PhD in Legal Sciences / D. V. Menyailo. – Volgograd, 2003. – 23 p.

Mordovtsev A. Yu. Russian statehood in the mental and legal dimension : abstract of thesis ... Doctor of Law / A. Yu. Mordovtsev. – Rostov-on-Don, 2004. – 53 p.

Ovchiev R. M. Legal culture and Russian legal mentality : abstract of thesis ... PhD in Legal Sciences / R. M. Ovchiev. – Krasnodar, 2006. – 25 p.

Ovchinnikov A. I. Legal thinking : abstract of thesis ... Doctor of Law / A. I. Ovchinnikov. – Krasnodar, 2004. – 47 p.

Pakhomov E. I. Sociocultural foundations and mechanisms of formation of modern legal culture : abstract of thesis ... PhD in Philosophical Sciences / E. I. Pakhomov. – Belgorod, 2001. – 21 p.

Putilova L. M. The essence of self-knowledge in the experience of mental identification: in the context of philosophical anthropology : abstract of thesis ... Doctor of Philosophy / L. M. Putilova. – Moscow, 1999. – 35 p.

Для цитирования:

Калинина Е. Ю. Понятие «правовая ментальность»: юридическая «химера» или реальность в свете культурально-антропологического подхода // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 32–39.

Recommended citation:

Kalinina E. Yu. Is the concept of “legal mentality”: a “chimera” or reality in the frame of the cultural-anthropological methodological approach // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 32–39.

Сведения об авторе

Калинина Елена Юрьевна – доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент

E-mail: bellaflor@mail.ru

Information about author

Kalinina Elena Yuryevna – Associate Professor of Theory of Law and Legal-Civic Education Department of Law Faculty of Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Associate Professor

E-mail: bellaflor@mail.ru

УДК 316.48

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНФЛИКТА КАК УСЛОВИЕ ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 мая 2023 г.

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы современной политической конфликтологии, связанные с насущной потребностью в институционализации политических конфликтов как ответа на опасный вызов дестабилизации и разрушения системы международной безопасности. Автор подчеркивает отличие политического конфликта от юридического, отмечая вместе с тем их неразрывную связь, делающую возможным урегулирование конфликтного противоборства. Предложен алгоритм политической институционализации, включающий ментальную предпосылку, формирование конфликтных групп, переговорные и медиативные механизмы поиска конфликтного урегулирования.

Ключевые слова: политический конфликт, юридический конфликт, конфликтология, институционализация конфликтов, конфликтная парадигма мировосприятия, формирование групп интересов, переговоры, медиация.

INSTITUTIONALIZATION AS A BASIS OF THE CONFLICT SETTLEMENT

A. V. Glukhova

Voronezh State University

Abstract: the paper shows that modern political conflictology has the urgent need for the institutionalization of political conflicts as a response to the dangerous challenge of destabilization and destruction of the international security system. The author emphasized the difference between a political conflict and a legal one, but also marked their inner connection. This connection makes it possible to resolve the conflict confrontation. The author proposed an algorithm of political institutionalization, including a mental prerequisite, the formation of conflict groups, negotiation and mediation mechanisms for seeking conflict resolution.

© Глухова А. В., 2023

Key words: political conflict, legal conflict, conflictology, institutionalization of conflicts, worldview conflict paradigm, formation of interest groups, negotiations, mediation.

Конфликтология представляет собой весьма интересную и перспективную отрасль научного знания. Однако былое внимание и заинтересованность в ней, характерные для 1990-х и первой половины 2000-х гг., сменились заметным падением интереса, резким спадом числа научных публикаций и защит диссертаций, в том числе и по причине неопределенного статуса конфликтологического знания в номенклатуре специальностей ВАКа. В настоящий момент ситуация обрела уже поистине драматический характер: закрываются отделения (Санкт-Петербургский государственный университет) и кафедры конфликтологии (Казанский (Приволжский) и Южные федеральные университеты). Студентов, обучающихся на соответствующих отделениях, доучат и выпускают, и на этом будет поставлена точка. Такая ситуация выглядит удручающей и может быть прокомментирована почти исключительно по И. Бродскому: «Вот и прожили мы больше половины. Как сказал мне старый раб перед таверной: “Мы, оглядываясь, видим лишь руины”. Взгляд, конечно, очень варварский, но верный»¹. В связи с этим проведение международных конференций конфликтологической направленности Научно-образовательным центром юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ представляется очень важным. Это позволяет сохранить высокий тонус научного интереса к конфликтологической проблематике.

Проблематика юридических конфликтов представляется чрезвычайно актуальной именно в аспекте юридикации любого конфликта, обретения им правовой формы как условия мирного, цивилизованного поиска путей сближения интересов и позиций сторон, т.е. урегулирования конфликта. Сказанное особенно справедливо в контексте резко обострившейся международной обстановки, сопровождающейся обрушением целой системы договоров по ограничению и сокращению вооружений между Россией и США, исторически являвшихся главным способом укрепления стабильности стратегических отношений двух ядерных сверхдержав. «Без этого гонка вооружений увеличивает потенциалы первого удара, сокращать которые возможно лишь на взаимной договорной основе, – отмечает один из ведущих исследователей проблем международной безопасности академик А. Арбатов. – Кроме того, подрывается транспарентность и предсказуемость стратегического баланса»². Возникает принципиаль-

¹ Бродский И. Письма римскому другу : стихотворения. Л., 1991. С. 58.

² Арбатов А. Г. Украинский кризис и стратегическая стабильность // ПОЛИС. Политические исследования. 2022. № 4. С. 26.

но новый этап состояния международной безопасности в условиях гонки ядерных и иных вооружений безо всяких ограничений, правил и обмена военной информацией. Общий климат политических взаимоотношений государств исследователи все чаще определяют как новую «холодную войну»; на смену парадигмы делиберативной демократии Ю. Хабермаса³ вновь пришла парадигма «друзей» и «врагов» К. Шмитта⁴.

Вместе с тем, как свидетельствует исторический опыт послевоенных семидесяти с лишним лет, безопасность государства нельзя укрепить отказом от договоров. Более того, такой отказ всегда шел в ущерб безопасности. ослаблял ее, даже если то или иное государство демонстрировало первенство в создании нового оружия. Самый же главный урок заключается в том, что ядерное сдерживание может быть гарантией мира только в сочетании с сохранением и расширением системы и режимов договорно-правового контроля над ядерным оружием. Поэтому спасение имеющихся договоров или разработка и подписание новых составляют единственную институциональную основу для укрепления всеобщей безопасности⁵.

Согласно позиции одного из отцов-основателей конфликтологии в России, академика В. Н. Кудрявцева, правовым следует считать любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями), и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет за собой правовые последствия. Так, если говорить о международных конфликтах, очевидно, что правовым можно считать любой межгосударственный конфликт, в том числе и между сторонами, не связанными договором. Это объясняется тем, что отношения любых государств подпадают под действие норм международного права⁶.

Некоторые конфликты с самого начала имеют правовую основу, поскольку их участники/контрагенты связаны правовыми отношениями, часто выступающими в качестве объекта конфликта или мотива их поведения. Но гораздо чаще правовая форма возникает не сразу, а лишь по мере развития конфликтного противоборства, когда появляется или изменяется юридическая компонента в конфликтных ситуациях.

³ См.: *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns.* (Bd. 1, Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2, Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft). Frankfurt am Main, 1981.

⁴ См.: *Шмитт К.* Понятие политического // *Вопросы социологии.* 1992. Т. 1, № 1. С. 37–68.

⁵ См.: *Арбатов А. Г.* Диалектика Судного дня: гонка вооружений и их ограничения // *ПОЛИС. Политические исследования.* 2019. № 3. С. 27.

⁶ См.: *Кудрявцев В. Н.* Социальные деформации (причины, механизмы, пути преодоления). М., 1992.

Иначе обстоит дело с политическими конфликтами. В свое время известный немецкий юрист Г. Кельзен, рассуждая о международных конфликтах, указывал, что правовые споры – это споры, в которых обе стороны основывают свои претензии и отказ в удовлетворении претензий противной стороны на позитивном международном праве. Но политические споры – «это споры, в которых по крайней мере одна сторона основывает свои претензии или свою защиту от претензий противной стороны не на позитивном международном праве, а на других принципах или не основывает их на каких бы то ни было принципах вообще»⁷. И хотя Г. Кельзен пишет о международных конфликтах, отличие политического аспекта от правового в конфликтах разного типа и уровня подмечено им совершенно точно. В урегулировании политических конфликтов наряду с правовыми присутствуют и оказываются порою более эффективными и собственно политические технологии. В их числе – достижение равновесия сил, заключение компромиссов, нахождение консенсуса интересов и т.д. Однако урегулирование, а тем более разрешение конфликтов, всегда означает их возвращение в политико-правовую плоскость и оформление в виде договора, соглашения, меморандума и т.п. Из силовой (насильственной формы), каковой является вооруженный конфликт или война, как его крайняя степень, он возвращается в сферу политики и права, т. е. институционализируется.

Понятие «институционализация» имеет чрезвычайно широкое толкование и значение в исследовании конфликтов, особенно политических. Это связано с тем, что сила, понимаемая буквально (как материальный, финансовый, статусный, информационный, силовой и прочий ресурс), играет в политике чрезвычайно важную роль, и соблазн ее использовать у политика всегда очень силен. Но, на деле, использование силы, особенно военной, чревато самыми разными, в том числе и непредсказуемыми последствиями, и строго говоря, выводит конфликт за рамки политики. Что же касается рамок, то в трансформирующемся, переходном обществе их может и не быть, т.е. их нужно сформировать заново. Это предполагает создание в обществе устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих политическую сферу человеческой жизнедеятельности и организующих ее в систему ролей и статусов, образующих политическую систему. Коротко говоря, институты – это прежде всего нормы, сопровождающие их санкции и организационные формы, в которых они проявляются. Для оценки эффективности функционирования институтов важен не только политико-правовой, но и нравственный аспект: дееспособные, эффективные институты выражают не только букву, но и «дух» законов, т.е. они

⁷ Цит. по: Юридический конфликт: сферы и механизмы. (Юридическая конфликтология). М., 1994. Ч. 2. С. 160.

не просто легальны, но и легитимны. Помимо прочего, институты имеют властный характер, но это власть, подконтрольная обществу и действующая в рамках обоснованных законов⁸.

Условием мирного урегулирования конфликта является наличие институциональных механизмов, обеспечивающих консультации, переговоры, посредничество, исследование возможных альтернатив и поиски взаимоприемлемых решений. И, наоборот, перспективы политического тупика или принуждения возрастают, если институциональные механизмы ограничивают возможности соглашения.

Вместе с тем сводить институционализацию лишь к ее юридическому, правовому аспекту значило бы серьезно упростить и сузить смысл этого сложного понятия. Применительно к политическому конфликту она означает не просто наличие некоторых формальных правил и норм, но и:

- закрепление в менталитете образа конфликта как нормального, а не патологического феномена, его легитимацию в общественном сознании;
- признание альтернативности политических позиций, а следовательно, и статуса оппозиции;
- существование общепризнанных правил, норм конфликтного поведения, причем не только в соглашениях конфликтующих субъектов, но и в политико-правовой культуре общества, государства;
- наличие или формирование институтов регулирования политических отношений, включая конфликты;
- существование конституционных подходов к конфликтам.

Успешное регулирование политических конфликтов предполагает определенную последовательность институциональных мер. Началом институционализации можно считать институционально-ментальную предпосылку, т.е. закрепление в политической ментальности спокойного восприятия конфликтной ситуации и, в этом смысле, справедливости дела оппонента. Речь идет не о том, чтобы признать справедливость содержательных интересов оппонента, но о том, что он *в принципе* может отстаивать собственные, отличные от прочих интересы. Иными словами, в общественном сознании должна присутствовать специфическая конфликтная парадигма мировосприятия, исходящая из признания перманентности конфликта и возможности позитивного воздействия на него в любых, даже самых сложных ситуациях. А на уровне обыденного сознания важно терпимое восприятие различий между людьми. Тому, кто не допускает конфликтов, рассматривает их как патологические отклонения от воображаемого нормального состояния, не удастся совладать с ними. Вместе с тем недостаточно и покорного, «смирненного» признания неизбежности конфликтов. Необходимо осознание и использование их

⁸ См.: Дарендорф Р. Мораль, институты и гражданское общество // Путь. Международный философский журнал. 1993. № 3.

плодотворного, творческого принципа. «Это означает, что любое вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявлений, и следует отказаться от бесполезных попыток устранения их причин, – писал Р. Дарендорф. – Причины конфликтов – в отличие от их явных конкретных предметов – устранить нельзя; поэтому при регулировании конфликтов речь всегда может идти только о том, чтобы выделять видимые формы их проявления и использовать их вариабельность»⁹.

Таким образом, едва ли не главным условием ментальной институционализации является артикуляция и акцентирование различий и противоположности сторон. Если в конфликте неоправданно (и ошибочно) подчеркиваются общие интересы, то эффективно урегулировать его не представляется возможным.

Сказанное, разумеется, не означает, что в конфликтных ситуациях вообще не существует общих интересов: без них сам конфликт был бы невозможен. Однако настаивание на общих интересах при умалении различий гораздо чаще ведет к эскалации конфликта, к росту, а не к ослаблению насилия. Это связано с тем, что сторона, располагающая в конфликте большим силовым потенциалом, может игнорировать или подавлять противоположную сторону под маской «общих интересов». Всякое подчеркивание общих, а тем более общенациональных интересов, за которые выдаются интересы частные или корпоративные, способно лишь предельно обострить и политизировать такой конфликт, дискредитировав заодно и саму идею партнерства власти и гражданского общества¹⁰.

Другим важнейшим компонентом институционализации политического конфликта является организация групп интересов – конфликтных групп, с последующей канализацией конфликта из латентной стадии в открытую, т.е. его манифестирование. Строго говоря, это проблема формирования субъектов конфликта, контрагентов конфликтного противоборства, поскольку политика, – это искусство создавать коллективных акторов.

Исторический опыт показывает, что вне организации групп интересов регулировать развитие политического конфликта невозможно: этому препятствует диффузный характер, рассеянность, несвязанность группировок и объединений, противостоящих власти. Наиболее показательным примером является партизанская война, террористические акты, крайне сложные для урегулирования. Другой формой проявления неорганизованного недовольства масс могут стать погромы, стихийные беспорядки, разрушение систем коммуникаций и т.д. Следовательно, критически

⁹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 146.

¹⁰ См.: Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е. М., 2010. С. 207.

важно наличие условий для организации конфликтующих сторон и их зрелость в этом отношении.

Организация групп интересов сама по себе есть процесс, состоящий из нескольких стадий: политической идентификации, осознания общности своих интересов, артикуляции позиций, мобилизации политических ресурсов, включая сторонников. Проявление конфликта вовне, т.е. его манифестирование, предполагает дальнейшие акции: предъявление притязаний, демонстрация готовности к отстаиванию своих интересов, прямая демонстрация своей особой позиции. Чем выше уровень организации групп интересов, и соответственно, субъектов конфликта, чем более равновелики эти уровни, тем благоприятнее институциональные условия мирного разрешения или регулирования конфликта. Следовательно, уровень организации противоборствующих сторон – важное институциональное условие мирного завершения конфликта. Если же одна сторона высоко организована, а вторая – аморфна, раздроблена, немобилизована по своим политическим ресурсам, то велика вероятность того, что первая подавит вторую или постарается вытеснить ее за рамки политического поля.

Долгий путь развития демократических институтов на Западе показывает, что узаконенная партийная оппозиция в политическом конфликте является, по словам Р. Даля, «недавним и случайным изобретением»: лишь в послевоенных конституциях европейских государств появились статьи о месте и роли партий в политическом процессе¹¹. За статус оппозиции с ее правом на свободную критику и разработку альтернативного политического курса человечество заплатило страшную цену в виде революций, гражданских войн, государственных переворотов и т.д. С другой стороны, признание права на объединение и самоорганизацию за политическими партиями, движениями или профсоюзами стало решающим фактором стабилизации общественно-политической жизни, упрочения в ней правовых, конституционных основ. По мнению американского социолога М. Лернера, исследовавшего роль и влияние профсоюзов в развитии американского общества, крупнейшим достижением последних в экономике в целом стало то, что они сделали возможным управление промышленностью с помощью конституционных средств, т.е. способствовали укреплению американской демократии и конституционных основ государства¹².

Опыт устойчивых демократий наглядно показывает, сколь важно создавать такие необходимые условия перевода конфликтов в позитивно-

¹¹ См.: Конституция Франции // Конституции зарубежных государств : учеб. пособие. М., 1996; Конституция Германии // Там же.

¹² Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня : в 2-х т. М., 1992. Т. 1. С. 410.

функциональную форму, как содействие институционализации самих субъектов социальных и политических отношений – групп интересов, объединений граждан и т.д.

Наконец, третьим компонентом политической институционализации можно считать создание формальных правил и процедур, регулирующих взаимоотношения сторон конфликта. Иначе говоря, речь идет о неких «правилах игры», которым должны следовать участники конфликта и которые должны предоставлять равные условия для каждой из сторон и не ставить ни одну из них в неравноправное положение. Прочная демократия устанавливается в том случае, если конфликтующие политические силы договариваются об институциональной структуре, которая допускает открытое соперничество и способна обеспечивать продолжительное согласие. Механизмом конституирования политических институтов в демократической системе выступают переговоры, посредничество/медиация, арбитраж и т.д.

В стабильном демократическом обществе институциональные процедуры и механизмы урегулирования конфликтов предшествуют структурированию конфликтных групп, предоставлены «к услугам» последних. Однако исторически сами по себе «правила игры» именно в противоборстве конфликтных групп и рождались. И в дальнейшем все изменения и модификации, которые они претерпевали, были связаны с политическим противоборством, с динамикой соотношения сил. Иначе говоря, дееспособность самих правил конфликтного взаимодействия, особенно на первых порах, зависит от накала конфликта, степени его зрелости. Позже на укоренение, легитимацию правил начнут работать другие факторы, прежде всего фактор времени, привыкания к принятым решениям, раз уж с ними приходится сообразовывать свою жизнь. Велика роль прецедента, создаваемого конкретной личностью, готовность последней следовать достигнутым договоренностям. Организация институтов предполагает важные персональные решения и всегда будет в значительной степени зависеть от занятых в них людей. «Институты – как крепости: их надо хорошо спроектировать и населить», – писал К. Поппер¹³.

Но справедливо и обратное: явная неудача при разрешении какого-либо политического конфликта может поставить под удар уже сформировавшиеся институты. Вероятность такого исхода особенно велика, если институты еще не упрочились, не закрепились в политической жизни. Поэтому последствия для них могут оказаться роковыми.

Типичные для демократии процедуры – предвыборные выступления кандидатов, парламентские голосования, вотумы доверия и недоверия, избрание кандидатов и т.п. – это набор приемов выражения конфликта и его разрешения. Однако список проблем, волнующих общест-

¹³ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1, Чары Платона. С. 167.

во, постоянно пополняется, и новые конфликты будут ставить под угрозу однажды достигнутое согласие. Вместе с тем суть демократии как раз и состоит в привычке к постоянным спорам и примирениям по постоянно меняющемуся кругу вопросов и при постоянно изменяющейся расстановке сил. При этом свою динамику демократия черпает не только из согласия, но и из несогласия почти половины своих граждан. В этом и проявляется животворящая сила институционализированного, цивилизованного конфликта.

Библиографический список

- Арбатов А. Г.* Диалектика Судного дня: гонка вооружений и их ограничения / А. Г. Арбатов // ПОЛИС. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 27–48.
- Арбатов А. Г.* Украинский кризис и стратегическая стабильность / А. Г. Арбатов // ПОЛИС. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 10–31.
- Бродский И.* Письма римскому другу : стихотворения / И. Бродский. – Ленинград : Ленинградский комитет литераторов, ЭТС «Экслибрис», 1991. – 189 с.
- Глухова А. В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ) / А. В. Глухова. – Изд. 2-е. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 277 с.
- Дарендорф Р.* Мораль, институты и гражданское общество / Р. Дарендорф // Путь. Международный философский журнал. – 1993. – № 3. – С. 179–191.
- Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
- Кудрявцев В. Н.* Социальные деформации (причины, механизмы, пути преодоления) / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Институт государства и права, 1992. – 133 с.
- Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня : в 2-х т. / М. Лернер. – Москва : Радуга, 1992. – Т. 1. – 610 с.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги / К. Поппер. – Москва : Феникс ; Культурная инициатива, 1992. – Т. 1, Чары Платона. – 448 с.
- Шмитт К.* Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1, № 1. – С. 37–68.
- Юридический конфликт: сферы и механизмы. (Юридическая конфликтология). – Москва : РАН ; Центр конфликтологических исследований, 1994. – Ч. 2. – 171 с.
- Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. (Bd. 1, Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2, Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft) / J. Habermas. – Frankfurt am Main, 1981.

References

- Arbatov A. G.* Dialectics of Doomsday: the arms race and their limitations / A. G. Arbatov // POLIS. Political studies. – 2019. – No. 3. – P. 27–48.
- Arbatov A. G.* Ukrainian crisis and strategic stability / A. G. Arbatov // POLIS. Political studies. – 2022. – No. 4. – P. 10–31.
- Brodsky I.* Letters to a Roman friend : poems / I. Brodsky. – Leningrad : Leningrad Committee of Writers, ETS “Ex Libris”, 1991. – 189 p.

Glukhova A. V. Political conflicts: foundations, typology, dynamics (theoretical and methodological analysis) / A. V. Glukhova. – Ed. 2nd. – Moscow : Book house “LIBROKOM”, 2010. – 277 p.

Dahrendorf R. Morality, institutions and civil society / R. Dahrendorf // Path. International Journal of Philosophy. – 1993. – No. 3. – P. 179–191.

Dahrendorf R. Elements of the theory of social conflict / R. Dahrendorf // Sociological Research. – 1994. – No. 5. – P. 142–147.

Kudryavtsev V. N. Social deformations (reasons, mechanisms, ways to overcome) / V. N. Kudryavtsev. – Moscow : Institute of State and Law, 1992. – 133 p.

Legal conflict: areas and mechanisms (Legal conflictology). – Moscow : RAS ; Center for Conflict Studies, 1994. – Part 2. – 171 p.

Lerner M. Development of civilization in America. Way of life and thoughts in the United States today : in 2 vol. / M. Lerner. – Moscow : Raduga, 1992. – Vol. 1. – 610 p.

Popper K. Open Society and Its Enemies / K. Popper. – Moscow : Phoenix, Cultural Initiative, 1992. – Т. 1, Plato’s Spells. – 448 p.

Schmitt K. The concept of the political / K. Schmitt // Questions of Sociology. – 1992. – Т. 1, No. 1. – P. 37–68.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. (Bd. 1, Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2, Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft) / J. Habermas. – Frankfurt am Main, 1981. [In Engl.]

Для цитирования:

Глухова А. В. Институционализация конфликта как условие его урегулирования // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4. С. 40–49.

Recommended citation:

Glukhova A. V. Institutionalization as a basis of the conflict settlement // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 40–49.

Сведения об авторе

Глухова Александра Викторовна – профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, доктор политических наук, профессор

E-mail: avglukhova@mail.ru

Information about author

Glukhova Aleksandra Viktorovna – Professor at the Department of Sociology and Politology of Voronezh State University, Doctor of Political Sciences, Full Professor

E-mail: avglukhova@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАК ТРЕНД И РИСКИ, ЕГО СОПРОВОЖДАЮЩИЕ*

М. В. Андрияшко

Барановичский государственный университет

Поступила в редакцию 17 июня 2023 г.

Аннотация: сфера социальной защиты претерпевает в настоящее время коренные изменения. Они обусловлены как очевидными внутренними изменениями половозрастной структуры населения, демографическими тенденциями, так и трендовыми изменениями парадигмы оказания государственных услуг – переходом к цифровизации, что потенциально сопровождается определенными рисками. Выявить такие риски, а также очертить пределы правового воздействия на процессы цифровизации социально-обеспечительной сферы призвано это исследование.

Ключевые слова: право на социальное обеспечение, цифровизация, управление цифровизацией, тренды и риски.

DIGITALIZATION OF THE SOCIAL SECURITY SPHERE OF PUBLIC LIFE: TRENDS AND RISKS

M. V. Andryiashka

Baranovichi State University

Abstract: the sphere of social protection is currently undergoing fundamental changes. They are caused by both obvious internal changes in the gender and age structure of the population, demographic trends, and trend changes in the paradigm of public services – the transition to digitalization, which is potentially accompanied by certain risks. This study is intended to identify such risks, as well as to outline the limits of legal impact on the processes of digitalization of the social security sphere.

Keywords: the right to social security, digitalization, digitalization management, trends and risks.

* Материал подготовлен в результате выполнения НИР «Обеспечение инвалидам равного доступа к праву на информацию о деятельности органов государственного управления посредством ИКТ» в рамках системы внутренних грантов учреждения образования «Барановичский государственный университет» на 2023 год.

© Андрияшко М. В., 2023

После республиканского референдума от 27 февраля 2022 г.¹ в Конституции Республики Беларусь (1994) появляется важная новелла, отвечающая духу времени и изменяющимся общественным отношениям, – норма об инновациях. В частности, часть четвертая ст. 51 Основного закона в действующей редакции определяет, что «государство содействует развитию... научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов»², а Правительство Республики Беларусь «обеспечивает проведение единой... государственной политики в области науки и инноваций...» (абзац пятый ст. 107)³.

Меняющиеся условия таковы, что в 2014 г. впервые в Брестской области Республики Беларусь возбуждено уголовное дело по факту угона виртуального танка⁴. В Российской Федерации в 2015 г. «ФНС потребовала от mail.ru заплатить налоги за продажу доспехов и оружия в разработанных компанией играх»⁵. Н. Н. Ковалева приводит примеры метапотребления, осуществляемого крупными модными и автомобильными брендами, указывая на то, что в 2020–2021 гг. производители Maserati, Aston Martin, Tesla и Rolls-Royce выпустили виртуальные модели своих автомобилей в компьютерных играх; модный дом «Ralph Lauren выпустил коллекцию цифровой одежды из 50 предметов, которые можно приобрести в приложении...» одной из социальных сетей⁶. Справедливым видится мнение о том, что «несовпадение границ метавселенных с юрисдикциями реальных государств оставляет открытым вопрос правового регулирования этих сфер»⁷. Таких открытых вопросов очень много, и касаются они цифрового неравенства, цифровых барьеров, цифровой этики, цифровой культуры, цифровой грамотности, цифровых пределов, цифровых злоупотреблений.

Затруднения, вызванные цифровой эскалацией при реализации отдельными категориями граждан гарантированных им прав, свобод и законных интересов, – также важный вопрос цифровой повестки, требующий своего разрешения.

Особую актуальность в этом контексте приобретает сфера социальной защиты (социального и пенсионного обеспечения) и организация безба-

¹ Решение республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] : 4 марта 2022 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 04.03.2022. 1/20213.

² Конституция Республики Беларусь 1994 г. № 2875-XII ; в ред. принятой на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 04.03.2022. 1/20213.

³ Там же.

⁴ В Беларуси возбуждено уголовное дело за угон виртуального танка [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/articles/212307/> (дата обращения: 03.05.2023).

⁵ Ковалева Н. Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных // Право.by. 2022. № 5. С. 83.

⁶ Там же. С. 82.

⁷ Там же. С. 83.

рьерной среды ввиду того, что цифровизация социально-обеспечительных отношений изменяет привычный алгоритм действий для лиц пожилого возраста, ставит в неравное положение людей с инвалидностью, отсекает от цифровых услуг граждан с самыми низкими доходами, мигрантов и неграмотных.

Как отмечает О. А. Алампиев, «активное использование современных ИКТ само по себе подразумевает определенный уровень образования и дохода. Для человека, который по материальным или социальным причинам доступа к сети Интернет не имеет, или который, к примеру, безграмотен, сеть Интернет бесполезна»⁸.

Тем не менее цифровизация – глобальный тренд. К несомненным достоинствам цифровизации и развития цифровой экономики в обзоре 2016 г. Всемирный банк относил: 1) рост производительности труда; 2) повышение конкурентоспособности компаний; 3) снижение издержек производства; 4) создание новых рабочих мест; 5) преодоление бедности и социального неравенства⁹.

Не умаляя значения всех положительных сторон цифровизации, справедливо указать и на существование рисков, которые явно либо потенциально сопровождают этот процесс. В частности, исследователями называются следующие рискованные аспекты:

- 1) риск киберугроз, вызванный оборотом персональных данных;
- 2) риск попадания в цифровое рабство;
- 3) риск прироста безработицы;
- 4) риск всплеска цифрового разрыва¹⁰.

Несмотря на наличие рискованных зон, цифровизацию не остановить. Но можно учесть эти обстоятельства, рискованные зоны при регулировании цифровизации и порядке управления ею.

Правительство Республики Беларусь, проводящее в жизнь государственную политику, принимает постановления на основе и во исполнение Конституции Республики Беларусь. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 758 определены задачи и механизмы создания условий для улучшения жизни населения. В частности, поставлена задача по «обеспечению поэтапного перехода к на-

⁸ Алампиев О. А. Цифровое неравенство в современном белорусском обществе // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : XXI Междунар. конф. памяти профессора Л. Н. Когана, 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург : УрФУ, 2018. С. 1928.

⁹ World Bank Group. 2016. World Development Report 2016: Digital Dividends. © Washington, DC: World Bank. <http://hdl.handle.net/10986/23347> License: CC BY 3.0 IGO.

¹⁰ Шендо М. В., Свиридова Е. В. Технологии цифровой экономики как инструменты повышения качества жизни, эффективности бизнеса и государственного управления // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2019. № 4. С. 30.

значению пенсий в проактивном режиме», механизм реализации которой на период с 2021 по 2025 гг. предполагает цифровизацию сведений о стаже и заработной плате, имевшихся у гражданина до 1 января 2003 г., что позволит расширить возможности по исчислению пенсий на основе данных индивидуального (персонифицированного) учета в системе государственного социального страхования¹¹.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 предусмотрено «создание отраслевой цифровой платформы социально-трудовой сферы на основе развития, совершенствования (модернизации) и интеграции информационных систем и ресурсов, в том числе развитие: 1) ГИС социальной защиты, банка данных социальных выплат; 2) АИС учета многодетных семей; 3) автоматизированной справочно-статистической системы по труду и социальной защите; 4) информационных систем и ресурсов ФСЗН; 5) информационно-коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей функционирование и информационную безопасность информационных систем и ресурсов ФСЗН»¹².

В 2022 г. Минтруда анонсировало запуск ряда цифровых продуктов, которые позволят гражданам посредством автоматизированных систем (приложений, онлайн-сервисов, компьютерных программ, информационных систем) получить необходимую перспективную информацию. В январе 2023 г. запущено мобильное приложение ФСЗН, которое позволяет пользователю осуществить вход по межбанковской системе идентификации; после авторизации становятся доступными данные страхового свидетельства; данные о трудовой деятельности с указанием наименования нанимателя и временного диапазона занятости; данные об обязательных государственных социальных взносах по годам, месяцам и суммам; данные о периодах работы по гражданско-правовым договорам по датам, с предусмотренной возможностью по формированию выписки из индивидуального лицевого счета застрахованного лица. Помимо этого, приложение позволяет точно узнать свой страховой стаж с 1 января 2003 г., записаться на прием в любой орган ФСЗН, отправить сообщение в любой орган ФСЗН, а также включает «электронную трудовую книжку».

Портал социальной защиты Республики Беларусь содержит ряд полезных инструментов, позволяющих гражданину, например, произвести расчет размера пенсии («пенсионный калькулятор»). При этом пен-

¹¹ Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 758 ; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 09.11.2021 г. № 634 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 12.11.2021. 5/49612.

¹² О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 ; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 08.02.2023 г. № 100 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 16.02.2023. 5/51377.

сия рассчитывается условно, исходя из введенных в электронную форму данных о (в зависимости от вида пенсии): половой принадлежности; стаже работы; индивидуальном коэффициенте заработка; осуществлении трудовой функции в настоящий момент; фактах занятости на подземных работах и на работах на поверхности, связанных с подземными работами; занятости длительное время на подземных и открытых горных работах; группе инвалидности; нуждаемости в постоянной посторонней помощи по заключению МРЭК или ВКК; количестве иждивенцев; сиротстве. Не умаляя безусловных достоинств этого инструмента, отметим, что, как правило, граждане не в состоянии самостоятельно определить индивидуальный коэффициент своего заработка. Ввиду указанного воспользоваться преимуществами анализируемого инструмента в настоящий момент могут лишь те граждане, которые, во-первых, осведомлены о его существовании, во-вторых, имеют знания и навыки по расчету индивидуального коэффициента заработка¹³.

На стадии разработки находится информационная система прогнозирования рынка труда, которая позволит: прогнозировать основные показатели рынка труда (численность занятого населения, уровень безработицы и др.); оценивать потребность экономики в кадрах с учетом естественно возрастного выбытия; выявлять новые профессии, возникновение которых обусловлено ускоренным технологическим развитием экономики.

Перечисленные разработки являются результатом планомерной работы по реализации положений Концепции реформы системы пенсионного обеспечения (1997), согласно которой на третьем этапе реформы «будет осуществлен переход на современные методы прогнозирования и информационные технологии, позволяющие обеспечить финансовую стабильность пенсионной системы на долгосрочную перспективу и высокую эффективность ее функционирования в интересах пенсионеров»¹⁴.

Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. предусматривается создание не менее 10 электронных сервисов к 2025 г. с соблюдением принципов проактивности, подразумевающих оказание электронных услуг как по заявительному прин-

¹³ Андрияшко М. В. Цифровая трансформация сферы социального обеспечения в Республике Беларусь // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире : сб. науч. статей / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2023. С. 134.

¹⁴ О Концепции реформы системы пенсионного обеспечения в Республике Беларусь и плане первоочередных мер по реализации ее основных положений [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 17 апреля 1997 г. № 349 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. 1997. № 13. Ст. 449.

ципу, так и по факту наступления жизненной ситуации (прием лиц для получения дошкольного образования, оформление пенсии и другое)¹⁵.

При отправлении правосудия также применяются сервисы ФСЗН. В частности, В. В. Савчук отмечает, что «в настоящее время в общих судах первой инстанции Республики Беларусь применяются следующие электронные коммуникации и информационные ресурсы: «...база данных ФСЗН (фонда социальной защиты населения), которая позволяет получить информацию о месте работы граждан»¹⁶. Об удобстве использования в работе судов баз данных о работающих гражданах Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты упоминают и другие председатели судов¹⁷.

Видится целесообразным сделать следующие выводы и внести предложения практического характера.

1. Следует продолжать предпринимать меры, направленные на сокращение цифрового неравенства. В приложении ФСЗН следует предусмотреть версию либо набор настроек для пользователей, являющихся инвалидами, а также наполнять специальными технологиями сайты республиканских органов государственного управления для обеспечения равного доступа к информации людям с разной инвалидностью.

2. Инструмент «Пенсионный калькулятор» на Портале социальной защиты Республики Беларусь следует дополнить инструкцией по расчету индивидуального коэффициента заработка гражданина для расчета трудовой пенсии либо внедрить отдельный продукт, позволяющий автоматизированно произвести расчет индивидуального коэффициента заработка.

Библиографический список

Алампов О. А. Цифровое неравенство в современном белорусском обществе / О. А. Алампов // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : XXI Междунар. конф. памяти профессора Л. Н. Когана, 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. – Екатеринбург : УрФУ, 2018. – С. 1923–1943.

¹⁵ Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г., № 292 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 04.08.2021. 1/19834.

¹⁶ Савчук В. В. Проблемы и перспективы применения электронных коммуникаций и информационных ресурсов в судах общей юрисдикции Республики Беларусь // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018 : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.) / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. С. 418.

¹⁷ Сенько В. А. Актуальные вопросы развития информатизации судебной системы и обеспечения исполнения исполнительных документов // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018 : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.) / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. С. 423.

Андрияшко М. В. Цифровая трансформация сферы социального обеспечения в Республике Беларусь / М. В. Андрияшко // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире : сб. науч. статей / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2023. – С. 131–134.

Ковалева Н. Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных / Н. Н. Ковалева // Право.by. – 2022. – № 5. – С. 81–84.

Савчук В. В. Проблемы и перспективы применения электронных коммуникаций и информационных ресурсов в судах общей юрисдикции Республики Беларусь / В. В. Савчук // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018 : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.) / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – С. 417–422.

Сенько В. А. Актуальные вопросы развития информатизации судебной системы и обеспечения исполнения исполнительных документов / В. А. Сенько // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018 : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.) / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – С. 423–427.

Шендо М. В. Технологии цифровой экономики как инструменты повышения качества жизни, эффективности бизнеса и государственного управления / М. В. Шендо, Е. В. Свиридова // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. – 2019. – № 4. – С. 29–36.

References

Alampiev O. A. Digital inequality in modern Belarusian society / O. A. Alampiev // Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research : XXI International. Conf. in memory of Professor L. N. Kogan, March 22–23, 2018, Ekaterinburg. – Ekaterinburg : UrFU, 2018. – Pp. 1923–1943.

Andriyashko M. V. Digital transformation of the sphere of social security in the Republic of Belarus / M. V. Andriyashko // Innovative potential for the development of legal science and practice in the modern world : collection scientific works / Grodno State University named after. Yanka Kupala ; Editorial Board: S. E. Cheburanova (chief editor) [and others]. – Grodno : GrSU, 2023. – Pp. 131–134.

Kovaleva N. N. Legal aspects of digital improvement of metaverses / N. N. Kovaleva // Pravo.by. – 2022. – No. 5. – Pp. 81–84.

Savchuk V. V. Problems and prospects for the use of electronic communications and information resources in courts of general jurisdiction of the Republic of Belarus / V. V. Savchuk // Information technologies and law: Legal informatization – 2018 : collection materials of the VI International scientific-practical conf. (Minsk, May 17, 2018) / Nat. legal information center Rep. Belarus ; under general ed. E. I. Kovalenko. – Minsk : Nat. legal information center Rep. Belarus, 2018. – Pp. 417–422.

Senko V. A. Current issues in the development of informatization of the judicial system and ensuring the execution of executive documents / V. A. Senko // Information technologies and law: Legal informatization – 2018 : collection materials of the

VI International. scientific-practical conf. (Minsk, May 17, 2018) / Nat. legal information center Rep. Belarus ; under general ed. E. I. Kovalenko. – Minsk : Nat. legal information center Rep. Belarus, 2018. – Pp. 423–427.

Shendo M. V. Technologies of the digital economy as tools for improving the quality of life, business efficiency and public administration / M. V. Shendo, E. V. Sviridova // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics. – 2019. – No. 4. – Pp. 29–36.

Для цитирования:

Андрияшко М. В. Цифровизация социально-обеспечительной сферы общественной жизни как тренд и риски, его сопровождающие // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 50–57.

Recommended citation:

Andryashka M. V. Digitalization of the social security sphere of public life: trends and risks // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 50–57.

Сведения об авторе

Андрияшко Марина Васильевна – доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления факультета экономики и права Барановичского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: andryashkomv@mail.ru

Information about author

Andryashka Marina Vasilievna – Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines and Public Administration, Faculty of Economics and Law of Baranovichi State University

E-mail: andryashkomv@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ: ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК

УДК 340

«КОНЦЕПТ» В ПРАВОВОЙ НАУКЕ: МОДНОЕ ВЕЯНИЕ ИЛИ НЕИЗБЕЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА «ПОНЯТИЮ»?

Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 июня 2023 г.

Аннотация: статья посвящена обоснованию концепта как элемента теоретического правового знания, дан экскурс в историю происхождения термина «концепт», показаны трактовки концепта в современном философском и социально-гуманитарном знании. Сделан вывод, что научно-исследовательская работа с «концептом» не освобождает от необходимости соблюдать принципы научного познания.

Ключевые слова: концепт, концепция, право, правовое знание, правовая наука.

“CONCEPT” IN JURIDICAL SCIENCE: A FASHION TREND OR AN INEVITABLE ALTERNATIVE TO THE “TERM”?

E. V. Sazonnikova

Voronezh State University

Annotation: the article is devoted to the substantiation of “the concept” as an element of theoretical legal knowledge, an excursion into the history of the origin of the term “concept” is given, the interpretation of “the concept” in modern philosophical and socio-humanitarian knowledge is shown. The article concludes that research work with “the concept” does not exempt from the need to comply with the principles of scientific knowledge.

Key words: concept, conception, law, the science of law, legal science.

Введение. Термины «концепция», «концептуальный», «концептуализация», «концептуально», «концептуализм» прочно вошли в правовой лексикон, как по-отдельности, так и в словосочетаниях («авторская кон-

© Сазонникова Е. В., 2023

цепция», «концептуальные» основы, начала, взгляды, идеи, положения, установки, модели, мнения, подходы, вызовы, решения и т.д.). При этом на втором плане остается тот факт, что все эти термины производны от слова «концепт», один из вариантов перевода которого с латинского на русский язык – «понятие».

В настоящее время есть отечественные правовые труды, которые оперируют словом «концепт». В связи с этим возникают вопросы о том, что собой представляет «концепт», почему правоведа обращаются к термину «концепт» и каким образом он встраивается в систему организации теоретического правового знания, как он соотносится с «понятием».

Наиболее масштабно проблематика «концепта» изучается в лингвистике. Общеизвестно, что термин «концептосфера» введен в лингвистический лексикон академиком Д. С. Лихачевым. Кроме того, к данному моменту сформировалось новое направление лингвистических исследований – концептология¹, а также разрабатывается такой метод исследования, как концептуальный анализ.

При лингвофилософском подходе к концепту (предложен Н. Д. Арутюновой и группой «Логический анализ естественного языка» при Институте языкознания АН СССР) термин «концепт» используется как синоним термина «мировоззренческое понятие»: концепты представляют пласт лексики, которая отражает реальную жизнь. Концепты возникают как результат взаимодействия традиций, идеологии, ценностей, жизненного опыта, ощущений².

Как справедливо отмечают в своем совместном труде З. А. Попова и И. А. Стернин, «концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования»³.

Зачастую концепт рассматривается как единица описания картины мира, содержащая языковые и культурные знания, представления, оценки⁴.

Сразу выражу авторскую позицию: «концепт» сродни «понятию» и «категории» и в этом качестве может рассматриваться как один из первичных элементов теоретической организации правового знания.

¹ См.: Суржанская Ю. В. Развитие идеи «Концепта» в науке и философии // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idei-kontsepta-v-nauke-i-filosofii> (дата обращения: 29.06.2023).

² См.: Ефремов В. А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 104. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontseptai-kontseptualnoe-prostranstvo> (дата обращения: 27.06.2023).

³ См.: Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж, 2007. С. 21.

⁴ См.: Митрофанова О. И. Понятие концепта и его эволюции на примере концепта «вера» // II Междунар. Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность : труды и материалы. Казань, 2003. Т. 1. С. 163–164.

«Концепт»: история появления термина, некоторые трактовки.

Термин «концепт» введен в философию П. Абеляром (1079–1142) в связи с осмыслением универсалий. П. Абеляр считал, что в процессе познания человек рассматривает различные аспекты единичных вещей (индивидуалий) и путем абстрагирования создает смешанный образ, который выражается именем⁵.

В качестве главной черты концепта П. Абеляр рассматривал его создание индивидуальным сознанием.

В философии XX в. крупной вехой в развитии представлений о концепте стали труды французских философов Ж. Делёза и Ф. Гваттари. В 1991 г. была опубликована их совместная работа «Что такое философия?», в которой философия рассматривалась как «непрерывное творчество концептов». «Концепт» всегда единичное в том смысле, что в его создании велика роль интуиции и только в творчестве ярко раскрывается его наполнение⁶. «Концепты – что-то вроде кристаллов или самородков смысла»⁷. Оригинальность учению Ж. Делёза и Ф. Гваттари придавало их убеждение, что «напрасно пытаться наделять концептами науку», «концепт принадлежит философии, и только ей одной».

Возвращаясь к П. Абеляру, отметим, что «схватывание» в концепте связывается с неопределимостью вещи, превосходящей рамки понятия. Концепт, в отличие от «схватывания» в понятии, представляется как производное возвышенного духа (ума), в нем творчески собраны смыслы и помыслы, и он включает в себя рассудок как часть⁸.

Впервые в отечественную социально-гуманитарную науку термин «концепт» ввел русский религиозный философ, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета С. А. Аскольдов (1871–1945)⁹, который понимал под ним «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода», и концепты образно представляются как «почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей»¹⁰.

⁵ См.: Усманова А. Р. Петер Абеляр // Всемирная энциклопедия: философия / гл. научн. ред. А. А. Грицанов. М.; Минск, 2001. С. 776.

⁶ См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия / пер. С. Н. Зенкина. М.; СПб., 1998. С. 13, 16, 37.

⁷ Зенкин С. Н. Послесловие переводчика // Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 282.

⁸ См.: Неретина С. С. Концепт // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. / рук. проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. М., 2010. Т. 2, Е–М. С. 306, 307.

⁹ Аскольдов Сергей Алексеевич (настоящая фамилия – Алексеев; 25 февраля [9 марта] 1871, Мошарово, Калужская губерния – 23 мая 1945, Потсдам) – русский религиозный философ, спиритуалист и панпсихист, профессор Санкт-Петербургского университета. См. подробнее биографию и фото С. А. Аскольдова: Аскольдов, Сергей Алексеевич // Википедия. [2023]. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=1618194&oldid=127979275> (дата обращения: 29.06.2023).

¹⁰ См.: Аскольдов С. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 269, 273.

Во Всемирной энциклопедии: Философия (М.; Минск, 2001 г.) концепт (от лат. «conceptus» – понятие) описан как «содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения».

Концепт для научного знания выступает как единица концептуальной схемы, каждый концепт занимает свое четко обозначенное место, нахождение концептов и установление их связей между собой образует суть концептуализации – процедуры введения онтологических представлений в накопленный массив эмпирических данных, обеспечивающей теоретическую организацию материала¹¹.

Представляет интерес вопрос о разграничении «концепта» и «понятия».

В общем плане этот вопрос может быть решен, например, так: понятие отражает объективное единство существенных свойств предмета, созданное на основе правил мышления, а концепт, имея понятийное в своем содержании, зависит от субъекта, в его осмыслении важное значение имеет интуиция, жизненный опыт, воображение.

Исходя из деления наук, по В. Дильтею, на два вида (науки о природе и о духе), отметим, что «понятие» возникает из объяснения действительности, а «концепт» – из понимания. Как правило, «концепт» разрешает нелогичность, а «понятие» – нет.

В отечественном правовом знании «концепт» долгое время был практически полностью вытеснен «понятием» как формой мысли, обобщенно отражающей предметы и явления посредством фиксации их существенных свойств¹². Логическое начало в правовом научном познании доминировало, поскольку соответствовало материалистическому мировоззрению. Но в настоящее время ситуация изменилась. «Концепт» всё больше используется в правовом знании, поскольку изначально он тесно связан с речью, общением. Кстати говоря, родоначальник «концепта» – П. Абеляр – считал, что речь воспринимается как «концепт в душе слушателя».

По мнению Ю. А. Веденева, «концепты являются структурными элементами культурного механизма развития правовых систем». В развитие этой мысли, ученый говорит, что «закономерно включение в механизм генезиса правовых систем такой составляющей процесса и оснований развития права, как концептогенез»¹³, при этом «концептогенез характеризует развитие правовых систем (институтов и ценностей) в восприятиях, переживаниях и отношениях к праву».

¹¹ См.: Абушенко В. Л., Кацук Н. Л. Концепт // Всемирная энциклопедия: философия. С. 506, 507.

¹² См.: Берков Ф. В. Понятие // Всемирная энциклопедия: философия. С. 801.

¹³ Веденев Ю. А. Культурно-историческая юриспруденция: институты и концепты // Журнал юридической антропологии и конфликтологии (сетевое научное издание). 2023. № 1(2). С. 26.

В научной электронной библиотеке elibrary.ru¹⁴ содержится более двух тысяч публикаций по поисковому запросу «концепт» (в названиях всех типов публикаций; в областях лингвистики, филологии, психологии и когнитивистики, культурологии, политологии, социологии и др.). Может даже сложиться впечатление, что в социально-гуманитарном знании возникла мода на «концепт», и существует столько пониманий «концепта» и «концептуального», сколько исследователей. Однако в правовой науке такого не наблюдается, исследователи в области юриспруденции всё-таки по-прежнему работают с «понятием». Правовая наука как будто сопротивляется проникновению «концепта». Конечно, «понятие» более привычно отечественному правоведению, поскольку оно (правоведение) исторически находилось под большим влиянием естественнонаучной парадигмы познания.

В последнее время в правовой науке усиливается внимание к гуманитарной парадигме познания, когда единичное событие не рассматривается как частный случай общей закономерности, а берется в своей самоценности и автономности; при гуманитарном познании важно постичь единичные факты как таковые¹⁵. Такая тенденция исследований способствует привлечению внимания к проблематике концептов.

В общей теории права есть труды, где был затронут вопрос о «концептуальном» в природе мышления. Так, В. М. Сырых пишет о «концептуальном понятии»: «в роли концептуального понятие выступает тогда, когда оно охватывает всю совокупность наблюдаемых фактов»¹⁶. В этом подходе присутствует переход от «понятия» в сторону «концепта», объединение этих терминов, и «понятие» уже перестаёт быть таковым в его изначальном смысле. Более того, приверженцы «концепта» то же самое явление могут назвать и по-другому, например, «понятийный концепт». Но лучше всё-таки не объединять «понятие» и «концепт», каждый из них существует в своей терминологической системе.

Заключение. «Концепт» – это обобщение наиболее существенных признаков явлений не только на рациональной основе, но с учетом жизненного опыта, интуиции и воображения ученого. Концепты (например, «культура», «нравственность», «справедливость», «экология», «ответственность» и др.) могут обеспечивать теоретическую организацию знания в тех областях правовой науки, где мышление научными понятиями является неплодотворным, потому что трудно обобщить признаки явлений логически.

Научная работа с «концептом» не освобождает от необходимости соблюдать принципы научного познания. У «концепта» есть особое пред-

¹⁴ Сайт научной электронной библиотеки elibrary.ru. URL: <http://elibrary.ru>

¹⁵ Исаев Е. И., Слободчиков В. И. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в науке // Основы психологической антропологии. Психология развития человека. М., 2000. URL: <http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/9525.php> (дата обращения: 30.06.2023).

¹⁶ Сырых В. М. Материалистическая теория права : избранное. М., 2011. С. 276.

назначение на теоретическом уровне познания в правовой науке: обращение к концепту позволяет глубже раскрыть процесс понимания, потому что в концепте присутствует не только рациональное, но и внерациональное наполнение. Концепт позволяет творчески объединять разные смыслы вокруг одного значения.

Научная работа с «концептом» развивает юридическое мировоззрение, обогащает науку права гуманистическим началом. Для высшего юридического образования мышление концептами является важным, потому что при передаче научных знаний в процессе обучения очень велико значение личности Педагога, чьи жизненный опыт, личные качества, мнения, контакт с аудиторией влияют на понимание обучающимися явлений, происходящих в правовой сфере.

Приверженность термину «концепт» пока не претендует на всеобщность, а является чертой авторского стиля конкретных правоведов.

Библиографический список

Абушенко В. Л. Концепт / В. Л. Абушенко, Н. Л. Кацук // Всемирная энциклопедия: философия. – Минск : АСТ : Харвест: Современный литератор, 2001. – 1312 с.

Аскольдов С. Концепт и слово / С. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 267–279.

Веденеев Ю. А. Культурно-историческая юриспруденция: институты и концепты / Ю. А. Веденеев // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 1(2). – С. 15–33.

Делёз Ж. Что такое философия / Ж. Делёз, Ф. Гваттари / пер. С. Н. Зенкина. – Москва : Ин-т эксперимент. Социологии ; Санкт-Петербург : Алетея, 1998. – 286 с.

Ефремов В. А. Теория концепта и концептуальное пространство / В. А. Ефремов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 104. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontsepta-i-kontseptualnoe-prostranstvo> (дата обращения: 28.06.2023).

Исаев Е. И. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в науке / Е. И. Исаев, В. И. Слободчиков // Основы психологической антропологии. Психология развития человека. – Москва : Школьная Пресса, 2000. – 416 с. – URL: <http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/9525.php> (дата обращения: 28.06.2023)

Митрофанова О. И. Понятие концепта и его эволюции на примере концепта «вера» / О. И. Митрофанова // II Междунар. Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность : труды и материалы. – Казань, 2003. – Т. 1. – С. 163–164.

Неретина С. С. Концепт / С. С. Неретина // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. / рук. проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 2, Е–М. – 614 с.

Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 226 с.

Суржанская Ю. В. Развитие идеи «Концепта» в науке и философии / Ю. В. Суржанская // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10-1. – С. 32–35. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idei-kontsept-a-v-nauke-i-filosofii> (дата обращения: 29.06.2023).

Сырых В. М. Материалистическая теория права: избранное / В. М. Сырых. – Москва : Российская акад. правосудия, 2011. – 1259 с.

Усманова А. Р. Петер Абеляр / А. Р. Усманова // Всемирная энциклопедия: философия / гл. научн. ред. А. А. Грицанов. – Минск : АСТ : Харвест : Современный литератор, 2001. – 1312 с.

References

Abushenko V. L. Concept / V. L. Abushenko, N. L. Katsuk // World Encyclopedia: Philosophy. – Minsk : AST : Harvest : Modern writer, 2001. – 1312 p.

Askoldov S. Concept and word / S. Askoldov // Russian literature. From the theory of literature to text structure : an anthology / ed. V. P. Neroznak. – Moscow : Academia, 1997. – Pp. 267–279.

Deleuze J. What is philosophy / J. Deleuze, F. Guattari / trans. S. N. Zenkina. – Moscow : Institute of Experiment. Sociology. – St. Petersburg : Aletheia, 1998. – 286 p.

Efremov V. A. Concept theory and conceptual space / V. A. Efremov // News of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen. – 2009. – No. 104. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontsept-a-i-kontseptualnoe-prostranstvo> (date of access: 06.28.2023).

Isaev E. I. Natural science and humanitarian paradigms in science / E. I. Isaev, V. I. Slobodchikov // Fundamentals of psychological anthropology. Psychology of human development. – Moscow : School Press, 2000. – 416 p. – URL: <http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/9525.php> (date of access: 06.28.2023).

Mitrofanova O. I. The concept of a concept and its evolution using the example of the concept “faith” / O. I. Mitrofanova // II Intern. Baudouin readings: Kazan linguistic school: traditions and modernity : works and materials. – Kazan, 2003. – T. 1. – Pp. 163–164.

Neretina S. S. Concept / S. S. Neretina // New philosophical encyclopedia : in 4 vol. / hand. project V. S. Stepin, G. Yu. Semigin. – Moscow : Mysl, 2010. – T. 2, E–M. – 614 p.

Popova Z. D. Semantic-cognitive analysis of language. Monograph / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – Voronezh : “Istoki”, 2007. – 226 p.

Surzhanskaya Yu. V. Development of the idea of “Concept” in science and philosophy / Yu. V. Surzhanskaya // System of values of modern society. – 2010. – No. 10-1. – Pp. 32–35. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idei-kontsept-a-v-nauke-i-filosofii> (date of access: 06.29.2023).

Syrykh V. M. Materialistic theory of law: selected / V. M. Syrykh. – Moscow : Russian Academy of Justice, 2011. – 1259 p.

Usmanova A. R. Peter Abelar / A. R. Usmanova // World Encyclopedia: Philosophy / ch. scientific ed. A. A. Gritsanov. – Минск : АСТ : Harvest : Modern writer, 2001. – 1312 p.

Vedeneev Yu. A. Cultural and historical jurisprudence: institutions and concepts / Yu. A. Vedeneev // Journal of legal anthropology and conflictology. – 2023. – No. 1(2). – Pp. 15–33.

Для цитирования:

Сазонникова Е. В. «Концепт» в правовой науке: модное веяние или неизбежная альтернатива «понятию»? // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 58–65.

Recommended citation:

Sazonnikova E. V. “Concept” in juridical science: a fashion trend or an inevitable alternative to the “term”? // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 58–65.

Сведения об авторе

Сазонникова Елена Викторовна – профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

E-mail: sazon75@mail.ru

Information about author

Sazonnikova Elena Viktorovna – Full Professor of the Chamber of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Docent

E-mail: sazon75@mail.ru

ПОНЯТИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Н. А. Фальшина

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 26 июня 2023 г.

Аннотация: термин «цифровые права» в современной правовой науке является достаточно распространенным, однако специалисты из разных отраслей права пока еще не сошлись в едином мнении относительно понятия и сущности категории «цифровые права». По этой причине понятие цифровых прав является достаточно размытым и представления о нем в юридической науке различны. В статье автор анализирует категорию «цифровые права» через исследования отечественных ученых – юристов.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые ресурсы, правосознание, цифровое право, цифровое пространство, цифровая реальность, права человека.

THE CONCEPT OF DIGITAL RIGHTS IN MODERN LEGAL SCIENCE

N. A. Falshina

Southern Federal University

Abstract: the term “digital rights” in modern legal science is quite common, but experts from different branches of law have not yet agreed on the concept and essence of the category “digital rights”. For this reason, the concept of digital rights is rather vague and the ideas about it in legal science are different. In the article, the author analyzes the category of “digital rights” through the research of domestic legal scholars.

Keywords: digital rights, digital resources, legal awareness, digital law, digital space, digital reality, human rights.

В настоящее время цифровые технологии внедрены и используются во многих сферах социальных связей. Этот фактор существенным образом повлиял на их трансформацию. Для того чтобы преодолеть возможные риски, связанные с эпохой цифровых технологий, необходимо сформировать правовые механизмы и инструментарию, позволяющие регулировать отношения, складывающиеся в цифровом пространстве.

Термин «цифровые права» в современной правовой науке является достаточно распространенным. При этом ученые правоведы, которые ведут свои изыскания в различных отраслях права, пока еще недостаточно едины во мнении не только относительно понятия, но и сущностных характеристик категории «цифровые права». По этой причине понятие цифровых прав все еще находится в стадии формирования, а представления о нем в юридической науке различны.

Так, профессор И. В. Понкин отмечает, что цифровые права – это право притязания и референтные правовые возможности, в том числе в отношении цифровых прав, имущественных и неимущественных активов, а также правовые возможности, онтология которых связана с цифровыми образами – сущностями (юридическая фикция «электронное лицо», являющееся специальным субъектом): цифровые права человека, которые включают в себя комплекс прав на доступ к цифровым ресурсам, цифровым технологиям, технологическим платформам, юридически и фактически значимым для реализации прав и свобод в их традиционном понимании и их использования в законных интересах, а также комплекс цифровых прав цифровой модели – двойника реального человека (право на цифровую смерть), комплекс конвертированных прав, онтология которых возможна в сфере цифровой реальности (цифровая подпись, государственные цифровые услуги), комплекс прав, связанных с совершением виртуальных сделок цифровым способом (смарт-контракты), и цифровые права как часть прав субъекта цифровых сущностей (электронных лиц). Так как онтология электронного лица имеет место в цифровой среде, соответственно онтология и природа цифровых прав у электронного лица также является цифровой¹.

Ученый А. А. Карцхия считает, что под влиянием интенсивного развития цифровых технологий формируется новый вид гражданских прав – цифровые права человека. По его мнению, цифровые технологии стимулируют возникновение новых правоотношений, основным признаком которых является наличие цифровых объектов, что предполагает особые способы защиты, возникновения и передачи цифровых прав. Сегодня существуют объективные предпосылки для создания принципиально нового направления правового регулирования – цифрового права. Указанное направление будет призвано создать систему нормативных актов, которые будут регулировать вопросы, связанные с правообладателем цифровых прав. Ученый, характеризуя свой подход, подчеркивает, что он будет оправдан в том случае, если внедрить комплекс цифровых технологий, т.е. цифровую платформу, способную синтезировать возможности различных цифровых технологий.

¹ Понкин И. В., Редькина А. И. К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-ontologii-tsifrovyyh-prav/viewer> (дата обращения: 20.06.2022).

М. Н. Кузнецов придерживается аналогичного мнения, считая, что цифровые права – это разновидность обязательственных и иных, в том числе исключительных, прав, реализация которых происходит в соответствии с правилами и нормами соответствующей информационной системы². Такого же подхода придерживаются ученые Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселова³.

В. С. Белых и М. А. Егорова считают, что цифровые права сегодня не представляют собой юридический термин и научную категорию, и имеют их неюридической субстанции⁴.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин толкует понятие «цифровые права» как право на доступ, использование, создание, а также публикацию цифровых произведений, использование компьютеров, иных электронных устройств, коммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Он отмечает, что это еще и право свободно общаться, выражать собственное мнение в Сети, право на неприкосновенность частной информации, включая конфиденциальность и анонимность персональных данных в цифровом пространстве, это конкретизация, посредством закона и правоприменительных судебных актов, универсальных прав человека, гарантированных международными правовыми актами и Конституцией РФ, применительно к потребностям общества, основанного на информации⁵.

Л. Ю. Василевская высказывает мнение о том, что цифровые права нельзя рассматривать через категорию традиционных имущественных прав человека, поскольку цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, а к новому способу их фиксации⁶. Похожей научной позиции придерживается и И. М. Конобеевская. По ее мнению, цифровые права на некоторые объекты не являются правами в

² Кузнецов М. Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства. URL: <https://pravo.law/assets/files/vliyanie-cifrovizacii-na-nekotorye-rukovodyashhie-nachala-grazhdanskogo-sudoproizvodstva.pdf> (дата обращения: 21.06.2022).

³ Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-mesto-tsifrovym-pravam-v-sisteme-obektov-grazhdanskogo-prava> // <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-mesto-tsifrovym-pravam-v-sisteme-obektov-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 21.06.2022).

⁴ Блажеев В. В., Егорова М. А. Цифровое право. URL: file:///C:/Users/nelli/Downloads/Цифровое_право._Учебник.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

⁵ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-rmyuf/> (дата обращения: 21.06.2022).

⁶ Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских права: проблемы юридической квалификации цифрового права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskikh-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava> (дата обращения: 21.06.2022).

собственном смысле этого слова, поскольку имеют свои особенности, в частности, способ их фиксации⁷.

Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор понятие «цифровые права» трактуют весьма своеобразно, подчеркивая, что происходит своего рода распределение субъекта в цифровых отношениях на составные части, чем-то напоминающее дисперсию света. Для идентификации субъекта как правовой личности придется собрать все части в единую картинку⁸.

Э. В. Талапина предлагает ввести для общетеоретического обозначения цифровых прав новый термин «двоичные или бинарные права», поскольку он подчеркивает связь соответствующих прав с цифровой передачей информации, а также их двойственную природу – возможность реализации как через цифровое, так и через физическое пространство⁹.

Н. В. Варламова отмечает, что технологические инновации требуют не только интерпретации базовых прав человека, но и обуславливают появление и использование принципиально новых понятий, например, таких как «цифровые права». Так, она указывает на наличие сложности в определении названия термина. В отечественной литературе употребляют термины «информационные права», «виртуальные» или «цифровые» права. В англоязычной литературе это синонимичные термины: «цифровые права», «интернет-права», «право на коммуникацию», «свобода соединения с любым лицом в любое время, в любом месте». Ученый указывает на то, что ни один термин не является абсолютно универсальным, поскольку «информационные» или «коммуникационные» права предполагают свободу получения или распространения информации, участие в процессах коммуникации и защиту персональных данных, термин «виртуальные права» обладает такой характеристикой, как нереальность, а «интернет-права» выражают притязания на доступ к сети Интернет. По этой причине автор предполагает, что наиболее предпочтительным, в данном случае, является термин «цифровые права». При этом право на доступ к интернету все же признает базовым, поскольку все цифровые права являются от него производными¹⁰. По мнению Н. В. Варламовой, активное внедрение цифровых технологий в социальные отношения не приводит к появлению новых

⁷ *Коновеевская. И. М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyi-obekt-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 21.06.2022).

⁸ *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Будущее права. URL: https://izak.ru/upload/iblock/96e/KHabrieva_SHernogor_Budushchee-prava_Nasledie-akademika-Stepina_Blok.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

⁹ *Талапина Э. В.* Сравнительное цифровое право: становление и перспективы. URL: <https://jrnprnorma.ru/issue/2021/9> (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁰ *Варламова Н. В.* Цифровые права – новое поколение прав человека?. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-novoe-pokolenie-prav-cheloveka/viewer> (дата обращения: 22.06.2022).

прав человека с иной юридической природой, а переносит их в цифровое пространство и актуализирует их там, создает новые возможности их реализации, порождая риски, которые носят технический характер. Поиск адекватных правовых решений в условиях развития цифровых технологий – основная задача обеспечения прав человека в эпоху цифровых технологий.

Молодежный посланник целей устойчивого развития России при поддержке ООН, юрист и исследователь глобальных процессов и рисков М. Бурьянов предлагает толковать и использовать рассматриваемое понятие в соотношении с прилагательным «глобальный». Так, глобальные цифровые права человека представляют собой существенные возможности для развития человека, полученные от рождения, дающие доступ к благам цивилизации, они должны быть обеспечены путем их закрепления в нормах права¹¹. При этом автор понятия высказывает идею создания «Декларации глобальных цифровых прав человека».

Профессор А. В. Минбалеев исследует проблему несколько шире и формулирует понятие отрасли, которая должна регулировать цифровые права личности, указывая, что цифровое право – это комплексный правовой институт, с развитием которого связано формирование целого пласта цифровых правоотношений, которые нуждаются в правовом регулировании. Соответственно, задачей цифрового права является выработка соответствующих правовых норм¹².

Профессор А. И. Овчинников, формулируя понятие «цифровое право», подчеркивает, что постепенно оно становится самостоятельной отраслью, но при этом он задается вопросом о том, возможно ли рассматривать его в качестве самостоятельной отрасли, и связывает это с тем, что метод правового регулирования до конца не ясен. Если предметом можно считать обменные процессы в сфере цифровой коммуникации, то методом пока признать нечего¹³.

Категория «цифровые права» исследуется и в зарубежной юридической науке.

Так, Тин Синглтон Нортон считает, что цифровые права представляют собой неотъемлемые права человека, что любое публичное пространство должно регулироваться нормами права. Автор считает, что нерегулируемый интернет не означает свободный интернет, отмечая, что чрезмерно контролируемое цифровое пространство может вызвать неизбеж-

¹¹ Бурьянов М. Будет ли место человеку в цифровом мире. URL: <http://maxlaw.tilda.ws/digitalrightsru> (дата обращения: 22.06.2022).

¹² Минбалеев А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-regulirovaniya-tsifrovyyh-otnosheniy> (дата обращения: 21.06.2022).

¹³ Овчинников А. И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху. URL: <https://jrnprnorma.ru/issue/2020/6> (дата обращения: 21.06.2022).

ные противоречия не только между правами человека, но и в отношении указанных прав¹⁴.

Российское гражданское законодательство одно из первых в свое время предприняло попытку институционализации цифровых прав, закрепив их как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяется в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны в информационной системе без обращения к третьему лицу. В случаях, предусмотренных законом, обладателем цифрового права признается иное лицо. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву¹⁵.

В данном случае перед нами принципиально новый объект вещных прав – цифровые права. Как мы уже отмечали, законом цифровые права в России определены как обязательственные и иные права, содержание и использование которых устанавливается в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей указанным в законе признакам.

Таким образом, цифровые права сегодня – это категория, которая интенсивно адаптируется в сфере современной системы права. Право, в свою очередь, предпринимает попытки регулирования складывающихся разнородных общественных отношений, обусловленных развитием цифровых технологий. Важно отметить, что указанные цифровые правоотношения являются одновременно предметом различных отраслей права. Невозможно отрицать, что термин «цифровые права» предполагает права, связанные с доступом к цифровым технологиям, в частности, с их образованием, внедрением, использованием и применением, а также права, связанные с возможностями, которые предоставляет субъекту цифровое пространство.

Складываясь в цифровом пространстве, данные правоотношения обретают новые характеристики: это наличие специальных субъектов (технических специалистов, разработчиков, обслуживающих цифровой ресурс, тех специалистов, которые аккумулируют персональные данные, владельцев цифровых ресурсов); наличие в них третьей стороны; наличие особого принципа реализации – применение цифровых технологий; наличие субъектов, обладающих особыми навыками и знаниями, характеризующимися как цифровые; их дистанционный характер; указанные

¹⁴ Понкин И. В., Редькина А. И. Указ. соч.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/ (дата обращения: 21.06.2022).

правоотношения реализуются на основе одного из основных принципов цифрового пространства – публичности, при допустимой возможности анонимности пользователя; индифферентность и декомпозиционность данных правоотношений.

Библиографический список

Бурьянов М. М. Будет ли место человеку в цифровом мире / М. М. Бурьянов. – URL: <http://maxlaw.tilda.ws/digitalrightsru> (дата обращения: 21.06.2023).

Блажеев В. В. Цифровое право / В. В. Блажеев, М. А. Егорова. – URL: file:///C:/Users/nelli/Downloads/Цифровое_право_Учебник.pdf (дата обращения: 21.06.2023).

Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava> (дата обращения: 21.06.2023).

Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-novoe-pokolenie-prav-cheloveka/viewer> (дата обращения: 21.06.2023).

Гонгало Б. М. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Б. М. Гонгало, Л. А. Новоселова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-mesto-tsifrovym-pravam-v-sisteme-obektov-grazhdanskogo-prava> // <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-mesto-tsifrovym-pravam-v-sisteme-obektov-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 21.06.2023).

Зорькин В. Д. Право в цифровом мире / В. Д. Зорькин. – URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-rmyuf/> (дата обращения: 21.06.2023).

Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав / И. М. Конобеевская. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 21.06.2023).

Кузнецов М. Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства / М. Н. Кузнецов. – URL: <https://pravo.law/assets/files/vliyanie-cifrovizacii-na-nekotorye-rukovodyashhie-nachala-grazhdanskogo-sudoproizvodstva.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).

Минбалеев А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений / А. В. Минбалеев // <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-regulirovaniya-tsifrovyyh-otnosheniy> (дата обращения: 21.06.2023).

Овчинников А. И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху / А. И. Овчинников. – URL: <https://jrnprnorma.ru/issue/2020/6> (дата обращения: 21.06.2023).

Понкин И. В. К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав / И. В. Понкин, А. И. Редькина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-ontologii-tsifrovyyh-prav/viewer> (дата обращения: 21.06.2023).

Талапина Э. В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы / Э. В. Талапина. – URL: <https://jrnprnorma.ru/issue/2021/9> (дата обращения: 21.06.2023).

Хабриева Т. Я. Будущее права / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор. – URL: https://izak.ru/upload/iblock/96e/KHabrieva_CHernogor_Budushchee-prava_Nasledie-akademika-Stepina_Blok.pdf (дата обращения: 21.06.2023).

References

Blazheev V. V. Digital law / V. V. Blazheev, M. A. Egorova. – URL: file:///C:/Users/nelli/Downloads/Digital_law_Textbook.pdf (date of access: 06.21.2023).

Buryanov M. M. Will there be a place for man in the digital world / M. M. Buryanov. – URL: <http://maxlaw.tilda.ws/digitalrightsru> (date of access: 06.21.2023).

Gongalo B. M. Is there a place for “digital rights” in the system of objects of civil law / B. M. Gongalo, L. A. Novoselova. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-mesto-tsifrovym-pravam-v-sisteme-obektov-grazhdanskogo-prava> // <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-mesto-tsifrovym-pravam-v-sisteme-obektov-grazhdanskogo-prava> (date of access: 21.06.2023).

Khabrieva T. Ya. The future of law / T. Ya. Khabrieva, N. N. Chernogor. – URL: https://izak.ru/upload/iblock/96e/KHabrieva_CHernogor_Budushchee-prava_Nasledie-akademika-Stepina_Blok.pdf (date of access: 21.06.2023).

Konobeevskaya I. M. Digital rights as a new object of civil rights / I. M. Konobeevskaya. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyi-obekt-grazhdanskih-prav> (date of access: 21.06.2023).

Kuznetsov M. N. The influence of digitalization on some guiding principles of civil proceedings / M. N. Kuznetsov. – URL: <https://pravo.law/assets/files/vliyanie-tsifrovizatsii-na-nekotorye-rukovodyashhie-nachala-grazhdanskogo-sudoproizvodstva.pdf> (date of access: 06.21.2023).

Minbaleev A. V. Transformation of regulation of digital relations / A. V. Minbaleev. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-regulirovaniya-tsifrovyyh-otnosheniy> (date of access: 06.21.2023).

Ovchinnikov A. I. Security of the individual and the state in the digital era / A. I. Ovchinnikov. – URL: <https://jrnprorma.ru/issue/2020/6> (date of access: 06.21.2023).

Ponkin I. V. On the issue of the concept and ontology of digital rights / I. V. Ponkin, A. I. Redkina. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-ontologii-tsifrovyyh-prav/viewer> (date of access: 06.21.2023).

Talapina E. V. Comparative digital law: formation and prospects / E. V. Talapina. – URL: <https://jrnprorma.ru/issue/2021/9> (date of access: 06.21.2023).

Varlamova N. V. Digital rights – a new generation of human rights? / N. V. Varlamova. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-novoe-pokolenie-prav-cheloveka/viewer> (date of access: 06.21.2023).

Vasilevskaya L. Yu. Token as a new object of civil law: problems of legal qualification of digital law / L. Yu. Vasilevskaya. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava> (date of access: 06.21.2023).

Zorkin V. D. Law in the digital world / V. D. Zorkin. – URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/> (date of access: 21.06.2023).

Для цитирования:

Фальшина Н. А. Понятие цифровых прав в современной правовой науке // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 66–74.

Recommended citation:

Falshina N. A. The concept of digital rights in modern legal science // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 66–74.

Сведения об авторе

Фальшина Нелли Александровна – доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: nelli.falshina@yandex.ru

Information about author

Falshina Nelli Aleksandrovna – Associate Professor of the Chamber of Theory and History of State and Law of Southern Federal University, Candidate of Law, Docent

E-mail: nelli.falshina@yandex.ru

ИНТЕРЕС КАК КАТЕГОРИЯ В ПРАВЕ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

А. А. Завгородняя

ФГБОУ ВО «Донбасский юридический университет юстиции»

Поступила в редакцию 29 июня 2023 г.

Аннотация: интерес в праве, интерес в правоведении имеет множество значений, которые будут зависеть от степени значимости, степени правовой гарантированности реализации социальных интересов, соответствия социальных ожиданий правовым возможностям, от функционального назначения в действии права. Рассматривать соотношение интересов, их влияние на динамическое равновесие, следует через типологию с учетом особенностей различия понимания категории интереса. В данном исследовании отмечается, что интересы в праве (общепринятые в правоведении) – это «объективные интересы», под которыми понимают либо основу правообразовательного процесса, либо уже закрепленные правовые формы реализации интересов, которые имеют не объективную, а интерессубъективную природу. Отмечается, что попытка поместить в одно определение все возможные проявления интересов, имеющие правовое значение, различающиеся по сферам социальной и правовой действительности, недооценивая формы интересов, свидетельствует об их нечетком разграничении, и, как следствие, недооценки их роли в праве как сложной открытой системе.

Ключевые слова: интерес, интерес в праве, социальный интерес, правовой интерес, юридический интерес, законный интерес, юридически значимый интерес, легитимность, типология.

INTEREST AS A CATEGORY IN LAW AND ITS INTERPRETATION

A. A. Zavgorodnaya

Donbass Law University of Justice

Abstract: interest in law, interest in jurisprudence has many meanings that will depend on the degree of significance, the degree of legal guarantee of the realization of social interests, compliance of social expectations with legal possibilities, on the functional purpose in the operation of law. It is necessary to consider the correlation of interests, their influence on dynamic equilibrium, through typology, taking into account the peculiarities of the difference in the understanding of the category of interest. In this study, it is noted that interests in law (generally accepted in jurisprudence) are “objective interests”,

© Завгородняя А. А., 2023

which are understood either as the basis of the legal education process, or already fixed legal forms of realization of interests that are not objective, but intersubjective in nature. It is noted that the attempt to put into one definition all possible manifestations of interests that have legal significance, differing in the spheres of social and legal reality, underestimating the forms of interests, indicates their unclear differentiation, and, as a consequence, underestimating their role in law as a complex open system.

Key words: interest, interest in law, social interest, legal interest, legitimate interest, legitimize interest, legally significant interest, legitimacy, typology.

Категория интерес включает в себя социальные интересы, которые для права имеют определяющее значение как при целеполагании, так и при определении отношений, в рамках которых достигаются различные индивидуальные и общие цели. Само право корректирует средства достижения целей, однако *основу права* составляют не сами интересы, а различные *инструментальные блага* (с точки зрения аксиологического подхода – это ценности), именно они оказывают влияние на формирование целей, а также средств их достижения. В свою очередь, для социальных интересов само право выполняет служебную роль.

Говоря об интересах в праве и их роли, их интерпретации в праве, о том, какое место они будут занимать, в каком соотношении они будут закрепляться в праве, необходимо отметить, что все это будет варьироваться от разных оснований, среди которых и собственно политический режим в обществе, и то, как понимается сущность права. Генезис права, как отмечает А. И. Экимов, определяет «необходимость в правовом регулировании конкретных общественных отношений, каковы должны быть пути и средства их правового регулирования, каким является комплекс прав и обязанностей участников общественных отношений и т.д.»¹.

Соотношение интересов между частными и публичными способами их обеспечения, позволяет говорить об их легитимности и нелегитимности, о справедливости и несправедливости правовых и государственных явлений. Однако данные категории нестабильны, их подвижность связана с динамикой развития интересов в обществе и государстве как систем открытых и нелинейных, отсюда и динамичность права определяется представлениями о справедливости. Поэтому, какое бы соотношение интересов не установилось, даже в условиях признания его справедливым, уравновешенным и оптимальным, тем не менее, оно будет таковым недолго ввиду динамичности, из-за синергетических закономерностей

¹ См.: Экимов А. И. Правовые идеи и интересы: проблемы методологии // Интересы в праве. Жидковские чтения = Interests in Law. Zhidkov's readings : материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 марта 2016 г. / отв. ред. М. В. Немыгина., 2017. С. 14–21.

открытых нелинейных систем, которыми являются не только сам социум, но и правовая система.

Интерес в праве, интерес в правоведении имеет ряд значений, и они будут зависеть от степени значимости, степени правовой гарантированности реализации социальных интересов, соответствия социальных ожиданий правовым возможностям, функционального назначения в действии права. Для того чтобы говорить о соотношении интересов, их влиянии на динамическое равновесие, конечно, следует типологизировать их с учетом особенностей различия понимания категории интереса как мотива, как намерения, которому придается правовое значение и которое, как правило, составляет основу воли и волеизъявления (за исключением особенности недееспособных лиц).

В отношении систематизации, типологии и определения содержания понятий отдельных типов (видов) интересов не существует единого мнения. Мы говорим *о правовых интересах, законных интересах, охраняемых законом, юридически значимых, признанных интересах, а также о месте интереса в субъективном праве.*

Так, общеизвестным и наиболее употребляемым в доктрине права является термин «законный интерес». В литературе подчеркивается, что и в науке, и законодательстве по существу не проводится различия между терминами «законный» и «охраняемый законом» и используются эти термины как синонимы². Исследователи также употребляют понятие «юридический» в значении законный³. В данном исследовании глубокого анализа различных подходов к данной проблематике не проводится, но стоит все же отметить, что как с теоретической, так и с практической точки зрения необходимо определить сущность возможности субъекта в определенных отношениях, когда в законодательстве употреблен термин «интерес» (или иной термин, не совпадающий с законным или охраняемым законом интересом) или категория «интерес» не использована, но отсутствует *общеправовой запрет, а также какие средства использовать для его обеспечения (реализации).* Стоит отметить, что в работах В. В. Субочева были изложены основы теории законных интересов. Тем не менее, исследования автора, имеющие теоретическое и практическое значение, не уменьшили дискуссий на сегодня. Проблематика единства терминологии и именно законодательной терминологии становилась объектом многочисленных исследований, но они до сих пор не привели к каким-либо законодательным трансформациям. В связи с этим и судебная практика достаточно неоднозначна⁴.

² См.: Смирнова М. Г. Социальные притязания и законные интересы: проблемы соотношения и взаимодействия // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4(14). С. 37–47.

³ См.: Ульянов А. В. Юридические интересы в системе гражданского права // Журнал российского права. 2014. № 3(207). С. 119–127.

⁴ См.: Субочев В. В. Законные интересы : монография / под ред. А. В. Малько. М., 2008. 495 с.

Продолжая исследование в рамках различия терминологии, отметим, что существует и различие в подходах в материальном и процессуальном праве. Так, в *процессуальном* законодательстве РФ объектом защиты, кроме субъективных прав, являются *законные интересы*, в материальной же норме права нет в этом отношении единства, а также нет и последовательности, и определенности употребления терминов законных интересов и охраняемых законом интересов.

Конечно, самым неоднозначным подходом к категории интерес отличается гражданское законодательство. Ряд ученых системно акцентировали внимание в своих исследованиях на разноплановости употребления термина интерес в гражданском законодательстве. В частности в ГК РФ использованы понятия интересы, законные интересы, охраняемые законом интересы: интерес (ст. 1, ст. 31, ст. 52 и др. ГК РФ) законный интерес (ст. 1, ст. 209 и др. ГК РФ), охраняемые законом интересы (ст. 13, ст. 149.4, ст. 166 и др. ГК РФ), существенные интересы (ст. 252 ГК РФ), разумно понимаемый интерес (ст. 428 ГК РФ), противоправные интересы (ст. 928 ГК РФ), непротивоправные интересы (ст. 980 ГК РФ). Учеными отмечается, что такой «сумбур» в терминологии, неоднозначность в определении, не может способствовать объективности принятия судебных решений⁵. Нормы семейного законодательства также не отличаются унификацией в данной правовой коллизии и, закрепляя охрану интересов участников семейных отношений, используют категорию «заслуживающие внимания интересы» (ч. 2 ст. 39, ч. 2 ст. 85, абз. 2 ч. 1 ст. 86, ч. 3 ст. 87, ч. 2 ст. 88, т. 91, ч. 2 ст. 98). Уголовное право стабильно в своем плюралистическом подходе к данной категории и также не отличается четкостью. Так, в соответствии со ст. 293 УК РФ, халатностью признается «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей ... если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Исходя из разнообразия интересов и плюрализма терминологии, перед доктриной возникает необходимость систематизации изложенных положений, руководствуясь тем, что законный интерес – один из способов существования интересов в правовом поле. Акцентируем внимание на том, что объем и содержание понятия правового или юридического интереса не имеет единства определения, в том числе, в соотношении с законным интересом как закрепленным в законодательстве и наиболее часто упоминаемым в научных исследованиях понятием, которым обобщена реализация интересов в сфере права. Стоит отметить в рамках определений, что термин «правовой» в отношении категории «интерес»

⁵ См.: Халафов Э. А. Интерес как общенаучная и правовая категория // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 4. С. 7–11.

используется в правоведении чаще в юридической практике, и соотношение между правовым, юридическим или законным интересом провести сложно, даже при том, что они являются предикатами, определяющими не столько природу, сколько среду и средства реализации.

Из рассмотренного выше обзора законодательства следует, что отсутствует единство употребления указанных терминов, понимания их содержания. Возвращаясь к типологизации интересов в праве, обратим внимание также и на *юридически значимые, признанные интересы*, которые встречаются в юридических исследованиях. Стоит отметить, что ряд выделенных (отмеченных исследователями) интересов не следует рассматривать с позиции противопоставления, соотношения, рассматривать их как взаимоисключающие и взаимозаменяемые, по причине рассмотрения их при помощи различных гносеологических и методологических подходов.

Все же наука рассматривает интересы в праве с позиции категории, а наиболее распространенной в доктрине родовой категорией, определяющей интересы в праве, является «*правовой интерес*». В своих исследованиях М. В. Першин определяет, что интересом является то, что находится в сфере правовой практики. Автор указывает на «необходимость использовать «интерес» в качестве правового понятия, обозначая его соответственно правовым или юридическим»⁶. В других исследованиях также утверждается, что социальные интересы приобретают свойство правовых при закреплении в нормах права через субъективные права и обязанности, свободы граждан, законные и охраняемые законом интересы⁷. Стоит отметить, что юридические обязанности как правовые средства способствуют формированию интересов, основанных на должностовании как на заданной извне цели. В частности, юридическими обязанностями как правовыми средствами обеспечиваются интересы других частных лиц и публичные интересы.

Стоит отметить точку зрения А. Г. Малиновой, рассматривающей правовые интересы как «все виды интересов, реализация которых, в принципе, может быть опосредована в сфере правового регулирования... обеспечение которых является целью правового регулирования». Автор также дифференцирует социальные интересы, для которых потенциально могут быть созданы законодательные условия реализации («реализация которых, в принципе, может быть опосредована в сфере правового регулирования»), и отдельно «легитимные» как «условия», которые имеют свои юридические значения, различающиеся по наличию в тексте зако-

⁶ См.: Першин М. В. Частно-правовой интерес: понятие, преобразование, реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 36 с.

⁷ См.: Першина И. В. Интерес в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 32 с.

нодательства прямого указания на определенный юридический факт (в том числе, и на нарушение интересов)⁸.

По мнению С. А. Бурмистрова, правовые интересы – это интересы, *реализуемые и защищаемые правовыми средствами* (правомерные образуют группу охраняемых законом в связи с получением правовой защиты). При этом автор между *охраняемыми законом и законными интересами* не усматривает принципиальной разницы, не признает иерархического соотношения между правовыми интересами и субъективными правами⁹.

В. И. Червонюк под правовыми интересами понимает, прежде всего, социально значимые, легитимные интересы, которые охраняются правом (законом), а также интересы, которые не нашли прямого выражения в нормах права, не определяющие субъективное право или даже «законный интерес». К ним автор также относит легитимные интересы, которые имеют другие формы легитимации, не называя последние, соотнося их с конституционно-правовым статусом личности, «конституционно охраняемыми ценностями»¹⁰.

В. И. Червонюк считает методологически ошибочным приравнивать законные и правовые интересы как подлежащие правовой охране. Он говорит о неприемлемости дихотомии «законных интересов» и интересов, опосредованных субъективными правами, поскольку все интересы ими не исчерпываются. Сущность законных интересов он усматривает в юридическом механизме «налаживания правовой системы относительно обеспечения существующих, но юридически не признанных социальных интересов».

На правовой связи в определении юридических интересов делает акцент А. В. Ульянов. Под ними он понимает правовую связь, возникшую «между участниками общественных отношений на основании правовой инициативы», адресат которой ожидает от нее благоприятные юридические последствия, понимая правовые цели своего поведения¹¹. Отметим, что такое видение сродни социологическому пониманию правовых интересов.

А. В. Рыжик в своих исследованиях не соглашается с подобной аргументацией, ссылаясь на то, что связи и инициатива – это не сами инте-

⁸ См.: Малинова А. Г. Категория «интерес» в семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 26 с.

⁹ См.: Бурмистрова С. А. Правовой интерес как отдельная правовая возможность: механизм защиты в цивилистическом процессе // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 134–147.

¹⁰ См.: Червонюк В. И. «Законные интересы»: традиционный взгляд (позитивистская интерпретация) и оценка в контексте естественно-правовой природы прав человека // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2(58). С. 12–23.

¹¹ См.: Ульянов А. В. Юридические интересы в системе гражданского права // Журнал российского права. 2014. № 3(207). С. 119–127.

рессы, а формы реализации интересов; критически относится к тому, что юридический интерес является юридической предпосылкой правовых отношений, поскольку он находится «внутри этих и многих других феноменов права»¹². Аргументы автора сложно оценить однозначно, особенно тезис о нахождении интереса «внутри» различных правовых феноменов, и сложно реконструировать, поскольку идея изложена с использованием несвойственного для правоведения подхода. Можно лишь предположить, что автор говорил о том, что предпосылкой правоотношений является не юридический интерес, а социальный. По его мнению, позиция о предпосылке будет верна, если говорить не о юридических (правовых), а социальных правомерных интересах.

Продолжая рассмотрение «юридического» или «правового интереса», стоит еще отметить мнение А. Я. Курбатова, которое состоит в том, что эти категории излишни, их роль в достаточной степени исчерпывается категорией «законный интерес»¹³. Особую значимость имеет позиция Г. В. Мальцева, заключающаяся в том, что правовые интересы – это, прежде всего, *типологизированные* интересы, оптимальные модели реальных интересов, выработанные на основе метода индукции субъектом правотворчества, уложенные в юридических формулировках и правоустановлениях с помощью приемов юридической техники. В такой типологии, как пишет автор – институционализации, интересы «обтачиваются», в связи с чем, разделение или противостояние интересов частного и публичного характера не имеет смысла¹⁴. Отсюда можно отметить, что, действительно, в праве индивидуальные интересы отмечены/признаны средствами реализации посредством публичных как институционализированных. Отдельная группа исследователей рассматривает *юридически признанные, значимые интересы*. В частности, Н. М. Мусаев к ним относит публичные и частные как интересы государства, общества, индивидов, находящиеся *под защитой государства*¹⁵.

В данном исследовании мы не сможем дать полный ответ по проблеме дифференциации интересов, выдвинуть унифицированное определение и конкретизировать подход к категории интерес, однако предла-

¹² См.: Рыжик А. В. Методологические подходы к определению категории интереса собственника // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2(194). С. 34–37.

¹³ См.: Курбатов А. Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. Категория «интерес» в праве. URL: <http://www.k-press.ru/bh/2001/1/kurbatov/kurbatov.asp> (дата обращения: 25.06.2023).

¹⁴ См.: Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2011. 799 с.

¹⁵ См.: Мусаев Н. М. Понятие интереса, его виды и соотношение публичного и частного интереса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. 2000. № 1. С. 137–142.

гаем исходить из того, что интересы правовые – это интересы одноплановые, соотнесенные с различными сферами жизни общества, но реализуемые в рамках правового поля, для которых само правоотношение¹⁶ является «благом», а социальные интересы, которые нашли признание в праве с целью обеспечения средств их реализации и охраны (защиты), – это охраняемые правом интересы. Отметим, что *интересы в праве* (общепринятые в правоведении) – это «объективные интересы», под которыми понимают либо основу правообразовательного процесса, либо уже закрепленные правовые формы реализации интересов, которые имеют не объективную, а *интерсубъективную природу*. Такой подход объясняет и механизм институционализации интересов, и порядок согласования интересов в процессе правотворчества, и закономерность формирования правовых мотивов субъектов. После закрепления в законодательстве как типичных, обобщенных и общезначимых для большого числа субъектов, интересы становятся публично-правовыми, опосредуя в себе возможности реализации индивидуальных притязаний на объект социальной значимости и пользы. Отмечается разная интерпретация интереса и как притязание (побуждение, стремление, направленность), и как некое «доправовое» явление, влияющее на институционализацию, правотворчество, правоприменение. Что же касается восприятия интереса как стремления, мотива, как возможности и стимула, то данные определения будут зависеть от выбранного подхода исследования данной категории, от типа правопонимания и других факторов. Акцентируем внимание на том, что попытка поместить в одно определение все возможные проявления интересов, имеющие правовое значение, различающиеся по сферам социальной и правовой действительности, свидетельствует о недооценке их роли в праве как сложной открытой системе, которая, в то же время, должна получать более глубокий уровень и разносторонний характер исследований.

Библиографический список

Бурмистрова С. А. Правовой интерес как отдельная правовая возможность: механизм защиты в цивилистическом процессе / С. А. Бурмистрова // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 134–147.

Курбатов А. Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. Категория «интерес» в праве / А. Я. Курбатов. – URL: // <http://www.k-press.ru/bh/2001/1/kurbatov/kurbatov.asp> (дата обращения: 25.06.2023).

Малинова А. Г. Категория «интерес» в семейном праве : автореф. дис. канд. юрид. наук / А. Г. Малинова. – Екатеринбург, 2003. – 26 с.

Мальцев Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – Москва : Норма : Инфра-М, 2011. – 799 с.

¹⁶ См.: Курбатов А. Я. Указ. соч.

Мусаев Н. М. Понятие интереса, его виды и соотношение публичного и частного интереса / Н. М. Мусаев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. – 2000. – № 1. – С. 137–142.

Першин М. В. Частно-правовой интерес: понятие, преобразование, реализация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Першин. – Нижний Новгород, 2004. – 36 с.

Першина И. В. Интерес в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Першина. – Нижний Новгород, 2002. – 32 с.

Рыжик А. В. Методологические подходы к определению категории интереса собственника / А. В. Рыжик // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 2(194). – С. 34–37.

Смирнова М. Г. Социальные притязания и законные интересы: проблемы соотношения и взаимодействия / М. Г. Смирнова // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 4(14). – С. 37–47.

Субочев В. В. Законные интересы : монография / В. В. Субочев ; Российская акад. наук, Саратовский филиал Ин-та государства и права РАН ; под ред. А. В. Малько. – Москва : Норма, 2008. – 495 с.

Ульянов А. В. Юридические интересы в системе гражданского права / А. В. Ульянов // Журнал российского права. – 2014. – № 3(207). – С. 119–127.

Халафов Э. А. Интерес как общенаучная и правовая категория / Э. А. Халафов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – № 4. – С. 7–11.

Червонюк В. И. «Законные интересы»: традиционный взгляд (позитивистская интерпретация) и оценка в контексте естественно-правовой природы прав человека / В. И. Червонюк // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2(58). – С. 12–23.

Экимов А. И. Правовые идеи и интересы: проблемы методологии / А. И. Экимов // Интересы в праве. Жидковские чтения = *Interests in Law. Zhidkov's readings* : материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 марта 2016 г. / отв. ред. М. В. Немытина. – Москва : РУДН, 2017. – С. 14–21.

References

Burmistrova S. A. Legal interest as a separate legal possibility: a protection mechanism in the civil process / S. A. Burmistrova // *Journal of Russian Law*. – 2020. – No. 6. – Pp. 134–147.

Kurbatov A. Ya. Theoretical foundations of the combination of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity. Category “interest” in law / A. Ya. Kurbatov. – URL: <http://www.k-press.ru/bh/2001/1/kurbatov/kurbatov.asp> (date of access: 25.06.2023).

Malinova A. G. Category “interest” in family law : abstract dis. ... Cand. of Legal Sciences / A. G. Malinova. – Ekaterinburg, 2003. – 26 p.

Maltsev G. V. Social foundations of law / G. V. Maltsev. – Moscow : Norma : Infra-M, 2011. – 799 p.

Musaev N. M. The concept of interest, its types and the relationship between public and private interest / N. M. Musaev // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky. Series: Law*. – 2000. – No. 1. – Pp. 137–142.

Pershin M. V. Private legal interest: concept, transformation, implementation : abstract dis. ... Cand. of Legal Sciences / M. V. Pershin. – Nizhny Novgorod, 2004. – 36 p.

Pershina I. V. Interest in law : abstract dis. ... Cand. of Legal Sciences / I. V. Pershina. – Nizhny Novgorod, 2002. – 32 p.

Ryzhik A. V. Methodological approaches to determining the category of interest of the owner / A. V. Ryzhik // Law and State: theory and Practice. – 2021. – No. 2(194). – Pp. 34–37.

Smirnova M. G. Social claims and legitimate interests: problems of correlation and interaction / M. G. Smirnova // Leningrad Legal Journal. – 2008. – No. 4(14). – Pp. 37–47.

Subochev V. V. Legitimate interests: monograph / V. V. Subochev ; Russian academician Sciences, Saratov Phil. Institute of State and Law RAS ; edited by A. V. Malko. – Moscow : Norma, 2008. – 495 p.

Ulyanov A. V. Legal interests in the civil law system / A. V. Ulyanov // Journal of Russian Law. – 2014. – No. 3(207). – Pp. 119–127.

Khalafov E. A. Interest as a general scientific and legal category / E. A. Khalafov // Problems of economics and legal practice. – 2015. – No. 4. – Pp. 7–11.

Chervonyuk V. I. “Legitimate interests”: traditional view (positivist interpretation) and assessment in the context of the natural legal nature of human rights / V. I. Chervonyuk // Legal science and practice : Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 2 (58). – Pp. 12–23.

Ekimov A. I. Legal ideas and interests: problems of methodology / A. I. Ekimov // Interests in law. Zhidkov readings = Interests in Law. Zhidkov’s readings : materials of the All-Russian scientific conference. Moscow, March 25–26, 2016 / resp. ed. M. V. Nemytina. – Moscow : RUDN University, 2017. – Pp. 14–21.

Для цитирования:

Завгородняя А. А. Интерес как категория в праве и его интерпретация // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 75–84.

Recommended citation:

Zavgorodnaya A. A. Interest as a category in law and its interpretation // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 75–84.

Сведения об авторе

Завгородняя Анастасия Александровна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Донбасский юридический университет юстиции», кандидат юридических наук, доцент

E-mail: nelli.falshina@yandex.ru

Information about author

Zavgorodnaya Anastasiya Aleksandrovna – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Donbass Law University of Justice, Candidate of Law, Docent

E-mail: nastacija@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ПРАВА КАК ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ

О. Е. Зацепина

Алтайский государственный университет

Поступила в редакцию 7 июля 2023 г.

Аннотация: в статье раскрывается сущность правовых принципов через призму их соотношения с правовыми презумпциями. Устанавливается, что корреспондирующая принципу презумпция показывает, насколько принцип как основополагающая правовая идея реализуется в конкретных правоотношениях. Делается вывод, что принцип права является самостоятельной правовой категорией, поэтому его не нужно отождествлять со смежными правовыми явлениями.

Ключевые слова: правовой принцип, основополагающая идея, корреспондирующая презумпция, показатель реализации.

LEGAL PRINCIPLES AS BASIC LEGAL CATEGORIES

O. E. Zatsepina

Altai State University

Abstract: the article reveals the essence of legal principles through the prism of their correlation with legal presumptions. Author establishes that the presumption corresponding to the principle shows how the principle as a fundamental legal idea is realized in specific legal relations. It is concluded that the principle of law is an independent legal category, so it does not need to be identified with related legal phenomena.

Key words: legal principle, fundamental idea, corresponding presumption, implementation rate.

Общие положения о роли отечественного архивного дела в жизнеде-
Правовые принципы – это основополагающие начала, отражающие за-
кономерности общественной жизни¹ и определяющие содержание и на-
правления правового регулирования².

Полагаем, их сущность нагляднее будет рассмотреть через призму со-
отношения с правовыми презумпциями, поскольку данный вопрос яв-
ляется дискуссионным и его исследование позволяет раскрыть сущность

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 98.

² См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 2000. С. 45.

© Зацепина О. Е., 2023

правовых принципов и их реализацию на практике с помощью правовых презумпций.

По данной теме существует два основных подхода.

Согласно первому из них существуют презумпции, достигшие уровня правовых принципов, которые распространяют свое содержание на другие правовые нормы, способствуют их правильному применению и толкованию, например, презумпция невиновности, презумпция вины в гражданском праве, презумпция добросовестности и др. (В. К. Бабаев³, О. А. Кузнецова⁴, Ю. Г. Арзамасов⁵, М. П. Пронина⁶, О. В. Жажина⁷). По-видимому, законодатель разделяет указанный подход, так как помещает презумпции в перечень принципов (например, в УПК РФ ст. 14 «Презумпция невиновности» расположена в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства»⁸, в НК РФ презумпция добросовестности налогоплательщика закреплена в ч. 7 ст. 3, которая называется «Основные начала законодательства о налогах и сборах»⁹, в Федеральном законе от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности установлена в ст. 3 «Основные принципы охраны окружающей среды»¹⁰, а в Федеральном законе от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» презумпция добросовестности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей закреплена в п. 2 ст. 3 «Принципы защиты прав юридических лиц, индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля»¹¹).

³ См.: Бабаев В. К. Презумпции в российском праве и юридической практике. Проблемы юридической техники : сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 328–329.

⁴ См.: Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 11.

⁵ См.: Арзамасов Ю. Г. О понятии презумпции и их месте в системе средств юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 73.

⁶ См.: Пронина М. П. Презумпции и принципы в праве: вопросы соотношения // Юридический мир. 2010. № 5. С. 34.

⁷ См.: Жажина О. В. Презумпции как субсидиарные правовые нормы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 5, 12.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146- // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

¹⁰ Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

¹¹ О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : Феде-

Полагаем, что нужно переместить презумпции из перечня принципов в отдельные статьи нормативно-правовых актов, содержащих такие перечни, чтобы устранить указанное смешение понятий.

Некоторые исследователи выделяют такую категорию, как «принцип презумпции» (например, Ю. Я. Федорчукова¹² пишет о принципе презумпции знания закона, М. Б. Напсо¹³ – о принципе презумпции добровольности, И. Ю. Мурашкин¹⁴, И. З. Багаев¹⁵, А. Е. Епифанов и В. М. Абдрашитов¹⁶, Е. Д. Матвеевко¹⁷ и многие другие ученые – о принципе презумпции невиновности).

В судебной практике также можно встретить употребление данного термина.

Например, Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 10 ноября 2016 г. по делу А32-1221/2015 основывает свои выводы на «общем принципе презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений»¹⁸.

В п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» указывается, что «в силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях»¹⁹.

Конституционный Суд РФ в п. 2.1 Постановления от 8 ноября 2016 г. № 22-П²⁰, в п. 4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 7 марта

ральный закон от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6249.

¹² См.: Федорчукова Ю. Я. Юридическая ошибка в уголовном праве и общеправовой принцип презумпции знания закона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2017. № 5. С. 115.

¹³ См.: Напсо М. Б. Нормы-принципы и нормы-презумпции в налоговом праве // Тенденции и перспективы развития современного научного знания : материалы XVI Международной научно-практической конференции 8–9 октября. М., 2015. С. 101.

¹⁴ См.: Мурашкин И. Ю. Начало действия принципа презумпции невиновности // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2(31). С. 42.

¹⁵ См.: Багаев И. З. Презумпция невиновности: современные проблемы реализации принципа // Аллея науки. 2017. № 8, т. 2. С. 564.

¹⁶ См.: Епифанов А. Е., Абдрашитов В. М. Принцип презумпции невиновности и современные тенденции в области прав человека // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 9.

¹⁷ См.: Матвеевко Е. Д. Проблемы реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве // Научный альманах. 2017. № 6-1(32). С. 225.

¹⁸ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 ноября 2016 г. по делу А32-1221/2015 // Сайт справочно-правовой системы СудАкт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 12.01.2018).

¹⁹ О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

²⁰ По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с жалобой гражданина Д. В. Батарагина : постановление Конституционного Суда РФ от

2017 г. № 5-П²¹ и в других своих постановлениях утверждает, что принцип презумпции невиновности закреплен в ст. 49 Конституции РФ.

Однако такой подход, на наш взгляд, приводит к смешению двух самостоятельных категорий, что препятствует их правильному пониманию.

Более убедительным представляется второй подход, согласно которому принцип и презумпция являются различными категориями, имеющими общие и отличительные черты, поэтому их следует отграничивать друг от друга (Н. Н. Тарусина²², А. Н. Бякова²³, Д. А. Смирнов²⁴, Р. В. Гончаров²⁵).

Итак, сторонники этого подхода сходятся во мнении, что рассматриваемые явления представляют собой самостоятельные правовые средства, играющие очень важную роль в правовом регулировании, дополняющие действие друг друга и имеющие следующие отличия.

1. Масштаб действия (охват применения) – правовые принципы согласуют все предписания нормативного акта²⁶, воплощают в себе определенную идею правосознания²⁷ и актуализируют все средства в механизме правового регулирования²⁸, а правовая презумпция применяется в качестве одного из таких средств в отношении конкретных участников определенных правоотношений и регулирует частный процесс или явление²⁹.

Поэтому, по мнению Д. А. Смирнова, презумпции являются средством реализации принципов права, а также позволяют глубже уяснить их роль и значение, например, презумпция невиновности налогоплательщика претворяет в жизнь законность, социальную справедливость, целесообразность и иные принципы налогового права³⁰.

8 ноября 2016 г. № 22-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

²¹ По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера : постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 3.

²² См.: Тарусина Н. Н. Семейное право : учеб. пособие. М., 2001. С. 123–125.

²³ См.: Бякова А. Н. Соотношение принципа и презумпции добросовестности // Вестник научных конференций. 2016. № 2-3(6). С. 21.

²⁴ См.: Смирнов Д. А. Правовые презумпции и принципы налогового права как средства ограничения негативного усмотрения в административном и ином правоприменении // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2. С. 216–218.

²⁵ См.: Гончаров Р. В. Добросовестность в гражданском праве Российской Федерации: принцип или презумпция // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4(21), ч. 2. С. 55–56.

²⁶ См.: Иванов Р. Л. О понятии принципов права // Вестник Омского университета. 1996. № 2. С. 118.

²⁷ См.: Гончаров Р. В. Указ. соч. С. 56.

²⁸ См.: Смирнов Д. А. Указ. соч. С. 216.

²⁹ См.: Баранов В. М. «Юридическая техника»: актуальное теоретико-прикладное и дидактическое издание // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 567.

³⁰ См.: Смирнов Д. А. Указ. соч. С. 216–217.

Кроме того, необходимо отметить, что, когда принцип и презумпция раскрывают содержание одной и той же правовой категории, посредством презумпции предполагается, что соответствующий принцип соблюдается в конкретных правоотношениях, пока не доказано обратное. Например, в ч. 3 ст. 1 ГК РФ закреплен принцип добросовестности, согласно которому «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно», а в ч. 5 ст. 10 ГК РФ установлена презумпция добросовестности, в соответствии с которой «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются», возможность опровержения данной презумпции, а также правовые последствия ее опровержения предусмотрены ч. 2 и ч. 3 ст. 10 ГК РФ.

В конституционном праве содержится несколько соответствующих друг другу принципов и презумпций. Например, в соответствии с принципом конституционности нормативно-правовых актов органы, наделенные полномочиями по их принятию, обязаны следовать Конституции РФ в течение всех стадий процесса их принятия³¹, а согласно презумпции конституционности нормативно-правовых актов все нормативно-правовые акты, принятые на территории РФ, предполагаются соответствующими Конституции РФ, пока иное не будет доказано Конституционным Судом и оформлено его решением³².

Аналогичным образом взаимосвязаны и другие корреспондирующие друг другу принципы и презумпции, выделяемые С. А. Мосиным, такие как принцип и презумпция конституционности деятельности участников конституционных правоотношений, принцип и презумпция конституционности деятельности органов власти и должностных лиц, принцип и презумпция добросовестности участников конституционных правоотношений, принцип и презумпция добросовестности законодателя³³.

Исходя из этого, представляется, что установление соответствующих друг другу принципов и презумпций позволяет определить, насколько правовой принцип как основополагающая идея, закрепленная в законодательстве, реализуется на практике.

Справедливо утверждает С. А. Мосин, что правовой принцип наполняет корреспондирующую ему презумпцию и ограничивает ее своим содержанием³⁴, поскольку, на наш взгляд, такая позиция соответствует сущности рассматриваемых правовых явлений.

³¹ См.: Мосин С. А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15.

³² См.: Там же. С. 16.

³³ См.: Там же. С. 15, 17, 18, 20.

³⁴ См.: Там же. С. 17.

В связи с этим полагаем возможным не согласиться с точкой зрения И. В. Сухининой, классифицирующей конституционно-правовые презумпции по виду конституционного установления или допущения на презумпции, содержащие принципы (презумпция неотъемлемости прав и свобод человека и гражданина, недопустимости ограничения неотчуждаемых прав и свобод), презумпции, содержащие задачи (презумпция конституционности актов государства; презумпция конституционности деятельности органов государственной власти и их должностных лиц; презумпция знания закона), презумпции, содержащие дефиниции (презумпция добросовестности законодателя и его приверженности общим правовым принципам), презумпции, содержащие цели (презумпция места жительства)³⁵, поскольку, думается, такая классификация с учетом приведенных указанным автором примеров способствует смешению перечисленных в ее контексте правовых категорий и, в частности, правовых презумпций и правовых принципов, так как презумпция не содержит принцип, являющийся самостоятельным правовым явлением, но может иметь схожее с ним содержание, являясь средством реализации его на практике и помогая определить, реализуется ли он в конкретных правоотношениях, не сливаясь при этом с ним в одну правовую категорию, а раскрывая его содержание

В более поздней своей работе С. А. Мосин указывает, что правовой принцип одновременно содержит в себе элементы иных правовых категорий – правовой аксиомы, правовой презумпции, правовой фикции, в этом заключается его вариативность, проявляющаяся в процессе реализации принципа, если же при воплощении принципа в жизнь не наблюдаются признаки одного или нескольких элементов, за исключением признака самого правового принципа, значит, он полностью реализуется на практике³⁶.

По мнению указанного автора, например, принцип конституционности нормативно-правовых актов содержит признаки правовой аксиомы, так как не нужно доказывать необходимость данного принципа в российской правовой системе, признаки презумпции – поскольку конституционность актов предполагается, пока не доказано обратное, признаки фикции – ввиду того, что некоторые нормативно-правовые акты не соответствуют Конституции РФ, что подтверждается Конституционным Судом РФ, поэтому несуществующее признается существующим³⁷.

Полагаем, такой подход ведет к смешению указанных правовых категорий, которые являются самостоятельными и не содержатся в струк-

³⁵ См.: Сухинина И. В. Презумпции в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 17.

³⁶ См.: Мосин С. А. К вопросу о вариативности основополагающих конституционных установлений // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 36–38.

³⁷ См.: Там же. С. 36–37.

туре правового принципа. Так, представляется, что принцип не включает в себя признаки аксиомы, так как необходимость наличия в правовой системе не нужно доказывать не только применительно к правовой аксиоме, но и к самому правовому принципу как основополагающей идее, определяющей направления и содержание правового регулирования. Презумпция конституционности нормативно-правовых актов не содержится в составе принципа, она является отдельным средством юридической техники, корреспондирующим принципу конституционности нормативно-правовых актов и помогающим определить, насколько он воплощается на практике, выступает в качестве индикатора его реализации, способа ее проверки (на что указывал и сам С. А. Мосин в своей диссертации и автореферате, как было сказано выше). Но в случае обнаружения несоответствия Конституции определенных нормативно-правовых актов и подтверждения данного несоответствия Конституционным Судом в установленном порядке, на наш взгляд, не происходит объявления несуществующего существующим, признаки фикции не проявляются, в таком случае опровергается презумпция конституционности нормативно-правовых актов в отношении определенных актов, что полностью соответствует вероятной и опровержимой презумптивной природе, так как правовая презумпция в некоторых случаях достоверно отражает правовую действительность, а в других – нет, что подтверждается путем ее опровержения, после которого она не становится фикцией, поскольку фикция заведомо ложна в отношении всех случаев, охватываемых ей, поэтому, думается, правовой принцип не содержит и правовую фикцию, а установление отдельных случаев его нереализации не говорит о возникновении фикции.

Таким образом, более ранний подход С. А. Мосина, раскрывающий правовое значение корреспондирующих друг другу правовых презумпций и правовых принципов, представляется более верно отражающим правовую действительность, чем подход о вариативности правовых принципов.

2. Происхождение – правовые принципы возникли путем обобщения идеологических и культурных ценностей, а правовые презумпции – путем практического опыта, основанного на повторении жизненных ситуаций.

3. Правовые презумпции по своей природе вероятны, а к правовым принципам как к основополагающим идеям категория вероятности неприменима, поэтому они не могут быть опровергнуты фактическими данными, как презумпции.

4. Каждая правовая презумпция имеет свои факты основания, без доказательств которых она не будет действовать, а правовые принципы не нуждаются в доказательствах для начала действия.

5. Правовые принципы применяются по аналогии права, восполняя тем самым недостаток законодательного регулирования, а правовые пре-

зумпции компенсируют недостаток фактической информации по делу, заменяя собой недостающие юридические факты.

6. Правовые принципы обладают системообразующим свойством, а правовые презумпции – системоупрощающим³⁸.

Таким образом, правовые презумпции и правовые принципы взаимодействуют между собой, поскольку регулируют одни и те же правоотношения, а иногда и раскрывают содержание одной и той же правовой категории (как принцип добросовестности и презумпция добросовестности в гражданских правоотношениях), но при этом имеют существенные отличия друг от друга, заключающиеся в фундаментальности правовых принципов, что позволяет не отождествлять и не смешивать их.

Следует отметить, что какую бы значимую роль ни приобрела презумпция в праве (в том числе общеправовая, применяющаяся во всех его отраслях), она не станет принципом права, как и принцип не станет презумпцией, так как при регулировании одной и той же правовой категории они не заменяют друг друга, посредством презумпции предполагается, что соответствующий принцип соблюдается в конкретных правоотношениях, пока не доказано обратное, поэтому установление корреспондирующих друг другу принципов и презумпций, позволяет определить, насколько правовой принцип как основополагающая идея, закрепленная в законодательстве, реализуется на практике. Если же доказано, что правовой принцип в определенных случаях не соблюдается, т.е. правовая презумпция опровергается, правовая фикция не возникает.

Библиографический список

Алексеев С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1981. – Т. 1.

Арзамасов Ю. Г. О понятии презумпции и их месте в системе средств юридической техники / Ю. Г. Арзамасов // Юридическая техника. – 2010. – № 4.

Бабаев В. К. Презумпции в российском праве и юридической практике. Проблемы юридической техники : сборник статей / В. К. Бабаев ; под ред. В. М. Баранова. – Нижний Новгород, 2000.

Багаев И. З. Презумпция невиновности: современные проблемы реализации принципа / И. З. Багаев // Аллея науки. – 2017. – № 8, т. 2.

Баранов В. М. «Юридическая техника»: актуальное теоретико-прикладное и дидактическое издание / В. М. Баранов // Юридическая техника. – 2009. – № 3.

Бякова А. Н. Соотношение принципа и презумпции добросовестности / А. Н. Бякова // Вестник научных конференций. – 2016. – № 2-3(6).

Гончаров Р. В. Добросовестность в гражданском праве Российской Федерации: принцип или презумпция / Р. В. Гончаров // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 4(21). – Ч. 2.

Епифанов А. Е. Принцип презумпции невиновности и современные тенденции в области прав человека / А. Е. Епифанов, В. М. Абдрашитов // Научный

³⁸ См.: Гончаров Р. В. Указ. соч. С. 56.

вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: Юриспруденция. – 2015. – № 2.

Жажина О. В. Презумпции как субсидиарные правовые нормы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Жажина. – Санкт-Петербург, 2011.

Иванов Р. Л. О понятии принципов права / Р. Л. Иванов // Вестник Омского университета. – 1996. – № 2.

Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Кузнецова. – Екатеринбург, 2001.

Лазарев В. В. Теория государства и права / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – Москва : Спарк, 2000.

Матвеев Е. Д. Проблемы реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве / Е. Д. Матвеев // Научный альманах. – 2017. – № 6-1(32).

Мосин С. А. К вопросу о вариативности основополагающих конституционных установлений / С. А. Мосин // Юридическая наука. – 2014. – № 4.

Мосин С. А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Мосин. – Москва, 2007.

Мурашкин И. Ю. Начало действия принципа презумпции невиновности / И. Ю. Мурашкин // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 2(31).

Напсо М. Б. Нормы-принципы и нормы-презумпции в налоговом праве / М. Б. Напсо // Тенденции и перспективы развития современного научного знания : материалы XVI Международной научно-практической конференции 8–9 октября. – Москва, 2015.

Пронина М. П. Презумпции и принципы в праве: вопросы соотношения / М. П. Пронина // Юридический мир. – 2010. – № 5.

Смирнов Д. А. Правовые презумпции и принципы налогового права как средства ограничения негативного усмотрения в административном и ином правоприменении / Д. А. Смирнов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 2.

Сухина И. В. Презумпции в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Сухина. – Москва, 2003.

Тарусина Н. Н. Семейное право : учебное пособие / Н. Н. Тарусина. – Москва, 2001. – С. 123–125.

Федорчукова Ю. Я. Юридическая ошибка в уголовном праве и общеправовой принцип презумпции знания закона / Ю. Я. Федорчукова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. – 2017. – № 5.

References

Alekseev S. S. General theory of law / S. S. Alekseev. – Moscow : Yurid. lit., 1981. – Т. 1.

Arzamasov Yu. G. On the concept of presumption and their place in the system of legal technology / Yu. G. Arzamasov // Legal technology. – 2010. – No. 4.

Babaev V. K. Presumptions in Russian law and legal practice. Problems of legal technology : collection of articles / V. K. Babaev ; ed. V. M. Baranova. – Nizhny Novgorod, 2000.

Bagaev I. Z. Presumption of innocence: modern problems of implementing the principle / I. Z. Bagaev // *Alley of Science*. – 2017. – No. 8, vol. 2.

Baranov V. M. “Legal technology”: a current theoretical, applied and didactic publication / V. M. Baranov // *Legal technology*. – 2009. – No. 3.

Byakova A. N. The relationship between the principle and the presumption of good faith / A. N. Byakova // *Bulletin of scientific conferences*. – 2016. – No. 2-3(6).

Goncharov R. V. Good faith in the civil law of the Russian Federation: principle or presumption / R. V. Goncharov // *Tauride Scientific Observer*. – 2017. – No. 4(21), part 2.

Epifanov A. E. The principle of the presumption of innocence and modern trends in the field of human rights / A. E. Epifanov, V. M. Abdrashitov // *Scientific bulletin of the Volgograd branch of RANEPa*. Series: Jurisprudence. – 2015. – No. 2.

Fedorchukova Yu. Ya. Legal error in criminal law and the general legal principle of the presumption of knowledge of the law / Yu. Ya. Fedorchukova // *Modern science: actual problems of theory and practice*. Series: Economics and Law. – 2017. – No. 5.

Ivanov R. L. On the concept of principles of law / R. L. Ivanov // *Bulletin of Omsk University*. – 1996. – No. 2.

Kuznetsova O. A. Presumptions in civil law : abstract dis. ... Cand. Legal Sciences / O. A. Kuznetsova. – Ekaterinburg, 2001.

Lazarev V. V. Theory of state and law / V. V. Lazarev, S. V. Lipen. – Moscow : Spark, 2000.

Matveenko E. D. Problems of implementing the principle of the presumption of innocence in criminal proceedings / E. D. Matveenko // *Scientific almanac*. – 2017. – No. 6-1(32).

Mosin S. A. On the issue of variability of fundamental constitutional provisions / S. A. Mosin // *Legal science*. – 2014. – No. 4.

Mosin S. A. Presumptions and principles in the constitutional law of the Russian Federation : abstract dis. ... Cand. Legal Sciences / S. A. Mosin. – Moscow, 2007.

Murashkin I. Yu. The beginning of the principle of the presumption of innocence / I. Yu. Murashkin // *Bulletin of the Omsk Legal Academy*. – 2016. – No. 2(31).

Napso M. B. Norms-principles and norms-presumptions in tax law / M. B. Napso // *Trends and prospects for the development of modern scientific knowledge : materials of the XVI International Scientific-Practical Conference on October 8–9*. – Moscow, 2015.

Pronina M. P. Presumptions and principles in law: issues of correlation / M. P. Pronina // *Legal world*. – 2010. – No. 5.

Smirnov D. A. Legal presumptions and principles of tax law as a means of limiting negative discretion in administrative and other law enforcement / D. A. Smirnov // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. – 2012. – No. 2.

Sukhinina I. V. Presumptions in the constitutional law of the Russian Federation : abstract dis. ... Cand. Legal Sciences / I. V. Sukhinina. – Moscow, 2003.

Tarusina N. N. Family law : textbook / N. N. Tarusina. – Moscow, 2001. – Pp. 123–125.

Zhazhina O. V. Presumptions as subsidiary legal norms : abstract. dis. ... Cand. Legal Sciences / O. V. Zhazhina. – St. Petersburg, 2011.

Для цитирования:

Зацепина О. Е. Принципы права как основные правовые категории // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 85–95.

Recommended citation:

Zatsepina O. E. Legal principles as basic legal categories // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 85–95.

Сведения об авторе

Зацепина Олеся Евгеньевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического института Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

Information about author

Zatsepina Olesya Evgenievna – Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Institute of Altai State University, Candidate of Law

E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА

А. В. Карева

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Поступила в редакцию 9 июля 2023 г.

Аннотация: автор статьи рассматривает историю становления и развития древнерусского права, в процессе которого происходила трансформация юридических понятий. Анализируются факторы, влияющие на утверждение самобытного характера древнерусского права и его терминологии, несмотря на определенное влияние византийского правового наследия. Раскрывается многообразие юридических понятий и терминов, которые стали основой для становления и развития отечественного права и юриспруденции.

Ключевые слова: Древняя Русь, юридический язык, юридические понятия, юридическая терминология, закон, «закон русский», «Русская Правда», обычай, крещение Руси, византийское право.

TRANSFORMATION OF LEGAL CONCEPTS IN THE PROCESS OF EVOLUTION OF ANCIENT RUSSIAN LAW

A. V. Kareva

Ryazan State University named after S. A. Yesenin

Abstract: the author of the article examines the history of the formation and development of ancient Russian law, during which the transformation of legal concepts took place. The factors influencing the assertion of the original nature of ancient Russian law and its terminology are analyzed, despite the certain influence of the Byzantine legal heritage. The variety of legal concepts and terms that became the basis for the formation and development of domestic law and jurisprudence is revealed.

Key words: Ancient Rus', legal language, legal concepts, legal terminology, law, "Russian law", "Russian Truth", custom, baptism of Rus', Byzantine law.

Проблема происхождения древнерусского права и особенно становления и развития юридических понятий сохраняет свою актуальность уже длительное время. Исследование процесса эволюции права и юридической терминологии способствуют не только воссозданию объектив-

ной картины исторического развития, но и лучшему осмыслению современных процессов, происходящих в отечественном праве Российской Федерации.

Отечественная юриспруденция в процессе своей эволюции, прошла этапы, характерные и для других стран. На смену первому этапу пришел этап символической юриспруденции, когда символами выступали различные предметы, способствующие яркому запоминанию происходящей процедуры: дерн, солома, рука, перчатка, обувь, ключ, оружие¹. Этап словесной юриспруденции сменился писанным правом, основой которого являлись юридические термины. Однако, несмотря на данные перемены, продолжали использовать и пословицы, выражающие суть правовых норм.

Данный этап, свидетельствующий о самобытности становления древнерусского права и его терминологии, тем не менее, сопровождался определенным влиянием Византии, что подтверждает договор Руси 911 г. с этим государством. Это один из самых ранних памятников древнерусской юриспруденции, текст которого содержится в «Повести временных лет». Договор зафиксировал не какие-то искусственно сформулированные, придуманные, а реально действовавшие правовые нормы. В тексте договора фигурирует термин «закон русский»: «Аще ли оударит мечем, или оубьет кацъм (бить кацем, кац – огнище или кадило) любо сосоудом, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону Роускому». В заключение текста договора 911 г., включенного в Ипатьевскую летопись, упоминается, что представители князя Олега клянутся перед византийским царем «по закону и по покону» своего народа².

Термин «закон русский» обозначал устойчивую совокупность устных норм обычного права, характерных для древнерусского общества. Именно этим объясняется то, что содержание соглашения Олега с Византией было вновь включено в договор 944 г. киевского князя Игоря с византийскими императорами. В тексте и этого договора упоминается «закон русский». Между тем термин «покон» упоминается в значении обычая, то есть «по обычаю народа нашего».

Первоначально тексты договоров закреплялись на греческом языке, а в дальнейшем их переводили на русский язык. Именно эти варианты находились в распоряжении составителей «Повести временных лет». Их содержание свидетельствует о *достаточной* развитости лексики русского языка в начале X в., которая позволяла адекватно и свободно описывать различные преступления и наказания, не прибегая к заимствова-

¹ См.: Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.) // Законодательство. 2003. № 7. С. 85.

² См.: Полное собрание русских летописей. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. 2, Ипатьевская летопись. Стлб. 28.

ниям. На это указывают следующие термины: «убийство» и «убой», «та-тба» (кража), «вина», «казнь» (в значении наказания), «закон», «покон», «устав». Все это свидетельствовало об активном процессе становления права и юридического языка, который стал возможен благодаря достаточной развитости внутренней жизни Руси, уровню правосознания народа, интенсивности и распространению правового регулирования³.

В договоре 944 г. помимо слова «закон» фигурирует термин «устав», которые впоследствии на Руси использовались для обозначения совокупности писаных правовых норм, исходящих от князя. Однако термин «устав» имел в древнерусском языке не только значение совокупности писаных законов или правил – он применялся также для обозначения обычая, древнего правила⁴. Тем самым, в тексте договора 944 г. термин «устав» использовался именно в этом, последнем значении.

Можно предположить, что слова «закон», «покон» и «устав» употреблялись в одинаковом значении, а именно в качестве терминов, обозначающих обычай или обычаи. Но это были разные категории обычаев. Слово «закон» в сочетании с определением «Русский», указывало на обычаи, признанные княжеской властью и действовавшие на всей территории Киевской Руси. С точки зрения В. А. Томсинова, термин «покон» обозначал на Руси в IX в. совокупность племенных обычаев, действующих на территории какого-либо племени, составлявшего часть русского народа. Подтверждением этому является сочетание слова «покон» в Ипатьевском варианте текста договора 911 г., со словом «языка нашего», т.е. племени или народа нашего. Тем самым если «закон» – это обычное право, действующее на всей территории, то «покон» – обычаи, связанные с территорией, на которой размещается определенная этническая общность. Соответственно термин «устав» по договору 944 г. – норма устного характера, установленная княжеской властью⁵. Исследуя данные договоры, В. И. Сергеевич доказал синонимичность слов «закон», «покон», «пошлина», «старина», которые служили для обозначения именно древнего права. Однако после принятия христианства на Руси, по мере распространения византийского права, слово «закон» начали употреблять в значении, отличном от обычая, для перевода греческого слова «*nomos*»⁶.

³ См.: Агафонов А. В. Происхождение и источники древнерусского права (VI–XII вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 8.

⁴ На это указывает словарь древнерусского языка И. И. Срезневского. *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*: в 3-х т. СПб., 1903. Т. 3. Стлб. 1278.

⁵ См.: Томсинов В. А. Указ. соч. С. 85; *Его же. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии* // Вестник Московского университета. Сер.: Право. 2009. № 4. С. 8–9.

⁶ См.: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 12–13.

Таким образом, тексты договоров 911 и 944 гг. на русском языке показывают достаточное разнообразие юридических понятий и терминов, которые стали основой для становления и развития отечественного права и юриспруденции в качестве самостоятельного явления, не только по содержанию, но и по форме. Язык древнерусского права как особый пласт древнерусской культуры был способен отражать не только реалии бытовой жизни и криминальной повседневности, но и все перемены, происходящие в культурно-правовом сознании каждого человека и всего народа, а также выступать в качестве своеобразного ориентира, способствующего пониманию эволюции древнерусского общества⁷.

Терминология древнерусского права формировалась с опорой на нормы обычного права, что проявилось в неразрывной связи с общеупотребляемой лексикой, которая включала определенные понятия, осмысленные обществом как вредные для него, или как действия, факты, объекты, требующие регулирования со стороны государства. С. П. Хижняк считает, что анализ содержания Пространной Русской Правды (по Троицкому списку) позволяет заключить, что юридические термины, содержащиеся в ней, формируют особую лексическую подсистему кодифицированных терминов, тесно связанную с лексикой общего употребления (оубити, оударити, поимети, тать, татьба, обидети и др.). Вместе с тем есть терминологические единицы, отражающие процесс создания раннефеодального государства и обозначающие разные социальные группы – гридь, челядинь, холопъ, закоупъ; свидетелей в суде – видокъ, послухъ, налогов – мьзда, оуроко⁸.

Язык русской юриспруденции изначально был народным. Правовые тексты напоминали фольклорные материалы. Тем самым, отечественная юриспруденция была неразрывно связана с процессом эволюции русской народной культурой, что делало ее понятной и близкой простому народу. Влияние византийской юриспруденции на русскую было не столь глубоким и всепроникающим, каким воздействие древнеримского права на западноевропейскую юриспруденцию. До крещения Руси правовая культура Византии незначительно влияла на русское право, оказывая воздействие только на внешнюю форму правовых актов, содержание которых согласовывалось исключительно с «законом русским»⁹.

По мнению А. В. Агафонова, исследование текстов русско-византийских договоров свидетельствуют, что их составители для регулирования

⁷ См.: Осовский О. Е. Древнерусский юридический текст в лингвистических и смежных гуманитарных исследованиях последних десятилетий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1(31), ч. 2. С. 146.

⁸ См.: Хижняк С. П. Терминологичность языковых знаков в праве : от Русской Правды до современности // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 1. С. 27.

⁹ См.: Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). С. 87.

разнообразных уголовно-правовых и гражданско-правовых отношений руководствовались компромиссным подходом, который предполагал применение в основном древнерусского права и частичное использование византийского законодательства. Многократное упоминание в тексте договоров «закона русского» дает возможность проанализировать отдельные нормы и заключить, что в их основе лежат исключительно древнерусские правовые обычаи, а не византийской нормы¹⁰. Тем более, что на Руси имелось множество народных правовых обычаев, изменяющихся во времени и пространстве под влиянием различных факторов, которые существовали независимы от власти и князей, и Церкви. Это объяснялось тем, что значительная часть общественных отношений не регулировалась ни канонами, ни «Русской Правдой»¹¹.

XI–XII вв. стали периодом духовного процветания древнерусского государства, включая юриспруденцию. В это время наблюдался процесс разработки литературных и правовых произведений, на который воздействовали правовые традиции Византии, но не так активно и широко, как это происходило в Западной Европе. Территория Западной Европы в первые века н.э. была включена в состав Римской империи, где действовали нормы римского права. В процессе образования на этих землях независимых государств, римское право не только продолжало действовать, но и активно изучаться¹². Тем самым римская правовая культура для западноевропейской юриспруденции не была чуждой, что указывало на определенную преемственность между ними.

Древнерусское общество, особенно его образованная часть, владели русским и церковнославянским языками. Русско-византийские договоры были закреплены и на греческом и на русском языках. Их тексты убедительно подтверждают, что русские в полной мере были способны выразить в письменном виде на родном языке все основные юридические понятия. Тем самым, для древнерусского общества правовое наследие Византии была чужой правовой культурой. Договор 944 г. гласит, что если случится украсть что-нибудь русскому у грека или греку у русского и украденное будет продано, то вор возместит его двойной ценой и будет наказан «по закону Гречьскому [и] по уста[v]оу и по закону Рускому»¹³. Такой же подход был характерен и для обычаев и религиозных норм русских и греков. Договор 911 г. определял, что крещеные греки клянутся соблюдать его статьи церковью и честным крестом, а некрещеные русские по

¹⁰ См.: Агафонов А. В. Указ. соч. С. 14.

¹¹ См.: Золотарев А. Ю. К вопросу об источниках древнерусского права: понятие и типология // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2021. № 9 (11). С. 67.

¹² См.: Томсинов В. А. Значение римского права в общественной жизни Западной Европы XI–XIII в. // Древнее право. М., 1997. № 1(2). С. 113.

¹³ См.: Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1, Лаврентьевская летопись. Вып. 1, Повесть Временных лет. Стлб. 50.

своим обычаям и верованиям¹⁴. В соответствии с договором 944 г. русские клялись соблюдать его своими щитами и оружием¹⁵.

На момент принятия Русью христианства богослужение велось на старославянском языке, куда постепенно включались слова из живого древнерусского языка. Изменение старославянского языка было связано и с процессом перевода на него византийской литературы, как религиозной, так и юридической. Все это превращало старославянский язык в новый, «церковно-славянский», язык русской редакции¹⁶. Уровень образованности духовенства Руси позволял ему усваивать византийскую религиозную и юридическую литературу на греческом и латинском языках, но значительное общественное воздействие на Русь возымели переводы этой литературы именно на церковно-славянский язык.

Все это привело к тому, что после крещения Руси византийская правовая система не смогла укорениться в древнерусском обществе. Чужие правовые нормы не соответствовали древнерусской действительности, что сделало влияние византийского права на эволюцию отечественного права опосредованным. Русский народ трансформировал византийские нормы, адаптируя их к условиям внутренней жизни, испытывающим влияние разнообразных факторов. В Древнерусском государстве византийское законодательство применялось в области брачно-семейных отношений, что подтверждало широкое применение Кормчей книги¹⁷. Юрисдикция православной церкви в Древней Руси распространялась на гражданские правоотношения, построенные на религиозных основах, – брачные, семейные, наследственные, преступления против веры, церкви, семьи и нравственности. Все это способствовало укреплению византийских юридических понятий в древнерусском обществе, прежде всего, в постановлениях семейного, брачного, имущественного и наследственного права¹⁸.

Параллельно с письменностью на церковно-славянском языке в Древней Руси распространялась письменность, основанная на бытовом разговорном русском языке. Это была некая обобщенная форма русского языка, которая нивелировала диалекты разных племен и территорий. Именно этот язык стали использовать при летописании и при закреплении норм русского права, включая нормы «Русской Правды». Исследование статей этого древнерусского кодекса, а также русско-византийских договоров, касающихся постановлений семейного, брачного и наследственного права, позволяет обнаружить следующую тенденцию: по мере

¹⁴ См.: Полное собрание русских летописей. Стлб. 37.

¹⁵ См.: Там же. Стлб. 53.

¹⁶ См.: Улуканов И. С. О языке Древней Руси. М., 2002. С. 32–77.

¹⁷ См.: Агафонов А. В. Указ. соч. С. 8.

¹⁸ См.: Там же. С. 15.

укрепления княжеской власти, князья более настойчиво вмешивались в «духовные дела» и последовательно ограничивали сферу церковного влияния. По мере уменьшения действия церковной юрисдикции, юрисдикция князя расширялась. Анализ текстов древнерусских источников убедительно подтверждает, что составители «Русской Правды», не заимствуя нормы и положения византийского права, опирались только на местные правовые традиции. Тем не менее, знакомство и переработка византийских текстов в условиях древнерусской жизни способствовали активизации отечественного законотворческого процесса, а также стимулировали процесс совершенствования собственных правовых норм и институтов древнерусского государства¹⁹.

Постепенно русский письменный язык обогащался церковно-славянскими понятиями, соответственно и церковно-славянская письменность впитывала слова из русского бытового языка. Тем самым, в духовной культуре Руси, включая древнерусскую юриспруденцию, происходил процесс частичного сближения данных видов письменности, который продолжался до XVIII в.

Переводя византийские юридические тексты на церковно-славянский язык, древнерусские переводчики, не обнаруживая в родном языке адекватного юридического термина, выбирали наиболее подходящее по значению слово, которое в итоге обрело новый смысловой оттенок. Тем самым, подобные переводы стимулировали развитие русской юридической терминологии. Именно на это указывает В. И. Сергеевич, анализируя процесс изменения смысла термина «закон», который разошелся со словом обычай. Это произошло в ходе распространения византийского права, когда русским переводчикам попадалось слово «*nomos*», воспринимаемое как императорское постановление. Передать смысл этого слова на русский язык «обычаем» было невозможно, поскольку византийское право предполагало другие начала, исходя из чего словом «закон» начали переводить «*nomos*»²⁰.

Появление в Древней Руси священников и перевод значительного количества византийской православной литературы на церковно-славянский язык способствовали развитию древнерусской юриспруденции и правовой терминологии. В условиях неразвитости государственного аппарата русское духовенство брало на себя несвойственные для него функции, помогало государственной власти поддерживать общественный порядок. Кроме того церковники обладали развитым логическим мышлением, были профессионалами в области прикладной, практической юриспруденции, в совершенстве владели приемами и способами обработки

¹⁹ См.: Агафонов А. В. Указ. соч. С. 15.

²⁰ См.: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 20.

правового материала. Примечательно, что в практике составления законов русским духовенством сложилась традиция мотивации конкретной правовой нормы именно для оправдания смягчения санкций, в отличие от их ужесточения в византийском законодательстве.

Сравнение византийского законодательства с «Русской Правдой» позволяет обнаружить резкую грань между юридическим бытом древнерусского и византийского народов, определить разницу по поводу охраны и защиты личности и собственности, в представлении о преступлении и наказании, которые в результате приводят к закономерному выводу о разных уровнях правосознания двух народов²¹.

Влияние византийского права на Русь хотя и было, но не являлось решающим. Нормы византийского канонического права и церковного законодательства пользовались большей популярностью, нежели нормы светского права. Это объяснялось тем, что начала светского уголовного и имущественного права сложились гораздо раньше и укоренились еще до крещения Руси²². Особенно это относится к отечественному уголовному праву, основанному на длительной практике социальной регламентации негативного табуированного поведения с помощью обычаев. Древневосточному обществу не только удалось сохранить весь накопленный правовой опыт, но и усовершенствовать его в соответствии с новыми реалиями, связанными с преобразованиями племенных союзов в будущее государство, а потом и его укрепление²³.

Таким образом, возникновение Древнерусского государства привело к складыванию государственного языка и его ядра – юридического языка, который был в состоянии обслуживать великокняжескую власть, направленную на защиту земли от внешних врагов, поддерживать правопорядок и вершить суд. Собственные ресурсы языка Древней Руси позволили сформировать юридическую терминологию, отдельные понятия которой стали основополагающими для юридического языка современной России (право, закон, постановление, обычай, правление, суд, истец, лицо, имение, заимодавец, завещание, убийство, свидетель)²⁴.

Библиографический список

Агафонов А. В. Происхождение и источники древнерусского права (VI–XII вв.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Агафонов. – Казань, 2006.

Акишин М. О. Становление юридического языка в Древней Руси IX–XII вв. // М. О. Акишин // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 1. – С. 203–236. –

²¹ См.: Агафонов А. В. Указ. соч. С. 14.

²² См.: Бойко А. И. Римское и современное уголовное право. СПб., 2003. С. 76.

²³ См.: Кульгин В. В. Становление русского уголовного права // История государства и права. 2010. № 14. С. 5.

²⁴ См.: Акишин М. О. Становление юридического языка в Древней Руси IX–XII вв. // Genesis: исторические исследования. 2016. № 1. С. 203–236. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17620 (дата обращения: 07.06.2023).

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17620 (дата обращения: 07.06.2023).

Бойко А. И. Римское и современное уголовное право / А. И. Бойко. – Санкт-Петербург, 2003.

Золотарев А. Ю. К вопросу об источниках древнерусского права: понятие и типология / А. Ю. Золотарев // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2021. – № 9(11).

Кулыгин В. В. Становление русского уголовного права / В. В. Кулыгин // История государства и права. – 2010. – № 14.

Осовский О. Е. Древнерусский юридический текст в лингвистических и смежных гуманитарных исследованиях последних десятилетий / О. Е. Осовский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1(31), ч. 2.

Полное собрание русских летописей. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург, 1908. – Т. 2, Ипатьевская летопись.

Полное собрание русских летописей. – Ленинград, 1926. – Т. 1, Лаврентьевская летопись. – Вып. 1, Повесть Временных лет.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. – Санкт-Петербург, 1910.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – Москва, 2004.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3-х т. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1903. – Т. 3.

Томсинов В. А. Значение римского права в общественной жизни Западной Европы XI–XIII в. / В. А. Томсинов // Древнее право. – Москва, 1997. – № 1(2).

Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.) / В. А. Томсинов // Законодательство. – 2003. – № 7.

Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Сер.: Право. – 2009. – № 4.

Улуханов И. С. О языке Древней Руси / И. С. Улуханов. – Москва, 2002.

Хижняк С. П. Терминологичность языковых знаков в праве: от Русской Правды до современности / С. П. Хижняк // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – № 1.

References

Agafonov A. V. The origin and sources of ancient Russian law (VI–XII centuries) : abstract of the dis. ... Cand. Legal. Sciences / A. V. Agafonov. – Kazan, 2006.

Akishin M. O. The formation of the legal language in Ancient Russia of the IX–XII centuries / M. O. Akishin // Genesis: historical research. – 2016. – No. 1. – Pp. 203–236. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17620 (date of access: 06.07.2023).

Boyko A. I. Roman and modern criminal law / A. I. Boyko. – St. Petersburg, 2003.

Khizhnyak S. P. Terminologicity of linguistic signs in law: from Russian Truth to modernity / S. P. Khizhnyak // Bulletin of PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy. – 2020. – № 1.

Kulygin V. V. The formation of Russian criminal law / V. V. Kulygin // History of the state and law. – 2010. – № 14.

Osovsky O. E. Ancient Russian legal text in linguistic and related humanitarian studies of recent decades / O. E. Osovsky // *Philological Sciences. Questions of theory and practice.* – 2014. – № 1(31), Part 2.

Sergeevich V. I. Lectures and research on the ancient history of Russian law / V. I. Sergeevich. – St. Petersburg, 1910.

Sergeevich V. I. Lectures and research on the ancient history of Russian law / V. I. Sergeevich ; ed. and with a preface by V. A. Tomsinov. – Moscow, 2004.

Sreznevsky I. I. Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments : in 3 vol. / I. I. Sreznevsky. – St. Petersburg, 1903. – Vol. 3.

The complete collection of Russian chronicles. – Ed. 2-e. – St. Petersburg, 1908. – Vol. 2, Ipatiev Chronicle.

The complete collection of Russian chronicles. – Leningrad, 1926. – Vol. 1, The Laurentian Chronicle. – Issue 1, The Tale of Bygone Years.

Tomsinov V. A. The importance of Roman law in the public life of Western Europe in the XI–XIII centuries / V. A. Tomsinov // *Ancient law.* – Moscow, 1997. – No. 1(2).

Tomsinov V. A. Jurisprudence of Ancient Russia (X–XIII centuries) / V. A. Tomsinov // *Legislation.* – 2003. – No. 7.

Tomsinov V. A. Jurisprudence of Ancient Russia and the legal culture of Byzantium // *Bulletin of the Moscow University. Ser.: Pravo.* – 2009. – No. 4.

Ulukhanov I. S. About the language of Ancient Russia / I. S. Ulukhanov. – Moscow, 2002.

Zolotarev A. Y. On the question of the sources of Ancient Russian law: the concept and typology / A. Y. Zolotarev // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research.* – 2021. – № 9(11).

Для цитирования:

Карева А. В. Трансформация юридических понятий в процессе эволюции древнерусского права // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии.* 2023. № 4(5). С. 96–105.

Recommended citation:

Kareva A. V. Transformation of legal concepts in the process of evolution of ancient russian law // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology.* 2023. No. 4(5). Pp. 96–105.

Сведения об авторе

Карева Алла Викторовна – доцент кафедры теории права и административно-правовых дисциплин юридического института Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, кандидат исторических наук
E-mai: NadegdaAVK@yandex.ru

Information about author

Kareva Alla Viktorovna – Associate Professor of the Department of Theory of Law and Administrative Law Disciplines of Law Institute of Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Candidate of Historical Sciences,
E-mai: NadegdaAVK@yandex.ru

МЕТАФИЗИЧНОСТЬ ПОНЯТИЙ ТРАДИЦИОННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В ПОДХОДЕ СКАНДИНАВСКОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Д. Е. Тонков

Институт государства и права Российской академии наук

Поступила в редакцию 10 июля 2023 г.

Аннотация: скандинавские правовые реалисты стремились снизить абстрактность используемого в традиционной юриспруденции языка и считали (в разной степени), что такие понятия, как, например, «права» и «обязанности», не имея фактических эквивалентов и существуя только в воображении людей или в виде суеверий, т.е. являясь «магическими словами» (согласно А. Хэгерстрёму), могут быть использованы лишь как «ярлыки» для обозначения конкретных реальностей (согласно В. Лундштедту), или как «знаки» команды, запрещения или дозволения (согласно К. Оливекроне), или как «средства презентации», которые не имеют «семантического референта», или собственного значения, но которые могут быть использованы как условные обозначения для выражения отношения между юридическими фактами и последствиями (согласно А. Россу).

Ключевые слова: скандинавский правовой реализм, язык права, метафизика, эмпиризм, психологизм, фактичность

METAPHYSICAL NATURE OF THE CONCEPTS OF TRADITIONAL JURISPRUDENCE IN THE APPROACH OF SCANDINAVIAN LEGAL REALISM OF THE MID-TWENTIETH CENTURY

D. E. Tonkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Scandinavian legal realists sought to reduce the abstractness of the language used in traditional jurisprudence and believed (to varying degrees) that such concepts as, for example, “rights” and “duties”, having no actual equivalents and existing only in the imagination of people or in the form of superstitions, i.e. being “magic words” (according to A. Hägerström), can be used only as “labels” to denote specific realities (according to V. Lundstedt), or as “signs” of command, prohibition or permission (according to

K. Olivecrona), or as “tools of presentation” that do not have a “semantic referent” or proper meaning, but which can be used as abbreviations to express the relationship between legal facts and consequences (according to A. Ross).

Key words: Scandinavian legal realism, language of law, metaphysics, empiricism, psychologism, facticity

Основной посыл скандинавского правового реализма как движения середины XX в., главными представителями которого были философ Аксель Хэгерстрём (*Axel Hägerström*) и его ученики-юристы Вильгельм Лундштедт (*Vilhelm Lundstedt*), Карл Оливекрона (*Karl Olivecrona*) и Альф Росс (*Alf Ross*), заключался в попытке изложить правовые концепции в категориях эмпирических социальных наук¹. Традиционные термины юриспруденции, такие как «права», «обязанности», «собственность» и т.п., должны, по мнению скандинавских реалистов, быть переведены в наблюдаемое поведение. И уже по внешним поведенческим формам можно догадываться о стоящих за ними «эмоциях», т.е., иными словами, «через концептуальный анализ языка повседневного юридического общения и в его терминах можно проследить реальную эмпирическую составляющую правовой практики»².

Так, по мнению Акселя Хэгерстрёма, идеи традиционной юриспруденции, например, относительно природы прав и обязанностей берут начало в древних, глубоко укоренившихся магических верованиях³. Он утверждал, что современные правовые институты также являются подтверждением верований в сверхъестественный мир прав и обязанностей и в магическую силу слов, которые вызывают изменения в этом мире, хотя, безусловно, и не в той же мере, что в древние времена⁴. Представления о правах и обязанностях объясняются А. Хэгерстрёмом и психологически. Этим «словам», считал он, сопутствуют определенные эмоции и чувства, которые приводят к метафизическим идеям сверхъестественных сил и связей⁵. Соответственно, идея обязанности ассоциируется с чувством необходимости, независимым от какого-либо принуждающего орга-

¹ См. подробнее: Тонков Д. Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М., 2021; Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб., 2022. С. 93–190.

² Антонов М. В. Скандинавская школа правового реализма // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 665.

³ См.: Olivecrona K. Preface // Hägerström A. *Inquiries into the Nature of Law and Morals* / ed. by K. Olivecrona ; trans. by C. D. Broad. Uppsala, 1953. P. xiii.

⁴ Исследования древнего римского права привели его к пониманию, что такие фундаментальные концепции, как, например, *mancipatio*, акт покупки, опирались на систему верований в мистические силы, которые могли быть задействованы для достижения желаемого эффекта (передачи прав) путем использования надлежащих слов и жестов.

⁵ «Можно понять, почему лицо сражается лучше, если верит в свою правоту. Мы чувствуем, что за ним стоят таинственные силы, у которых можно заручиться поддержкой». Hägerström A. *General View* // *Inquiries into the Nature of Law and Morals*. P. 5–6.

на, совершить конкретные действия или воздержаться от них. Мы имеем здесь дело с феноменом гипостазирования, когда абстрактная идея кажется реально существующей.

Чтобы понять ход рассуждений А. Хэгерстрёма, необходимо рассмотреть его анализ идей прав и обязанностей подробнее⁶. Представим, что А наделен правом собственности на конкретное здание. Нам кажется, что мы имеем дело с чем-то очевидным, но как только мы попытаемся обозначить корреспондирующие нашей идее факты, мы сталкиваемся с трудностями. Фактическое основание может быть найдено: 1) либо в гарантированной защите со стороны правовой системы; 2) либо в издаваемых государством командах соблюдать права собственника.

1. Можно сказать, что право (*right*) заключается в гарантии защиты владения собственником со стороны государства. Но А. Хэгерстрём утверждал, что этого не может быть, так как государство «не вступает», пока собственник не утрачивает владение, т.е. пока не произошло посягательство на право. Другими словами, «вступление» государства предполагает существование права и его нарушение. Более того, правовая защита будет предоставлена собственнику только в том случае, если он докажет наличие у него титула: это неперемное условие получения защиты со стороны государства. Таким образом, право собственности не может быть идентично факту защиты, предоставленной собственнику государством.

2. Другое возможное объяснение природы права (*right*) в том, что государство отдает всем лицам, у кого нет титула на владение зданием, «команду» не нарушать права собственника. И в случае неповиновения этой команде государство будет осуществлять насильственные меры по защите собственника, если он того пожелает. Однако, как пояснял А. Хэгерстрём, главная трудность возникает в случае, когда обе стороны спора утверждают, что обладают указанным правом. Никто не ослушался команды государства. Лицо, которое уверено в наличии у него права, не считает себя адресатом команды. Получается, что команда, которая не достигла своего адресата, является «пустым звуком» и не может быть «действительной» командой. Но и в этом случае государство принуждает сторону, проигравшую в судебном процессе, «отказаться от вещи» на том основании, что право выигравшей стороны было нарушено. Следовательно, право собственности не может заключаться в факте наличия команды государства всем остальным лицам не нарушать правомочия собственника⁷.

В результате А. Хэгерстрём приходит к выводу, что не существует тех фактов, которые бы корреспондировали, например, идее права собственности. Он понимает право (*right*) как «власть» над вещью, но не как действительную власть: «Мы имеем в виду под правом собственности и

⁶ Hägerström A. General View. P. 1–16.

⁷ См.: Sherbaniuk D. J. Scandinavian Realism // Alberta Law Review. 1962. Vol. 2. P. 58–59.

правомерными требованиями те действительные силы, которые существуют довольно отдаленно от наших естественных сил – силы, которые принадлежат другому миру, а не миру природы, и которые законодательство просто высвобождает через команды государства. Власти государства всего лишь помогают перенести эти силы, насколько это возможно, в пространство реальности»⁸. Соответственно, утверждения о правах всегда ошибочны, так как они влекут приписывание несуществующих сверхъестественных сил обладателю права. Идея правовых обязанностей объясняется А. Хэгерстрёмом схожим образом⁹.

По мнению А. Хэгерстрёма, традиционное допущение того, что права и обязанности имеют некую объективную сущность, приводит к метафизической или естественно-правовой концепции правовой системы¹⁰. Может возникнуть ощущение, что он стремился свести концепции прав и обязанностей к нулю, но это не так: несмотря на то, что права и обязанности не являются чем-то объективным, как, например, стул или стол, согласно А. Хэгерстрёму, они скорее являются «чувством», как чувство чего-то красивого или безобразного¹¹.

Вильгельм Лундштедт также стремился показать метафизичность всех концепций традиционной юриспруденции¹². Тем не менее он не видел причин, почему бы некоторые «ошибочные идеи правовой идеологии» не использовать как «ярлыки» (*labels*) для обозначения конкретных реальностей, когда нет необходимости исследовать эти реальности. Примерами «ошибочных идей» могут быть названы следующие: «юридические права (*legal rights*) [в смысле субъективных прав как следствия функционирования правового механизма; созданные именно правом; оппозиционные, по В. Лундштедту, «естественным правам» (*natural rights*). – Д. Т.] и обязанности», «обязательства», «правовые претензии и требования», «правоотношения», «проступок», «вина», «ответственность», «нормы права», «(естественная) справедливость», «противоправность», «правомерность», «правовая необходимость», «собственность», «убытки», «ущерб», «упущенная выгода», «возмещение убытков, ущерба, вреда», «преступление», «деликт», «наказание» и т.п.¹³

⁸ Hägerström A. General View. P. 5.

⁹ См.: Ibid. P. 7–8.

¹⁰ См. подробнее: Тонков Д. Е. Философия права Акселя Хэгерстрёма // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 3. С. 82–106.

¹¹ См.: Schmidt F. F. The Uppsala School of Legal Thinking // Scandinavian Studies in Law. 1978. Vol. 22. P. 156.

¹² См. подробнее: Тонков Д. Е. Метод «социального благополучия» Вильгельма Лундштедта // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15, № 1. С. 125–149.

¹³ В некоторых случаях эти концепции включают в себя *petitiones principia* (в пер. с лат. – «предвосхищения основания»); от некоторых В. Лундштедт призывает отказаться даже в качестве «ярлыков». См.: Lundstedt A. V. Legal Thinking Revised: My Views on Law. Stockholm, 1956. P. 16–17.

В случае с субъективным правом, по мнению В. Лундштедта, только видимая реальность определяет для лица преимущественное положение как следствие функционирования правового механизма. Так, лицо может в соответствии с действующим в данный момент правом начать судебное разбирательство, чтобы публичная власть «завела» механизм права для его пользы. Например, собственник вещи наделен правом возместить убытки при нарушении его владения только в случае фактического наличия убытков и регулярного возмещения убытков при нарушении владения. Поэтому, если так называемое субъективное право лица предполагает функционирование правового механизма таким образом, что лицо может требовать возмещения убытков, будет постановкой с ног на голову утверждение, что у лица есть возможность требовать возмещения убытков как следствие нарушения его права. Аналогично и понятие «правовая обязанность» подразумевает лишь регулярное использование санкций в том случае, если определенная линия поведения не соблюдается¹⁴.

На мнение Карла Оливекрона, в частности, о правах значительное влияние оказали идеи А. Хэгерстрёма¹⁵. Аргументы обоих ученых сводятся к тому, что в действительности не существует никаких прав и обязанностей, что связь между юридическими фактами и юридическими последствиями всегда ситуативна и не имеет объективной значимости – она основывается исключительно на вере в нее людей¹⁶. Концепция прав поднимает, с одной стороны, проблему применения метафизики, которую скандинавские правовые реалисты отрицали, и, с другой стороны, проблему «невозможности исключения прав из любой дискуссии о праве»¹⁷. К. Оливекрона считал идеи прав и обязанностей фантазиями сознания: они не находят места в реальном мире и изначально связаны с примитивной магией¹⁸ и невозможно отыскать фактов, связанных с идеей субъективного права.

К. Оливекрона отрицал и понимание субъективного права в качестве преимущественного положения лица как следствие функционирования правового механизма, которое составляет существо тезиса В. Лундштедта. К. Оливекрона брал за основу аргументы А. Хэгерстрёма о том, что субъективное право считается чем-то предшествующим возможно-

¹⁴ См.: *Castberg F. Problems of Legal Philosophy*. 2nd ed. Oslo, 1957. P. 29.

¹⁵ Более того, К. Оливекрона довольно часто ссылается на А. Хэгерстрёма даже в случаях, когда идеи принадлежат самому К. Оливекрону. См.: *Arnholm C. J. Olivecrona on Legal Rights: Reflections on the Concept of Rights // Scandinavian Studies in Law*. 1962. Vol. 6. P. 11.

¹⁶ См.: *Антонов М. В. Скандинавская школа правового реализма*. С. 657.

¹⁷ *Olivecrona K. Legal Language and Reality // Essays in Jurisprudence in Honor of Roscoe Pound / ed. by R. A. Newman*. Westport, 1962. P. 151.

¹⁸ Однако К. Оливекрона ясно обозначил свою позицию, что связь между магическими верованиями и современными правовыми концепциями намного более слабая, чем пытался доказать А. Хэгерстрём.

сти привести правовой механизм в действие, что истец, обладающий данным правом, может оказаться неспособным доказать его наличие в суде и что субъективное право мыслится существующим, даже если никакого действия в реальности не происходит. В случае с правовой обязанностью в действительности существуют конкретные чувства обязанности и долга, с которыми связана идея воображаемой «правовой» обязанности. Но К. Оливекрона далек от предложения обходиться в юриспруденции без этих идей, признавая их важность для поведенческого контроля.

Конечный теоретический вывод К. Оливекроны относительно прав был в подчеркивании воздействия их психологического эффекта на других участников правовой системы¹⁹. Когда существует обоснованная постоянная взаимосвязь правовой практики и социальных ожиданий, то утверждение, что кто-либо имеет право или обязанность, порождает мысли о дозволениях и запретах («права как инструменты социального контроля и социального взаимодействия»²⁰), несмотря на отсутствие объективных категорий, которые бы корреспондировали правам или обязанностям. Как зеленые и красные сигналы светофора, так и права не выражают какого-либо мнения, но в них вкладывается социальная функция, потому что люди привыкли реагировать на них определенным образом²¹. Концепции прав, как считает К. Оливекрона, также присуща «информативная» функция, которая заключается в информировании людей о правовых обстоятельствах. Лицо, которое слышит о наличии у А права собственности над вещью, признает, что информация имеет отношение к конкретному факту правовой действительности и нормам права. Это упрощает понимание: люди будут представлять общие правовые последствия, если кого-либо назовут «собственником» вещи и не станут объяснять все факты, имеющие отношение к конкретной ситуации.

По мнению К. Оливекроны, термин «право» («*right*») имеет одновременно и эмоциональное, и императивное назначение. Оно может выражать чувство власти и предоставлять это чувство. Однако необходимо отличать оба обстоятельства от утверждения, что эта власть существует фактически. Также термин «право» («*right*») может функционировать как знак команды, запрещения или дозволения: 1) команды стороне, против которой право направлено, как, например, в случае с долговыми обязательствами; 2) запрещения всем лицам, у которых нет титула, как в случае с правом собственности; 3) как знак дозволения, адресованный, например, собственнику²². Исходя из данного подхода, права служат «знаками», указывающими нам на то, что делать и чего не делать. Законода-

¹⁹ См. подробнее: Антонов М. В. Скандинавская школа правового реализма. С. 657.

²⁰ Olivecrona K. Legal Language and Reality. P. 191.

²¹ См.: Arnholm C. J. Olivecrona on Legal Rights. P. 13–14.

²² Ibid. P. 16.

тельство, в свою очередь, утверждает и упорядочивает правила, по которым права создаются и изменяются. А судебные решения служат средством осуществления и усиления требований и ожиданий, связанных с правами и обязанностями²³.

Альф Росс, хоть и критично относился к метафизическим импликациям в идею прав, но также не соглашался с позицией, что само понятие «прав» должно быть исключено из правового дискурса. Он считал, что такие концепции, как «права» и «собственность» были полезными условными обозначениями, «средствами презентации» для перефразирования правовых умозаключений о последовательности не тесно связанных фактических обстоятельств²⁴. Предложения, в которых появляется слово «право» (*right*), могут быть переписаны без использования данного термина с сохранением связи между обуславливающими фактами и обусловленными последствиями²⁵.

А. Росс предостерегал от «попадания в заманчивый капкан веры» о том, что термины «права» или «требования» представляют собой некую сущность, или магический вид силы²⁶. Польза концепции прав проявляется в тех формулировках, которые опираются не на нормы права, а на описание конкретных фактов. А. Росс пытался сделать формулировки более привязанными к фактам, хотя и существующими в контексте определенного набора правовых норм²⁷. Он предлагал рассматривать термины «права» и «собственность» как интуитивные, «преднаучные» средства упрощения и рационализации²⁸, т.е. лишь как «средства презентации», которые не имеют «семантического референта», или собственного значения, но которые могут быть использованы как условные обозначения для выражения отношения между юридическими фактами и последствиями.

Для А. Росса понятие «права» (*rights*), несмотря на отсутствие семантического референта, имело совершенно оправданную функцию в юридическом языке: факты часто не могут быть описаны исключительно фактическими терминами и нуждаются в концепции прав. Он утверждал, вслед за А. Хэгерстрёмом и В. Лундштедтом, что «права», как и многие другие понятия традиционной юриспруденции, ничего не означают в мире времени и пространства, но снижал градус напряженности в отстаивании данной позиции. Несмотря на то, что многие идеи А. Росса оказались близки к логическому позитивизму, тогда как А. Хэгерстрём, В. Лундштедт и

²³ См.: Bix B. H. Ross and Olivecrona on Rights // Australian Journal of Legal Philosophy. 2009. Vol. 34. P. 111.

²⁴ См.: Ross A. Tû-Tû // Harvard Law Review. 1957. Vol. 70. № 5. P. 817–825.

²⁵ См.: Ross A. On Law and Justice / ed. by M. Knight, trans. by M. Dutton. Berkeley, 1959. P. 172–174.

²⁶ См.: Ross A. Tû-Tû. P. 818.

²⁷ Bix B. H. Ross and Olivecrona on Rights. P. 109.

²⁸ Ross A. Tû-Tû. P. 817–825; Ross A. On Law and Justice. P. 172.

К. Оливекрона придерживались более строгой антиметафизической позиции, конечный подход четырех скандинавских правовых реалистов являлся примерно одинаковым: скептицизм относительно любого утверждения, которое не может быть объектом эмпирического наблюдения.

Библиографический список

Антонов М. В. Скандинавская школа правового реализма / М. В. Антонов // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1.

Тонков Д. Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления / Д. Е. Тонков. – Москва, 2021.

Тонков Д. Е. Философия права Акселя Хэгерстрёма / Д. Е. Тонков // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13, № 3.

Тонков Д. Е. Метод «социального благополучия» Вильгельма Лундштедта / Д. Е. Тонков // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15, № 1.

Тонков Е. Н. Правовой реализм / Е. Н. Тонков, Д. Е. Тонков. – Санкт-Петербург, 2022.

Arnholm C. J. Olivecrona on Legal Rights: Reflections on the Concept of Rights / C. J. Arnholm // Scandinavian Studies in Law. – 1962. – Vol. 6.

Bix B. H. Ross and Olivecrona on Rights / B. H. Bix // Australian Journal of Legal Philosophy. – 2009. – Vol. 34.

Castberg F. Problems of Legal Philosophy / F. Castberg. – 2nd ed. – Oslo, 1957.

Hägerström A. General View / A. Hägerström // Inquiries into the Nature of Law and Morals / ed. by K. Olivecrona, trans. by C. D. Broad. – Uppsala, 1953.

Lundstedt A. V. Legal Thinking Revised: My Views on Law / A. V. Lundstedt. – Stockholm, 1956.

Olivecrona K. Legal Language and Reality / K. Olivecrona // Essays in Jurisprudence in Honor of Roscoe Pound / ed. by R. A. Newman. – Westport, 1962.

Olivecrona K. Preface // Hägerström A., Inquiries into the Nature of Law and Morals / K. Olivecrona ; ed. by K. Olivecrona, trans. by C. D. Broad. – Uppsala, 1953.

Ross A. On Law and Justice / A. Ross ; ed. by M. Knight, trans. by M. Dutton. – Berkeley, 1959.

Ross A. Tû-Tû / A. Ross // Harvard Law Review. – 1957. – Vol. 70, № 5.

Schmidt F. F. The Uppsala School of Legal Thinking / F. F. Schmidt // Scandinavian Studies in Law. – 1978. – Vol. 22.

Sherbaniuk D. J. Scandinavian Realism / D. J. Sherbaniuk // Alberta Law Review. – 1962. – Vol. 2.

References

Antonov M. V. The Scandinavian school of Legal realism / M. V. Antonov // Russian Yearbook of the Theory of Law. – 2008. – № 1.

Tonkov D. E. Legal realism: American and Scandinavian trends / D. E. Tonkov. – Moscow, 2021.

Tonkov D. E. Philosophy of Law by Axel Hagerstrom / D. E. Tonkov // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – Vol. 13, No. 3.

Tonkov D. E. The method of “social well-being” by Wilhelm Lundstedt / D. E. Tonkov // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 15, No. 1.

- Tonkov E. N. Legal realism / E. N. Tonkov, D. E. Tonkov. – St. Petersburg, 2022.*
Arnholm C. J. Olivecrona on Legal Rights: Reflections on the Concept of Rights / C. J. Arnholm // Scandinavian Studies in Law. – 1962. – Vol. 6. (In Engl.)
Bix B. H. Ross and Olivecrona on Rights / B. H. Bix // Australian Journal of Legal Philosophy. – 2009. – Vol. 34. (In Engl.)
Castberg F. Problems of Legal Philosophy / F. Castberg. – 2nd ed. – Oslo, 1957. (In Engl.)
Hägerström A. General View / A. Hägerström // Inquiries into the Nature of Law and Morals / ed. by K. Olivecrona, trans. by C. D. Broad. – Uppsala, 1953. (In Engl.)
Lundstedt A. V. Legal Thinking Revised: My Views on Law / A. V. Lundstedt. – Stockholm, 1956. (In Engl.)
Olivecrona K. Legal Language and Reality / K. Olivecrona // Essays in Jurisprudence in Honor of Roscoe Pound / ed. by R. A. Newman. – Westport, 1962. (In Engl.)
Olivecrona K. Preface // Hägerström A., Inquiries into the Nature of Law and Morals / K. Olivecrona ; ed. by K. Olivecrona, trans. by C. D. Broad. – Uppsala, 1953. (In Engl.)
Ross A. On Law and Justice / A. Ross ; ed. by M. Knight, trans. by M. Dutton. – Berkeley, 1959. (In Engl.)
Ross A. Tù-Tù / A. Ross // Harvard Law Review. – 1957. – Vol. 70, No. 5.
Schmidt F. F. The Uppsala School of Legal Thinking / F. F. Schmidt // Scandinavian Studies in Law. – 1978. – Vol. 22. (In Engl.)
Sherbaniuk D. J. Scandinavian Realism / D. J. Sherbaniuk // Alberta Law Review. – 1962. – Vol. 2. (In Engl.)

Для цитирования:

Тонков Д. Е. Метафизичность понятий традиционной юриспруденции в подходе скандинавского правового реализма середины XX века // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 106–114.

Recommended citation:

Tonkov D. E. Metaphysical nature of the concepts of traditional jurisprudence in the approach of scandinavian legal realism of the mid-twentieth century // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 106–114.

Сведения об авторе

Тонков Дмитрий Евгеньевич – исследователь, преподаватель-исследователь Института государства и права Российской академии наук, помощник адвоката филиала ННО ЛОКА «Адвокатская фирма “ТонковЪ и Партнеры”», кандидат юридических наук

E-mail: d.tonkov@yandex.ru

Information about author

Tonkov Dmitrii Evgenevich – Researcher, Lecturer-Researcher of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Barrister’s Assistant of the Barristers’ Office “Tonkov & Partners” (Branch of the Leningrad Region Bar Association), Candidate of Legal Sciences

E-mail: d.tonkov@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА), ЕЕ РОЛЬ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ И РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ

А. А. Трипузова

*Государственное научное учреждение
«Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»*

Поступила в редакцию 10 июля 2023 г.

Аннотация: в статье подчеркивается роль конституционной экономики в правовом регулировании экономических отношений в целом и в конституционно-правовом механизме защиты и развития конкуренции в частности. При этом аргументируется постановка вопроса о формировании конституционной экономики в качестве юридической конструкции. Предлагается дальнейшая научная дискуссия по данной проблематике, в том числе в рамках круглого стола на площадке ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси».

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд, конституционная экономика, юридическая конструкция, защита и развитие конкуренции, противодействие монополистической деятельности.

CONSTITUTIONAL ECONOMY AS A LEGAL STRUCTURE (FORMULATION OF THE QUESTION), ITS ROLE IN THE CONSTITUTIONAL LEGAL MECHANISM FOR THE PROTECTION AND DEVELOPMENT OF COMPETITION

A. A. Trypuzava

The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract: the article emphasizes the role of the constitutional economy in the legal regulation of economic relations in general and the constitutional legal mechanism for the protection and development of competition. At the

© Трипузова А. А., 2023

same time, the question of the need to form a constitutional economy as a legal structure is argued, further scientific discussion on this issue is proposed, including within the framework of a round table at the site of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus.

Key words: Constitution, Constitutional Court, constitutional economy, legal structure, protection and development of competition, opposition to monopolistic activities.

Динамика правоустановления и правореализации в новых геоэкономических условиях объективирует необходимость постановки вопроса о рассмотрении конституционной экономики в качестве юридической конструкции, а также уяснения роли конституционной экономики в конституционно-правовом механизме защиты и развития конкуренции.

Отметим, что если юридические конструкции «как аспект правовой материи в поле зрения науки права находятся с древних времен»¹, то «конституционная экономика» – это сравнительно новое междисциплинарное научно-практическое направление на стыке права и экономики, основанное на комплексном анализе проблем экономического развития и обеспечения конституционных прав и свобод, а также на анализе взаимного влияния правовых и экономических факторов при принятии государственных решений, затрагивающих конституционные экономические и социальные права².

В современной юридической литературе подчеркивается, что учение о конституционной экономике постепенно занимает одно из фундаментальных и определяющих мест в российской науке конституционного права³.

На формирование конституционной экономики как важнейшей составляющей социального правового государства и конституционной ценности ориентирует в своих решениях Конституционный Суд Республики Беларусь.

Несмотря на значимость выработки современной концепции конституционной экономики для целей правового регулирования экономических отношений в условиях новых вызовов и угроз, в литературе до сих пор не сформированы единые подходы к пониманию конституционной экономики, в том числе как юридической конструкции.

¹ См.: *Трофимов В. В.* Проблемы формирования юридической конструкции: от правообразующих факторов к правотворческому результату // *Юридическая техника.* 2013. № 7, ч. 2. С. 26.

² См.: *Конституционная экономика* / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М., 2010. 256 с.

³ См.: *Процевский В. А., Горлов Е. В., Запорожец С. А.* Влияние конституционных норм-принципов на конституционную экономику / В. А. Процевский, Е. В. Горлов, С. А. Запорожец // *Lex Russica.* 2022. Т. 75, № 5(186). С. 91. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.186.5.089-097>

Приведенные обстоятельства обуславливают актуальность настоящей статьи и дальнейших исследований по данной проблематике.

Основателем конституционной экономики как научного направления является американский экономист – Дж. Бьюкенен, получивший Нобелевскую премию в 1986 г. по экономике с формулировкой «за исследование контрактных и конституционных основ в принятии экономических и политических решений».

Однако, если на Западе конституционная экономика рассматривается в основном как субдисциплина в рамках экономической теории, то в России с начала XXI в. (1999–2000 гг.) она сразу развивалась в рамках комплексных исследований юристов и экономистов с применением ее результатов в учебном процессе, и является в большей мере правовой дисциплиной, которая исследует конституционно-правовые институты и ценности в их взаимодействии с экономическими процессами⁴.

Отметим также, что белорусский исследователь Н. С. Чигринова, признавая конституционную экономику межотраслевым феноменом, который характеризуется юридическим и экономическим содержанием, выделяет следующие подходы к ее пониманию в литературе⁵:

– политико-юридический, основанный на мнении российского ученого-конституционалиста Г. А. Гаджиева, рассматривающего конституционную экономику как совокупность межотраслевых знаний о том, в какой мере конституционные нормы и принципы влияют на принятие политическими органами государства важнейших экономических решений, облекаемых в форму нормативных актов⁶;

– экономико-политический, базирующийся на изложенном в монографии коллективом авторов, в числе которых и Г. А. Гаджиев, понимании конституционной экономики как научного направления, изучающего принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве⁷. Целью правового регулирования определен оптимальный экономический результат;

– социально-юридический, базирующийся на позиции известного белорусского ученого-конституционалиста Г. А. Василевича, который под конституционной экономикой подразумевает правовое регулирование

⁴ См.: Конституционная экономика. С. 11, 19.

⁵ См.: Чигринова Н. С. Конституционная экономика и верховенство права // *Вестн. Каньстутц. Суда Рэсп. Беларусь*. 2022. № 4. С. 128–144.

⁶ См.: Гаджиев Г. А. Этические основы философско-правовой категории «общее благо» в контексте конституционной экономики // *Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики* / сост. П. Д. Баренбойм, А. В. Захаров. М., 2010. С. 79.

⁷ См.: Конституционная экономика. С. 11.

экономических отношений на основе учета объективных законов развития общества⁸;

– инструментально-юридический, изложенный А. Г. Тиковенко, по мнению которого конституционная экономика опосредует управление экономической деятельностью в соответствии с Конституцией. В этом случае конституционные принципы и нормы выступают в качестве основы развития экономической жизни, определяют пределы вмешательства государства в экономику, границы ее регулирования⁹.

В свою очередь, Н. С. Чигринова обоснованно полагает возможным признать конституционные принципы и нормы в качестве особого юридического инструментария преобразования экономической жизни. При этом исследователь предлагает рассматривать конституционную экономику в двух аспектах: 1) как нормативную систему – совокупность принципов и норм Конституции, а также законодательных актов конституционного значения, которые регулируют организацию и основы функционирования экономической системы государства; 2) как юридическую теорию – совокупность знаний о закономерностях создания и применения приведенных принципов и норм, а также методология получения таких знаний. По мнению Н. С. Чигриновой, цель конституционной экономики как правовой отрасли и юридической науки заключается в выработке оптимального механизма взаимодействия политических институтов с субъектами экономической деятельности. Автор считает, что такое взаимодействие должно строиться на основе экономической результативности или рациональности, то есть с учетом объективных экономических законов, а не посредством решений, не имеющих экономического обоснования¹⁰.

В связи с приведенной позицией отметим, что в литературе помимо термина «конституционная экономика» для характеристики конституционного регулирования экономических отношений используется термин «экономическая конституция», в том числе и как синонимичное понятие, что представляется неправильным.

Г. А. Гаджиев, проводя образное различие между этими понятиями, указывал, что для словосочетания «конституционная экономика» служебным является слово «конституционная», а главным – «экономика», тогда как для «экономической конституции» главным является слово «конституция», а подчиненным – «экономическая». При этом, как указывает ученый,

⁸ См.: *Василевич Г. А.* Свобода в границах закона: [о внедрении в законодательство и практику принципов «конституционной экономики», подразумевающей правовое регулирование экономических отношений] // *Беларус. думка.* 2011. № 7. С. 3–7.

⁹ См.: *Тиковенко А. Г.* Конституционная экономика и фискальный суверенитет // *Право в современном белорусском обществе* : сб. науч. трудов / редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2011. Вып. 6. С. 67.

¹⁰ См.: *Чигринова Н. С.* Указ. соч. С. 128–144.

конституционная экономика и экономическая конституция имеют смежный предмет исследования: общественные отношения, возникающие в связи с государственным регулированием экономической деятельности¹¹.

Анализируя различные подходы, А. С. Сухоруков полагает, что «экономическая конституция» характеризует нормативную сторону конституционного регулирования экономических отношений, а конституционная экономика направлена на изучение развития именно экономики, но с точки зрения конституционного права¹².

Приведенное многообразие точек зрения подтверждает актуальность и дискуссионность постановки вопроса о формировании конституционной экономики в качестве юридической конструкции.

Доктор юридических наук В. В. Трофимов обоснованно подчеркивает, что создание юридической конструкции преследует цель поиска лучшего способа понимания и отражения в норме права чрезвычайно сложной правовой реальности. Выработка идеальной модели юридической конструкции (правовой идеи) проводится на основе анализа установленных правообразующих факторов и социально-правовых интересов. Далее происходит позитивация правовых конструкций в действующем законодательстве в параметрах правотворческого процесса, способствующего достижению запланированного правотворческого результата в конкретных правовых нормах¹³.

Как отмечалось ранее, Конституционный Суд Республики Беларусь в своих решениях неизменно ориентирует законодателя, иные государственные органы на формирование конституционной экономики. При этом в ряде посланий Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь (в 2010, 2012, 2015 гг.) конституционная экономика рассматривается в двух аспектах: как важнейшая составляющая построения социального государства (решение от 25 января 2011 г. № Р-565/2011, решение от 20 января 2016 г. № Р-1028/2016) и как конституционная ценность (решение от 22 января 2013 г. № Р-798/2013).

Судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук Л. Г. Козырева, исследуя в решениях Конституционного Суда Республики Беларусь вопросы формирования конституционной экономики, подчеркивает ее значимость как научно-практического направления и важной части концепции современного государства¹⁴. Полага-

¹¹ См.: Очерки Конституционной экономики. 23 октября 2009 года / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М., 2009. С. 38–39.

¹² Сухоруков А. С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации : монография. М., 2013. С. 24–25.

¹³ См.: Трофимов В. В. Указ. соч. С. 36–38.

¹⁴ См.: Козырева Л. Г. Вопросы формирования конституционной экономики в решениях Конституционного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Доступ из

ет, что основой для создания конституционной экономики служат «конституционные нормы и принципы экономического и социального характера», которые должны рассматриваться в едином комплексе в силу их взаимосвязанности¹⁵.

Таким образом, конституционная экономика, как отмечает белорусский ученый-конституционалист О. Г. Станкевич, является концептуальным положением, на котором базируются решения о конституционности законов экономического содержания, и одновременно – одной из ценностей, через призму которых Конституционный Суд Республики Беларусь формулирует свои правовые позиции. Названный ученый справедливо считает конституционную экономику научно-практической основой правотворческой и правоприменительной деятельности. Солидарны с ее мнением о том, что концепция конституционной экономики требует уточнения и конкретизации в части понимания ее целей, условий и механизмов формирования¹⁶.

Отметим также, что содержание концепции конституционной экономики в самом общем виде раскрыто Конституционным Судом Республики Беларусь через ключевые составляющие экономического строя, указанные в решении от 28 декабря 2017 г. № Р-1117/2017¹⁷ и прямо закрепленные в ст. 13 Конституции Республики Беларусь. В их числе: предоставление государством всем равных прав для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, а также гарантирование государством равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности, равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, на защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

Подчеркнем, что в этом решении, проверяя конституционность изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», Конститу-

справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь» / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

¹⁵ См.: *Козырева Л. Г.* Конституционная экономика в Республике Беларусь // *Вестн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь.* 2010. № 3. С. 50, 52.

¹⁶ См.: *Станкевич О. Г.* Конституционная экономика – научно-практическая основа правотворческой и правоприменительной деятельности // Конституционное право в условиях цифровизации: проблемы науки и образования : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27 мая 2022 г.) / УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2022. С. 103–105.

¹⁷ О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции”»: решение Конституционного Суда Респ. Беларусь от 28 декабря 2017 г., Р-1117/2017 [Электронный ресурс] // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

ционный Суд Республики Беларусь указал направленность его норм на дальнейшую конституционализацию общественных отношений, связанных с защитой и развитием конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности, на обеспечение такой конституционной ценности, как конституционная экономика.

Конституционно-правовая поддержка и защита конкуренции предполагает обеспечение государством, законодателем и правоприменителем баланса публичных и частных интересов, которые должны гармонично сочетаться и уравниваться. При этом антимонопольное законодательство выступает ярким примером влияния конституционной экономики на экономические отношения, поиска разумного баланса между публичными и частными интересами¹⁸, а также правовым инструментом формирования и реализации конституционной экономики.

В заключение отметим, что результаты настоящего исследования, а также необходимость дальнейшей конституционализации экономических отношений, конституционной гармонизации различных отраслей права, регулирующих эти отношения, актуализируют постановку вопроса о формировании конституционной экономики в качестве юридической конструкции.

Учитывая специфику деятельности ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» и наличие в его структуре Центра государственного строительства и права, представляется возможным дальнейшая научная дискуссия и комплексные исследования по данной проблематике в тесном взаимодействии с Воронежским государственным университетом и российским научным сообществом в целом. В связи с этим приглашаем принять участие в запланированном ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» в октябре 2023 г. круглом столе «Научно-правовые и экономические аспекты формирования и развития конституционной экономики» (оргкомитет: А. А. Трипузова, antonina.ttt@mail.ru). Выражаем надежду на установление предметного долговременного сотрудничества, что, в свою очередь, позволит создать основу для реализации совместных программ и проектов в рамках интеграционного объединения Беларуси и России.

Библиографический список

Василевич Г. А. Свобода в границах закона: [о внедрении в законодательство и практику принципов «конституционной экономики», подразумевающей правовое регулирование экономических отношений] / Г. А. Василевич // Беларус. думка. – 2011. – № 7. – С. 3–7.

¹⁸ См.: Трипузова А. А. Конституционная экономика в контексте обеспечения экономической безопасности и защиты конкуренции в Республике Беларусь и за рубежом // Байкальские компаративистские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22–23 апр. 2022 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. И. А. Минникес. Иркутск, 2022. С. 187. URL: [lhttp://lib-catalog.bgu.ru](http://lib-catalog.bgu.ru)

Гаджиев Г. А. Этические основы философско-правовой категории «общее благо» в контексте конституционной экономики / Г. А. Гаджиев // *Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики* / сост. П. Д. Баренбойм, А. В. Захаров. – Москва : Летний сад, 2010.

Козырева Л. Г. Вопросы формирования конституционных экономики в решениях Конституционного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Л. Г. Козырева. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь» / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Козырева Л. Г. Конституционная экономика в Республике Беларусь / Л. Г. Козырева // *Вестн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь.* – 2010. – № 3.

Конституционная экономика / отв. ред. Г. А. Гаджиев. – Москва : Юстицинформ, 2010. – 256 с.

О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции”» : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь от 28 декабря 2017 г., Р-1117/2017 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Очерки Конституционной экономики. 23 октября 2009 года / отв. ред. Г. А. Гаджиев. – Москва : Юстицинформ, 2009.

Процевский В. А. Влияние конституционных норм-принципов на конституционную экономику / В. А. Процевский, Е. В. Горлов, С. А. Запорожец // *Lex Russica.* – 2022. – Т. 75, № 5(186). – URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.186.5.089-097>

Станкевич О. Г. Конституционная экономика – научно-практическая основа правотворческой и правоприменительной деятельности / О. Г. Станкевич // *Конституционное право в условиях цифровизации: проблемы науки и образования* : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27 мая 2022 г.) / УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2022. – С. 103–105.

Сухоруков А. С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации : монография / А. С. Сухоруков. – Москва : Юрлитинформ, 2013.

Тиковенко А. Г. Конституционная экономика и фискальный суверенитет // *Право в современном белорусском обществе* : сб. науч. трудов / А. Г. Тиковенко ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – Вып. 6

Трипузова А. А. Конституционная экономика в контексте обеспечения экономической безопасности и защиты конкуренции в Республике Беларусь и за рубежом / А. А. Трипузова // *Байкальские компаративистские чтения* : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22–23 апр. 2022 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. И. А. Минникес. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2022. – URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>

Трофимов В. В. Проблемы формирования юридической конструкции: от правообразующих факторов к правотворческому результату / В. В. Трофимов // *Юридическая техника.* – 2013. – № 7, ч. 2.

Чигринова Н. С. Конституционная экономика и верховенство права / Н. С. Чигринова // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2022. – № 4. – С. 128–144.

References

Chigrinova N. S. Constitutional economics and the rule of law / N. S. Chigrinova // Spring Kanstytuts. The courts Resp. Belarus. – 2022. – No. 4. – Pp. 128–144.

Constitutional economics / ed. by G. A. Hajiyev. – Moscow : Justicinform, 2010. 256 p.

Essays on Constitutional Economics. October 23, 2009 / ed. by G. A. Hajiyev. – Moscow : Justicinform, 2009.

Gadzhiev G. A. Ethical foundations of the philosophical and legal category “common good” in the context of constitutional economics / G. A. Gadzhiev // Philosophy of law at the beginning of the XXI century through the prism of constitutionalism and constitutional economics / comp. P. D. Barenboim, A. V. Zakharov. – Moscow : Summer Garden, 2010.

Kozyreva L. G. Constitutional economy in the Republic of Belarus / L. G. Kozyreva // Spring Kanstytuts. The courts Resp. Belarus. – 2010. – № 3.

Kozyreva L. G. Issues of the formation of constitutional economics in the decisions of the Constitutional Court of the Republic of Belarus [Electronic resource] / L. G. Kozyreva. – Access from the help. – the legal system “ConsultantPlus. Belarus” / YurSpektr LLC, National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2023.

On compliance with the Constitution of the Republic of Belarus with the Law of the Republic of Belarus “On Amendments and Additions to the Law of the Republic of Belarus «On Countering Monopolistic Activity and Development of Competition»” : decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus. Belarus dated December 28, 2017, P-1117/2017 [Electronic resource] // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2023.

Protsevsky V. A. The influence of constitutional norms and principles on the constitutional economy / V. A. Protsevsky, E. V. Gorlov, S. A. Zaporozhets // Lex Russica. – 2022. – Vol. 75, No. 5(186). – URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.186.5.089-097>

Stankevich O. G. Constitutional economics – the scientific and practical basis of law-making and law enforcement activities / O. G. Stankevich // Constitutional law in the context of digitalization: problems of science and education : thesis. dokl. rep. scientific and practical conference (Minsk, May 27, 2022) / UO “Akad. M-va Internal Affairs Rep. Belarus” ; editorial board: P. V. Gridyushko (ed.) [and others]. – Minsk : Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2022. – Pp. 103–105.

Sukhorukov A. S. Constitutional and legal regulation of competition in the Russian Federation : a monograph / A. S. Sukhorukov. – Moscow : Yurlitinform, 2013.

Tikovenko A. G. Constitutional economy and fiscal sovereignty // Law in modern Belarusian society : collection of scientific works / A. G. Tikovenko ; editorial board: V. I. Semenov (chief editor) [and others]. – Minsk : Biznesofset, 2011. – Issue 6.

Tripuzova A. A. Constitutional economics in the context of ensuring economic security and protection of competition in the Republic of Belarus and abroad / A. A. Tripuzova // Baikal comparative readings : materials of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, 22–23 Apr. 2022 [Electronic resource] /

ed. by I. A. Minnikes. – Irkutsk : Publishing House of BSU, 2022. – URL: [lhttp://lib-catalog.bgu.ru](http://lib-catalog.bgu.ru)

Trofimov V. V. Problems of forming a legal structure: from law-forming factors to a law-making result / V. V. Trofimov // Legal technique. – 2013. – No. 7, part 2.

Vasilevich G. A. Freedom within the boundaries of the law: [on the introduction into legislation and practice of the principles of “constitutional economics”, implying legal regulation of economic relations] / G. A. Vasilevich // Belarus. dumka. – 2011. – No. 7. – Pp. 3–7.

Для цитирования:

Трипузова А. А. Конституционная экономика как юридическая конструкция (постановка вопроса), ее роль в конституционно-правовом механизме защиты и развития конкуренции // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 115–124.

Recommended citation:

Tripuzava A. A. Constitutional economy as a legal structure (formulation of the question), its role in the constitutional legal mechanism for the protection and development of competition // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. C. 115–124.

Сведения об авторе

Трипузова Антонина Антоновна – заведующий сектором правового обеспечения социально-экономического развития Центра государственного строительства и права, Государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»

E-mail: antonina.ttt@mail.ru

Information about author

Tripuzava Antonina Antonovna – Head of the Section of Legal Support of Socio-economic Development of the Center of State Building and Law, The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus

E-mail: antonina.ttt@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. Шаршун

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 3 июля 2023 г.

Аннотация: в статье анализируются некоторые попытки законодателя модернизировать принципы нормотворческой деятельности на примере закрепления в законодательстве Республики Беларусь принципа цифровизации в качестве основного принципа нормотворческой деятельности. По мнению автора цифровизация как инструмент осуществления нормотворческой деятельности не может рассматриваться в качестве ее основного принципа, и соответственно, не должна относиться к основным принципам нормотворческой деятельности. В то же время информационно-коммуникационные технологии являются важным фактором повышения эффективности и качества нормотворческой деятельности. Вносятся предложения относительно необходимости закрепления в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» использования АИС «Нормотворчество» в нормотворческой деятельности после создания указанной системы. Также предлагается внедрение в нормотворческий процесс научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, прежде всего, в отношении проектов, затрагивающих методологические основы правовой системы.

Ключевые слова: нормотворчество, принципы нормотворческой деятельности, нормативный правовой акт, цифровизация, автоматизированная система, законодательство.

ON SOME ISSUES OF MODERNIZATION OF THE BASIC PRINCIPLES OF RULE-MAKING

V. A. Sharshun

Belarusian State University

Abstract: the article analyzes some attempts of the legislator to modernize the principles of rule-making activity on the example of enshrining the principle of digitalization as a basic principle of rule-making activity in the legislation of the Republic of Belarus. According to the author, digitalization as a tool for the implementation of rule-making activity cannot be regarded as its basic principle, and, accordingly, should not be referred to the basic principles of rule-making activity. At the same time, information and communication

technologies are an important factor in improving the efficiency and quality of rule-making activities. Proposals are made regarding the necessity to fix in the Law of the Republic of Belarus «On Normative Legal Acts» the use of the AIS «Rule-making» in the rule-making activities after the creation of the said system. It is also proposed to introduce in the rulemaking process a scientific expertise of the draft normative legal acts, especially with regard to the drafts affecting the methodological foundations of the legal system.

Key words: rulemaking, principles of rulemaking, normative legal act, digitalization, automated system, legislation

Одной из важнейших категорий права являются принципы нормотворческой деятельности. Их значение состоит в том, что они определяют векторы данной деятельности, нравственные и правовые ориентиры, которым должны соответствовать принимаемые нормативные правовые акты. В этой связи указанные принципы являются предметом особого внимания как ученых, так и субъектов нормотворческой деятельности, в том числе осуществляются попытки «осовременить», модернизировать данные принципы.

Законом Республики Беларусь от 7 апреля 2023 г. № 261-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» статья 6 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (далее – Закон) дополнена новым принципом нормотворческой деятельности – принципом цифровизации¹. Новый пункт 7¹ указанной статьи определяет, что данный принцип обеспечивается широким применением информационных технологий на всех стадиях нормотворческого процесса, в том числе за счет развития электронного документооборота, максимального использования цифровых инструментов в процессе нормотворческой деятельности.

Статья 6 Закона определяет основные системообразующие принципы нормотворческой деятельности, среди которых принципы конституционности (законности), приоритета общепризнанных принципов международного права, гуманизма, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, социальной справедливости, гласности, научности, социально-экономической обусловленности, системности и комплексности правового регулирования общественных отношений, стабильности правового регулирования общественных отношений. Эти принципы являются основными, руководящими идеями при осуществлении нормотворческой деятельности. По справедливому утверждению известного белорусского теоретика права С. Г. Дробязко принципы правотворчества – это отправные объективно

¹ О нормативных правовых актах : закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

обусловленные и объективно необходимые, непререкаемые юридические установки, ориентирующие данный процесс на выработку проектов источников права в духе его принципов². Это утверждение справедливо и для принципов нормотворчества как одного их видов правотворчества. Как верно отмечает белорусский исследователь П. В. Соловьёв, принципы нормотворчества – это руководящие положения (требования), сформулированные юридической наукой и практикой, которые отражают общесоциальную сущность права, являются организационными началами нормотворческой деятельности, и определяют базовое содержание нормативных правовых актов³. Представляя собой объективные, по сути, и субъективные по форме отражения основополагающие идеи, руководящие начала, исходные положения, данные принципы носят наиболее общий, фундаментальный характер, выражены в нормах права или выводятся из их содержания, имеют императивный характер и обязательны для всех субъектов нормотворческой деятельности.

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь не содержится определение понятия «цифровизация». Данное определение содержится в СТБ 2583-2020 «Цифровая трансформация. Термины и определения», в соответствии с которым под цифровизацией понимается новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления, процесс перехода на цифровые технологии, в основе которого лежит не только использование для решения задач производства или управления информационно-коммуникационных технологий, но также накопление и анализ с их помощью больших данных в целях прогнозирования ситуации, оптимизации процессов и затрат, привлечения новых контрагентов и т.д.⁴

В научной литературе отсутствует единое определение понятия «цифровизация». Данное понятие используется в узком и широком смысле. Под цифровизацией в узком смысле понимается преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т.д.⁵ Как переход к цифровой информации цифровизация из простого метода улучшения отдельных сторон жизни превращается в драйвер мирового общественного развития. Поэтому под цифровизацией в широком смысле понима-

² Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права : учеб. пособие. 2-е изд. испр. и доп. Минск, 2007. С. 246

³ Соловьёв П. В. Принципы нормотворчества в системе правотворческих категорий // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2018. № 13. С. 138.

⁴ Цифровая трансформация. Термины и определения: СТБ 2583-2020. Введ. 2021-03-01. Минск, 2020. 16 с.

⁵ Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.

ется современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни⁶. В связи с этим цифровизация создает условия для повышения эффективности нормотворческой деятельности, является средством, инструментом ее осуществления. По нашему мнению, цифровизация как инструмент осуществления нормотворческой деятельности не может влиять на ее содержание и творческий характер, на содержание нормативных правовых актов (как, например, принципы конституционности (законности), системности и комплексности правового регулирования общественных отношений и т.д.), и соответственно, не может рассматриваться в качестве ее основного принципа. Принципы нормотворчества, по сути, определяют цели, которые необходимо достичь в процессе подготовки и принятия нормативного правового акта, т.е. какой должен быть в итоге нормативный правовой акт – например, соответствовать Конституции Республики Беларусь и нормативным правовым актам большей юридической силы, обеспечивать защиту прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, социальную справедливость и т.д. Но нельзя рассматривать в качестве такой цели цифровые средства и способы подготовки нормативного правового акта, поскольку они совершенно не относятся к содержанию данного акта. По аналогии в таком случае можно привести пример из строительной сферы, когда в качестве принципа строительства должны рассматриваться не качество, долговечность здания, экологичность, а, например, новые технологии – 3D-принтер, с помощью которого изготавливаются блоки, из которых строится здание. При таком подходе абсолютизируется средство производства, а не результат деятельности.

Также полагаем, что «фетишизация» цифровизации без реальной работы по созданию действенных цифровых решений для нормотворчества, представление ее в качестве «панацеи» от ключевых проблем нормотворческой деятельности способствуют дегуманизации, снижению роли нравственных начал в данной деятельности. Цифровизация может значительно ускорить процессы, связанные с анализом и обработкой информации, существенно облегчить работу человека при подготовке нормативных правовых актов, освободить его от рутинных процессов и, в связи с этим, предоставить больше времени для творческой деятельности. Но цифровизация, искусственный интеллект не смогут полностью заменить человека в нормотворческой деятельности, поскольку только человеку присущи такие качества, как гуманизм и справедливость.

Как справедливо отмечает М. Б. Румянцев, «признавая за цифровизацией и достижениями информационно-коммуникационных техноло-

⁶ Халин В. Г., Чернова Г. В. Указ. соч.

гий важную, но лишь вспомогательную функцию, мы именно поэтому не считаем возможным вводить «алгоритмизацию», «автоматизацию» и т.п. в число принципов правотворчества»⁷. Данное утверждение совершенно справедливо и применительно к цифровизации.

Белорусский исследователь Д. А. Воропаев также отмечает неоднозначность введения в Законе в качестве основного принципа нормотворческой деятельности принципа цифровизации. По его мнению, фиксация тренда на цифровизацию в Законе выглядит оправданной, однако было бы более корректно вести речь о принципе преемственности в нормотворческой деятельности, состоящем в целесообразности гармоничного использования накопленного опыта реализации «традиционных» технологий и цифровых инноваций⁸.

Следует отметить что пункт 1¹ Указа Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 243 «Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов» автоматизация процессов подготовки, согласования, проведения экспертиз, внесения в нормотворческий орган и принятия проектов правовых актов Президента Республики Беларусь, иных проектов правовых актов определена одним из приоритетных направлений дальнейшего развития нормотворческой деятельности. В этой связи цифровизацию следует рассматривать как средство осуществления нормотворческой деятельности, одно из направлений ее развития, но не как основной принцип ее осуществления. Кроме того, всеобщая цифровизация нормотворческой деятельности в настоящее время не представляется возможной, поскольку Закон не содержит требований по подготовке проектов нормативных правовых актов исключительно в электронном (цифровом) виде. Об этом свидетельствуют и нормы пункта 4 Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности», которыми определены направления развития нормотворческой деятельности в виде ее цифровизации и широкого применения информационных технологий на всех стадиях подготовки и принятия (издания) нормативных правовых актов, а также поставлена задача по разработке АИС «Нормотворчество»⁹. Данный Указ, по существу, определил направ-

⁷ Румянцев М. Б. Правообразование и правотворчество в России : монография. Чебоксары, 2023. С. 149.

⁸ Воропаев Д. А. Принцип цифровизации нормотворческой деятельности // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 мая 2023 г.) : тез. докл. : [к 65-летию Акад. МВД Респ. Беларусь] / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; [редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) и др.]. Минск, 2023. С. 13.

⁹ О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности : указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

ления развития современного этапа цифровой трансформации белорусского нормотворчества. Это было обусловлено необходимостью перехода к работе с проектами нормативных правовых актов на различных стадиях нормотворческого процесса в рамках единой цифровой платформы. С 1 апреля 2021 г. проекты правовых актов Президента Республики Беларусь, законов, постановлений Правительства направляются на согласование в государственные органы, для проведения обязательной юридической и иных экспертиз, а также вносятся в Правительство для их визирувания или подписания с помощью автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь. Сегодня данная автоматизированная система обеспечивает цифровое взаимодействие более 6000 пользователей из 360 государственных органов и организаций, включая районные и областные исполнительные комитеты и Советы депутатов, министерства и иные государственные органы и организации. Первоначально система включала такие стадии нормотворческого процесса, как проведение обязательной юридической экспертизы ведомственных нормативных правовых актов, нормативных правовых актов местных органов власти областного и базового уровней, технических нормативных правовых актов, включение их в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь и официальное опубликование. В 2021 г. была осуществлена модернизация АИС НРПА, что дало возможность работать в рамках системы также и с проектами законодательных актов и постановлений Правительства, в том числе осуществлять их согласование с заинтересованными, проведение криминологической и юридической экспертиз, внесение в Совет Министров Республики Беларусь, подготовку проектов в его Аппарате для внесения на подпись Премьер-министру Республики Беларусь. В рамках системы прошли все стадии нормотворческого процесса от согласования до подписания Премьер-министром более 300 постановлений Совета Министров Республики Беларусь.

Согласно подпункту 4.2 пункта 4 Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 с 1 июля 2022 г. нормотворческая деятельность государственных органов в полном объеме должна была осуществляться с использованием автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса¹⁰. Координация вопросов цифровизации нормотворческой деятельности была поручена Национальному центру правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ), которым с 2018 г. проводилась работа по созданию ав-

¹⁰ О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности : указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г., № 415 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

томатизированной информационной системы «Нормотворчество» (далее – АИС «Нормотворчество»). Но по определенным причинам система не была создана в установленные сроки. 17 октября 2022 г. было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь № 697, которым были внесены изменения в Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы¹¹. Согласно подпункту 29.1 пункта 29 комплекса мероприятий данной Государственной программы в редакции названного постановления в 2022–2024 г. г. предусматривается создание автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса (АИС «Нормотворчество»)¹².

В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, цифровизация не может являться основным принципом нормотворческой деятельности и закрепление такого принципа в Законе нецелесообразно. В то же время, несомненно, информационно-коммуникационные технологии дают возможность существенно повысить эффективность и качество нормотворческой деятельности. По нашему мнению, после реализации требований пункта 4 Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 о создании и введении в эксплуатацию АИС «Нормотворчество» потребуются регламентация в Законе норм об использовании данной системы в нормотворческой деятельности, как, например, это установлено в отношении соответствующих информационных систем в Законе Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. «О правовых актах»¹³, Законе Республики Молдова от 22 декабря 2017 г. «О нормативных актах»¹⁴, Законе Республики Узбекистан от 20 апреля 2021 г. «О нормативно-правовых актах»¹⁵, Законе Литовской

¹¹ Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2022 г. № 697 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

¹² О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

¹³ О правовых актах : закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁴ О правовых актах : закон Республики Молдова от 22 декабря 2017 г. № 100 [Электронный ресурс] // Ежемесячный научно-практический журнал «Бухгалтерские и налоговые консультации». URL: <http://www.bnk.md/content/%D0%BE-%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%85-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD-%E2%84%96-100-%D0%BE%D1%82-22-%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8F-2017-%D0%B3> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁵ О нормативно-правовых актах : закон Республики Узбекистан от 20 апреля 2021 г. № ЗРУ-682 [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан LexUZ.on-line. URL: <https://lex.uz/docs/5378968> (дата обращения 20.06.2023).

Республики от 18 сентября 2012 г. «Об основах правотворчества»¹⁶. Также следует отметить необходимость глубокой всесторонней проработки предлагаемых изменений законодательства, особенно касающихся основополагающих, методологических вопросов, в том числе путем проведения профессионального обсуждения соответствующих проектов нормативных правовых актов. В этой связи целесообразно внедрение в нормотворческий процесс научной экспертизы проектов нормативных правовых актов.

Библиографический список

Воропаев Д. А. Принцип цифровизации нормотворческой деятельности / Д. А. Воропаев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 мая 2023 г.) : тез. докл. : [к 65-летию Акад. МВД Респ. Беларусь] / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; [редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2023.

Дробязко С. Г. Общая теория права : учеб. пособие / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 2-е изд. испр. и доп. – Минск : Амалфея, 2007.

О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

О нормативно-правовых актах : закон Республики Узбекистан от 20 апреля 2021 г. № ЗРУ-682 [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан LexUZ.on-line. – URL: <https://lex.uz/docs/5378968> (дата обращения: 20.06.2023).

О нормативных правовых актах : закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности : указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

О правовых актах : закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V ЗРК [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (дата обращения: 20.06.2023).

О правовых актах : закон Республики Молдова от 22 декабря 2017 г. № 100 [Электронный ресурс] // Ежемесячный научно-практический журнал «Бухгалтерские и налоговые консультации». – URL: <http://www.bnk.md/content/%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%85%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%85-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD-%E2%84%96-100-%D0%BE%D1%82-22-%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8F-2017-%D0%B3> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁶ Об основах правотворчества : закон Литовской Республики от 18 сентября 2012 г. № X1-2220 [Электронный ресурс] // Канцелярия Сейма Литовской Республики. URL: https://e-seimas.lrs.lt/rs/legalact/TAD/TAIS.438329/format/ISO_PDF/ (дата обращения: 20.06.2023).

Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2022 г. № 697 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Об основах правотворчества : закон Литовской Республики от 18 сентября 2012 г. № X1-2220 [Электронный ресурс] // Канцелярия Сейма Литовской Республики. – URL: https://e-seimas.lrs.lt/rs/legalact/TAD/TAIS.438329/format/ISO_PDF/ (дата обращения: 20.06.2023).

Румянцев М. Б. Правообразование и правотворчество в России : монография / М. Б. Румянцев. – Чебоксары : Среда, 2023.

Соловьёв П. В. Принципы нормотворчества в системе правотворческих категорий / П. В. Соловьёв // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. – 2018. – № 13.

Халин В. Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В. Г. Халин, Г. В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10.

Цифровая трансформация. Термины и определения: СТБ 2583-2020. – Введ. 2021-03-01. – Минск : Госстандарт, 2020. – 16 с.

References

Digital transformation. Terms and definitions: STB 2583-2020. – Introduction. 2021-03-01. – Minsk : Gosstandart, 2020. – 16 p.

Drobiazko S. G. General theory of law : textbook. manual / S. G. Drobyazko, V. S. Kozlov. – 2nd ed. corrected and expanded. – Minsk : Amalfea, 2007.

Khalin V. G. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks / V. G. Khalin, G. V. Chernova // Managerial consulting. – 2018. – № 10.

On the amendment of the Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated February 2, 2021 No. 66 : Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated October 17, 2022 No. 697 [Electronic resource] // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2023.

On the basics of lawmaking : Law of the Republic of Lithuania dated September 18, 2012 No. X1-2220 [Electronic resource] // Chancellery of the Seimas of the Republic of Lithuania. – URL: https://e-seimas.lrs.lt/rs/legalact/TAD/TAIS.438329/format/ISO_PDF/ (date of access: 06.20.2023).

On the State program “Digital Development of Belarus” for 2021–2025 : Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 66 dated February 2, 2021 [Electronic resource] // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2023.

On improving the efficiency and quality of standard-setting activities : Decree of the President of the Republic of Belarus No. 415 dated November 17, 2020 [Electronic resource] // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2023.

On legal acts : Law of the Republic of Kazakhstan dated April 6, 2016 No. 480-V SAM [Electronic resource] // Information and legal system of normative legal acts of

the Republic of Kazakhstan “Adilet”. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (date of access: 06.20.2023).

On legal acts : Law of the Republic of Moldova No. 100 dated December 22, 2017 [Electronic resource] // Monthly scientific and practical journal “Accounting and Tax consultations”. – URL: <http://www.bnk.md/content/%D0%BE-%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%85-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD-%E2%84%96-100-%D0%BE%D1%82-22-%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8F-2017-%D0%B3> (date of access: 06.20.2023).

On normative legal acts : Law of the Republic of Uzbekistan dated April 20, 2021 No. ZRU-682 [Electronic resource] // National database of legislation of the Republic of Uzbekistan LexUZ.on-line. – URL: <https://lex.uz/docs/5378968> (date of access: 06.20.2023).

On normative legal acts : the Law of the Republic of Belarus No. 130-Z dated July 17, 2018 [Electronic resource] // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2023.

Rumyantsev M. B. Legal education and lawmaking in Russia : monograph / M. B. Rumyantsev. – Cheboksary : Wednesday, 2023.

Solovyov P. V. Principles of rule-making in the system of law-making categories / P. V. Solovyov // Bulletin of the Polotsk State University. Series D. – 2018. – No. 13.

Voropaev D. A. The principle of digitalization of normative activity / D. A. Voropaev // Problems of combating crime and training personnel for law enforcement agencies : international scientific and Practical conference (Minsk, May 18–19, 2023) : thesis. Report : [to the 65th anniversary of the Academy of Sciences. The Ministry of Internal Affairs of the Republic. Belarus] / Acad. M-va Internal Affairs Rep. Belarus ; [editorial board: P. V. Gridyushko (ed.), etc.]. – Minsk, 2023.

Для цитирования:

Шаршун В. А. О некоторых вопросах модернизации основных принципов нормотворческой деятельности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 125–134.

Recommended citation:

Sharshun V. A. On some issues of modernization of the basic principles of rule-making // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 125–134.

Сведения об авторе

Шаршун Виктор Александрович – доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: sharsh1970@gmail.com

Information about author

Sharshun Viktor Alexandrovich – Associate Professor, Department of Constitutional Law, Faculty of Law of Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: sharsh1970@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

ОБЗОР ТРЕТЬЕЙ ЕЖЕГОДНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И КОНСТРУКЦИИ» (Воронежский государственный университет, 30 июня 2023 г.)

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступил в редакцию 10 августа 2023 г.

Аннотация: в обзоре представлены тезисы докладов участников Третьей ежегодной международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: юридические понятия и конструкции», состоявшейся на базе Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета 30 июня 2023 г.

Ключевые слова: юридический термин, правовое понятие, юридическая конструкция, правовые технологии, правовой концепт, юридическая ментальность.

THE REVIEW OF THE 3rd ANNUAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «FROM THE ARCHAIC TO THE 21ST CENTURY: LEGAL TERMS AND CONCEPTS» (Voronezh State University, June 30, 2023)

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the review presents the abstracts of the reports of the participants of the 3rd Annual International Scientific and Practical Conference «From the Archaic to the 21st Century: Legal Terms and Concepts», held on the basis of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of the Faculty of Law of Voronezh State University (June 30, 2023).

© Малиновская Н. В., 2023

Key words: juridical term, legal construction, juridical construction, legal technologies, legal concept, juridical mentality.

30 июня 2023 года в Воронежском государственном университете прошла **Третья ежегодная международная научно-практическая конференция «Из архаики в XXI век: Юридические понятия и конструкции»**, организованная Научно-образовательным центром юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ и кафедрой теории и истории государства и права ВГУ под руководством доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории государства и права ВГУ Светланы Николаевны Махиной. Модератором конференции выступила доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент Наталья Владимировна Малиновская.

С приветственным словом к участникам конференции обратился декан юридического факультета Воронежского государственного университета, заведующий кафедрой административного и административно-процессуального права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ **Юрий Николаевич Стариков**. Он подчеркнул большую заслугу тех учёных, которые в настоящее время отстаивают отечественные подходы к юридической терминологии, и обратил внимание участников конференции на ряд правовых проблем, связанных с отсутствием единой терминологии в праве или ее необоснованным заимство-

ванием из зарубежного опыта. Юрий Николаевич указал на то, что российские правоведы вполне могут создавать самостоятельные правовые понятия и конструкции, которые в дальнейшем, в свою очередь, могут быть заимствованы другими государствами. Для этого у отечественной юридической доктрины есть большой арсенал средств и научных разработок, которые необходимо продуктивно использовать.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии **Светлана Николаевна Махина**, поблагодарив профессора Ю. Н. Старилова за добрые слова в адрес участников конференции и вынесенные им на обсуждение важные проблемы, согласилась с необходимостью более активных отечественных доктринальных исследований в области юридической терминологии и выразила надежду, что проводимые на юридическом факультете ВГУ конференции будут в значительной мере этому способствовать.

Одним из главных на пленарном заседании конференции стал доклад профессора кафедры теории государства и права МГЮА им. О. Е. Кутафина, доктора юридических наук, профессора **Татьяны Васильевны Кашаниной**. Она обратила внимание на длительный путь эволюции социальных норм в целом и правовых – в частности, подчеркнув, что нормы права стали играть роль доминирующих регуляторов в индустриальном обществе. Это было обусловлено развитием демократических процедур в государственном управлении, которые основывались на рациональных началах и необходимости учета потребностей и интересов всех членов общества, без категориальных ограничений. Профессор Т. В. Кашанина высказала гипотезу о том, что в будущем, в частности, в информационном обществе, одними из главных социальных регуляторов будут моральные нормы. Несмотря на кажущееся отсутствие прогрессивности, их значение для общества будет только увеличиваться. Это заметно уже сейчас, когда идеи естественного права выдвигают требование соответствия содержания нормативных правовых актов моральным критериям.

Заведующий кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Марина Валентиновна Карасева** в своем докладе обратила внимание на неспецифические правовые конструкции разрешения налогово-правовых ситуаций. Она отметила, что неспецифические правовые конструкции на практике все более активно появляются в отраслях права имущественного цикла. Это проявляется в том, что отрасль начинает заимствовать нехарактерные для нее по природе конструкции и механизмы правового регулирования. Особенно заметны эти процессы в области налогового права, которое, в отличие от многих других отраслей, в определенном

смысле является искусственным и не имеет прототипа в общественной жизни. Во многом его конструкции фиктивны по своей природе. Законодатель активно вводит в налоговое регулирование неспецифические правовые конструкции, такие как залог, поручительство, банковская гарантия, пеня и другие. Но в последнее время в налоговом праве увеличивается число неспецифических конструкций, приходящих из прецедентной практики. Это, в частности, конструкции неосновательного обогащения и деликтной ответственности, гражданско-правовые по своей природе. Для их использования в налоговом праве высшие судебные инстанции искусственно придают им общеправовой, надотраслевой характер. В данном случае возникает проблема пределов такого заимствования и размывания границ специфичных отраслевых конструкций.

Доклад профессора кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «РГУП», доктора юридических наук, профессора **Валентины Петровны Талимончик** был посвящен понятию информационно-телекоммуникационных систем в международном праве. Она обратила внимание на то обстоятельство, что XXI век потребовал пересмотра теории информационного общества. Это обусловлено появлением понятия «информационно-коммуникационные системы», включающего искусственный интеллект, большие данные, распределенные реестры, нейронные сети. В последнее время закономерно возрос интерес науки международного права к искусственному интеллекту.

Он, равно как и большие данные, базируется на других методах, логическом программировании. Это качественно новое явление, которое изменило технологическую основу информационного общества. В связи с этим профессор В. П. Талимончик предложила ввести термин «информационно-коммуникационная система» как сложно структурированный, многофункциональный информационный объект, относительно автономный от человека.

С интересным докладом, обозначающим пересмотр юридических понятий как мультидисциплинарную проблему, выступил доцент кафедры философии и социологии МГЮА им. О. Е. Кутафина, кандидат философских наук, доцент **Максим Александрович Беляев**. Он пояснил необходимость разграничения «изменения» и «пересмотра» юридических понятий, где последнее представляет собой осознанную, целенаправленную, рациональную деятельность, имеющую некоторые определенные ограничения по корректировке содержания. В настоящее время мы имеем дело с огромным количеством нормативных правовых актов – порядка 16 миллионов на всех трех уровнях публичной власти (федеральном, региональном и муниципальном). Развитие современных информационных технологий преследует цель, в том числе, облегчить труд законодателя. Сама концепция машиночитаемого права, не подразумевает заме-

ны человека машиной. Но она подразумевает такую экспертную систему, которая будет указывать на противоречие ведомственного нормативного правового акта федеральному закону. И в этом случае соответствующему нормотворческому ведомству будет дан обратный сигнал о необходимости корректировки проекта нормативного акта. Особенно значимо, что при этом на уровне цифровых технологий возможно поставить вопрос о пересмотре правовых понятий и со стороны искусственного интеллекта, когда в одном случае понятия будут считаться различными, а в другом – смежными, пересекающимися, в связи с чем можно будет указать на их дублирование или необходимость корректировки.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Юлия Владимировна Сорокина** в своем докладе рассмотрела особенности китайского правосознания, указав на то, что его основы предопределены конфуцианством. Выстраивая конструкцию человека, Конфуций не задавался вопросами творения, творца, сотворения мира. Если христианские традиции говорят, что Бог выстраивает человека, его личность, помогает, учит его в жизни, то Конфуций обращается к человеку как таковому. Он утверждал, что человек способен выстроить свою личность самостоятельно, а личное совершенствование было его центральной идеей.

Другой особенностью китайской ментальности является деление на «своих» и «чужих», которое имеет эмоциональную окраску и значительно отличается от нейтрального понятия «Другой» в западноевропейской науке.

Китайская правовая наука часто выстраивается, исходя именно из общего прецедентного права. В Китае очень сильно развито подзаконное регулирование, наряду с которым продолжают активно действовать обычаи. Одним из примеров специфики правосознания является концепция «гуанкси», которая подразумевает возможность нивелирования права в угоду личным связям и отношениям.

Доцент кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Марксович Борисов** охарактеризовал проблемы наименования, объекта и предмета дисциплины «Юридическая антропология». Он подчеркнул, что право как многоаспектный социальный феномен во всех существующих концепциях, несомненно, имеет антропологическую природу. Объективные и субъективные реалии формируют личность, определяя уровень сознания, осознание личностью своих интересов, возникающих из различных потребностей, и уже затем – приемов и средств достижения целей, удовлетворения таких потребностей в социуме. Антропологические исследования в современной юридической науке

очень важны, однако в них проявляет себя проблема неопределенности взглядов ученых на объект и предмет юридической антропологии. Это заметно на примере трудов Н. Рулана, В. С. Нерсисянца, И. Л. Честнова. В данном случае важно не включать в юридическую антропологию необоснованно предметную сферу иных наук. Теорию юридической антропологии следует выстраивать на базе представлений о правосознании, его эволюции или интеллектуально-психической природе самоорганизации человека и социальных общностей.

Доцент кафедры финансового права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Ирина Анатольевна Сапрыкина** в своем докладе обратилась к рассмотрению соотношения понятий «юридическая конструкции налога» и «налоговый фактический состав». Она подчеркнула, что эти ключевые понятия являются определяющими для изыскания новых источников доходов для государства. Понятие налога и юридическая конструкция налога образуют содержательную часть любого налога. Но в настоящее время строгость и постоянство Налогового кодекса РФ подвергаются определенному сомнению со стороны государства. В частности, это проявляется в такой непопулярной мере, как повышение налоговых ставок. Так, можно высказать сомнения относительно того, насколько налог на сверхприбыль отвечает стандартным характеристикам существующего налога.

Содержательным было выступление исполняющего обязанности заведующего кафедрой юриспруденции Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, доктора юридических наук, доцента **Дины Викторовны Алонцевой**, посвященное идеям С. Н. Булгакова о развитии государственно-церковных отношений в начале XX века. С. Н. Булгаков был участником Поместного собора и одним из разработчиков проекта о правовом положении церкви в государстве. Проблема взаимоотношений государства и церкви являлась центральной в его творчестве, которое в этом контексте прошло сквозь несколько этапов: первый – этап марксистский, который включал в себя идею революционного преобразования государства, церковной реформации: второй – это период разработки концепции христианской политики, в рамках которой центральным вопросом является проблема взаимоотношений государства и церкви, участие религиозных организаций в процессе политических и социальных преобразований. Сергей Николаевич Булгаков считал исторические отношения церкви и государства изменчивыми, а идеальным образцом связи между государством и церковью выступала симфония властей, воспринятая у Византии.

Старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета **Ольга Игоревна Золотова** в своем докладе обратилась к рассмотрению принципов гражданского судопроизводства в России во второй половине XIX века. Для характеристики состязательного гражданского судопроизводства при этом наиболее оптимален термин «конструкция». Развитие гражданского судопроизводства в России в указанный период происходило в последовательности от создания нормативной основы к формированию судебной практики, и во многом представляло собой социальный эксперимент. Важно то, что в данный период в России формируется собственно состязательный гражданский процесс, для которого сам законодатель конструирует правовые принципы и фиксирует их в нормативном тексте.

Одним из наиболее интересных докладов конференции стало выступление заведующего кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, доктора юридических наук, доцента **Николая Викторовича Разуваева**, посвященное ассоциативно-образному правовому мышлению как выражению архаического типа культуры. Данная проблематика открывает новые аспекты в исследовании правовых явлений, которые, как правило, рассматриваются в статике. Между тем, здесь важен эволюционный аспект и эволюционное измерение. Хотя мы привыкли считать, что правовые понятия – категория рациональная, тем не менее они преломляются сквозь призму сознания законодателя, правоприменителя, исследователя, юриста. Здесь важно понимать, что в разные эпохи, на разных эта-

пах эволюции рациональность, в том числе и правовая рациональность, и научная рациональность, содержательно неодинаковы, обладают разными характерными проявлениями и сущностными характеристиками. Мы связываем юридическую науку и тот понятийный аппарат, который она формирует, с рациональностью современного типа, с так называемой классической и неклассической рациональностью. Однако рациональности правового мышления предшествует в качестве исходной стадии эволюционного развития архаический тип правового мышления, правовая архаика. Римское правовое мышление представляет собой переходное состояние от ассоциативно-образного архаического мышления к мышлению понятийному. Тем не менее, это понятийное мышление все-таки не является современным. На ранних стадиях оно представляет собой отсылку к мифологическим, к образным категориям, и подразумевает их определенную рационализацию. Но все равно, так или иначе, ранние стадии понятийного мышления, испытывают на себе существенное влияние ассоциативно-образного правового сознания и правовой культуры. Николай Викторович Разуваев подчеркнул, что ассоциативно-образное мышление, архаическое мышление определяет существенные свойства права и правового сознания на ранних этапах развития и задает изначальный вектор эволюции, в ходе которой формируются последующие позднейшие типы рациональности.

Профессор факультета права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, доцент **Татьяна Анатольевна Алексеева** подробно рассмотрела понятие «диктатор» в его юридическом контексте. Она подчеркнула, что термин «диктатор», равно как и термины «империя», «федерация» и многие другие термины римского происхождения с течением времени претерпели некоторые изменения. Современное значение термина «диктатор» носит негативный характер, однако первоначальный термин имеет очень интересную историю. В Древнем Риме диктатор – это отнюдь не захватчик власти, а вполне законный, хотя и чрезвычайный, высший магистрат. Его цель – по сути «спасти свое отечество». Появление диктатора сопряжено с прекращением функций законодательной власти. В то же время, его власть нельзя назвать безграничной. Ее естественными ограничителями выступали сила общественного мнения и религиозный аспект жизни римских граждан. В завершении доклада Татьяна Анатольевна сделала вывод о необходимости внимательного отношения к юридической терминологии, ее истокам, эволюции содержания и ее причинам.

Развивая тему, начатую предыдущим докладчиком, доцент кафедры государственного права РГГУ им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Витальевич Ильин** проанализировал категорию «глава государства», указав, что это высший единоличный орган государства, возглавляющий все ветви государственной власти. По своей приро-

де он – именно тот, кто должен ставить точку в прохождении законодательного акта. Ему принадлежит право вето и право помилования.

Глава государства может в большей или меньшей степени обладать и, тем более, реализовывать свои полномочия в области судебной или законодательной власти, но он всегда является высшим руководителем именно исполнительной власти. В древности в нормальной ситуации существования государства (в отсутствие войн и экономического кризиса) единоличный глава государства практически отсутствовал. В современном мире мы имеем образцы коллегиального правления, где проявляется смешанный тип, когда это уже не глава государства в чистом виде, а некая структура с комплексной природой. Таким образом, глава государства – это более универсальный в современном мире вариант верховной власти, который восходит своими корнями к фигуре монарха.

Доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД РФ, кандидат юридических наук, доцент **Антон Михайлович Михайлов** рассмотрел в своем докладе формально-юридический метод и роль доктринальной юриспруденции в формировании западной традиции права. Он подчеркнул, что из всех граней и процессов внутригосударственной национальной правовой системы именно доктринальная юриспруденция, в основе которой лежит в западной традиции права формально-юридический метод, обеспечивает преемственность развития правовой системы и дифференциацию юридического знания от иного. Непосредственное осмысление этого метода как ведущего в профессиональной юриспруденции произошло благодаря выдающемуся немецкому правоведа Рудольфу фон Иерингу. Ему мы обязаны формированием методологии юриспруденции.

Благодаря университетскому образованию и юридической практике юрист приобретает особую искусность мышления, выражающуюся в способности переводить юридические понятия в область юридических казусов, правовых ситуаций, то есть из области отвлеченного в область конкретного, и наоборот. По мысли Иеринга, юридическая техника как метод профессионального юридического мышления имеет задачу как можно больше количественно и качественно упростить материал позитивного права и тем самым сделать процедуру правоприменения к отдельному казусу предельно определенной, точной и последовательной. На эту задачу работают три юридических приема: юридический анализ, юридический синтез и систематическое изложение нормативного материала системы позитивного права. Доцент А. М. Михайлов подчеркнул, что доктринальную юриспруденцию нужно отличать от догматической, поскольку первая имеет три источника своего формирования: юридическая догматика, философия права и юридическая наука. Континентально-европейская доктрина выражается в абстрактных понятиях, принци-

пах, анонимных консолидированных позициях и концепциях, и это является ее качественной особенностью, поскольку англо-американская доктрина, напротив, характеризуется персонифицированными казуальными позициями, вырастающими из применения правовых ситуаций к правоположениям. Она реже выходит на уровень правовых принципов и еще реже – на уровень частной систематизации позитивного права.

Доклад преподавателя-исследователя ИГП РАН, кандидата юридических наук **Дмитрия Евгеньевича Тонкова** был посвящен метафизичности понятий традиционной юриспруденции в подходе скандинавского правового реализма середины XX века. Дмитрий Евгеньевич отметил, что скандинавский правовой реализм стремился исключить все метафизические, абстрактные понятия, а традиционные термины, такие как права, обязанности, собственность, должны быть переведены в наблюдаемое поведение. В Скандинавии, так же как и в англосаксонской системе, очень сильна роль рядовых граждан в судебной системе. Право стремится исключить метафизику и абстракции. Скандинавские правовые реалисты выражали точку зрения, что такие понятия традиционной юриспруденции, как права и обязанности, не имея фактических эквивалентов, существуют только в воображении людей или в виде суеверий, являясь «магическими словами».

Завершающим докладом конференции стал доклад заведующего кафедрой теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидата исторических наук, доцента **Евгения Леонидовича Поцелуева**, который был посвящен субъекту преступления в уголовном праве континентального Китая II половины XX века – начала XXI века. Евгений Леонидович пояснил, что китайские ученые понимают под субъектом преступления лицо, совершившее преступное деяние и могущее нести уголовную ответственность. Ключевыми факторами являются возраст и вменяемость. По общему правилу возраст уголовной ответственности составляет 16 лет, но с 14 лет предусмотрена уголовная ответственность за умышленное убийство. Особенностью субъектного подхода является то обстоятельство, что в Китайской Народной Республике, как, впрочем, и в Великобритании, США, Японии и в ряде других стран предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц. Однако, в отличие от западных стран, в КНР не предусмотрены штрафные санкции для юридических лиц, хотя они могли бы эффективно компенсировать причиненный экономический или экологический ущерб. Китайской уголовно-правовой доктрине известна двойная ответственность – самой корпорации и ее руководителей, но не вполне ясно, в чем именно она выражается. Таким образом, в данном китайском опыте правового регулирования есть как возможности для заимствования, так и вероятность корректировки нормативного подхода к уголовной ответственности.

В завершении конференции профессор Светлана Николаевна Махина поблагодарила всех участников и выразила надежду, что традиции ее проведения сохранятся на юридическом факультете и станут поводом для формирования новых научных идей и концепций.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Обзор Третьей ежегодной международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: юридические понятия и конструкции» (Воронежский государственный университет, 30 июня 2023 г.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4. С. 135–145.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. The review of the 3rd Annual International Scientific and Practical Conference «From the Archaic to the 21st Century: Legal Terms and Concepts» (Voronezh State University, June 30, 2023) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 135–145.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Law, Docent

E-mail: ilbas@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
Работы победителей студенческого конкурса
«Цивилизационные исследования
государственности»

Продолжаем публикации работ победителей студенческого конкурса «Цивилизационные исследования государственности», проведенного в рамках Юбилейной осенней научной сессии «Культурно-исторические традиции права», посвященной 60-летию кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета. В этом выпуске «Приложения к Журналу» представлены работы, посвященные исследованию особенностей древнерусской государственности и права

УДК 340.15

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА**

О. С. Никулина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются различные факторы, повлиявшие на формирование древнерусской государственности. Автор обращает внимание на большую роль Византии в становлении древнерусских правовых традиций.

Ключевые слова: древнерусское право, Русская Правда, Эклога, Прохирон, обычай.

**CULTURAL AND HISTORICAL PECULIARITIES
OF ANCIENT RUSSIAN LAW**

O. S. Nikulina

Voronezh State University

Abstract: in the article different influencing factors, specific for the formation of ancient Russian government are analyzed. The author pays attention to the leading role of Byzantine in the development of ancient Russian legal traditions.

Kew words: ancient Russian law, Russian Truth, Eclogue, Prochiron, custom.

© Никулина О. С., 2023

У русской государственности сложная история, ее становление происходило под влиянием различных факторов, в том числе за счет опыта взаимодействия с соседними государствами, вследствие чего в ней всегда присутствуют как западные, так и восточные черты. В рамках рассмотрения истоков развития русского государства нельзя не обратить внимание на влияние Византии на становление русского права, а именно на Русскую Правду.

В науке уже давно закрепилось мнение о том, что Византия стала для Руси в определенной степени «наставницей». Культура Древней Руси переняла много элементов от Византии, в том числе это коснулось и правовой сферы. С какими факторами связывают такое влияние? С. В. Ткаченко выделяет три основных обстоятельства, называя главным последнее из них: военные походы на Византию, развитые торговые связи и принятие христианства по восточному образцу¹.

На Руси распространение получили памятники как канонического, так и светского византийского законодательства, например, Эклога и Прохирон. В. М. Живов отмечал, что «имеется еще ряд светских юридических памятников на церковнославянском языке. Сюда относятся выборки из Юстинианова корпуса, входящие в Кормчие и Мерила Праведные»². Нормы светского характера заимствовались в первую очередь по вопросам регулирования наследственных и брачно-семейных отношений. Говоря о других сферах, В. М. Живов указывал, что «в уголовном праве, договорных отношениях, в имущественных спорах, в делах о холопах, наконец, в самом судопроизводстве руководствовались русским правом»³.

Несмотря на византийское влияние, на Руси существовала своя юридическая традиция. Об этом свидетельствует сравнение некоторых положений Русской Правды с византийскими источниками права. Так, согласно Повести временных после крещения Руси к Владимиру Святому явились епископы и предложили ему судить по византийским законам. Византийское законодательство в сфере уголовного права предусматривало физические наказания (казнь), тогда как русский обычай предусматривал штрафы (виры), которые были позже закреплены в Русской Правде.

Другим примером может служить сопоставление норм Русской Правды с текстом Эклоги и Прохирина, рассматриваемые В. О. Ключевским⁴. В них есть положение о том, что раб не может выступать в качестве свидетеля в суде. Принято считать, что на Руси не существовало классиче-

¹ См.: Ткаченко С. В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

² Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

³ Живов В. М. Указ. соч.

⁴ См.: Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3-х т. // Соч. : в 3-х т. М. ; Минск, 2002. Т. 1. С. 200–201.

ского рабства, зависимое население было представлено холопами. В Пространной Русской Правде смотрим 66 статью: «О свидетельстве. А свидетельства на холопа не возлагают; но если не будет свободного, то по необходимости возложить на боярского тиуна, а на других холопов не возлагать». В обоих источниках зависимое население не допускалось к свидетельству в суде, однако составитель Русской Правды не переносит дословно нормы византийских источников, они написаны применительно к русскому обществу.

В Законе Судном есть статья, взятая из Эклоги или Прохирона, о рабе, совершившем кражу на стороне, не у своего господина: если господин такого раба-вора захочет удержать его за собою, обязан вознаградить потерпевшего, в противном случае должен отдать его в полное владение потерпевшему. В Русской Правде ей соответствует 121 статья, по которой господин холопа, обокравшего кого-либо, должен выкупать вора, платить все причиненные им убытки и пени или же выдать его потерпевшему. В данных положениях нормы схожи, но в статье Русской Правды к этому есть добавление о том, как поступать с семьей холопа-вора и со свободными людьми, участвовавшими в краже: «Если холоп обкрадет кого-либо, то господину его выкупать или выдать с тем, с кем он крал, а жене и детям <отвечать> не надо; но если они с ним крали и прятали, то всех <их> выдать или снова их выкупает господин; если же с ним свободные крали и прятали, то они платят князю судебный штраф».

Проследить влияние установлений Эклоги можно и в статьях Пространной редакции Русской Правды, посвященных наследственному праву, называемых Л. В. Миловым⁵. Анализ содержания статей Пространной редакции Русской Правды в большей степени защищались права вдов и сирот. Положения о защите вдовца-мужа в тексте не встречаются.

Так, § 7 II титула Эклоги гласит: «Если жена, имеющая детей, умрет раньше своего мужа, то есть их отца, то муж становится владельцем и всего ее приданого и всего ее имущества, не входящего в состав приданого... Если же ему случится вступить во второй брак, когда дети его еще малолетние, то у него сохраняется материнское имущество без какого-либо уменьшения; если же дети достигли уже законного возраста, то, если они пожелают, отец должен им беспрекословно возратить это их имущество».

Права мужа-вдовца в Русской Правде не содержались, но в ст. 94 нашло отражение окончание § 7, так как в нем речь шла о втором браке отца и правах детей от первого брака на материнское имущество: «Если будут дети от первой жены, то дети возьмут наследство своей матери; если же муж завещал это второй жене, все равно они получают наследство своей матери».

⁵ См.: *Милов Л. В.* Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) // Древнее право. 1998. № 1(3).

В ст. 99 Русской Правде уделялось внимание и правам матери по сохранению и приращению имущества ее детей, унаследованного от отца: «Если будут в доме дети малые, и не смогут они сами о себе позаботиться, а мать их пойдет замуж, то тому, кто им будет близкий родственник, дать их на руки с приобретениями и с основным хозяйством, пока не смогут сами заботиться о себе; а товар передать перед людьми, а что этим товаром он наживет передачей его под проценты или торговлей, то это ему <опекуну>, а первоначальный товар воротить им <детям>, а доход ему себе, поскольку кормил и заботился о них; если же будет от челяди приплод или от скота, то все это <детям> получить наличием; если что растратит, то за все это тем детям заплатить; если же и отчим <при женитьбе> возьмет детей с наследством, то такое же условие».

Здесь схожесть с § 12 II титула Эклоги ограничивается только общими и кратко сформулированными установками о необходимости опекуна для детей: «Жена, вступающая во второй брак, если она имеет от первого брака детей, должна найти до вступления во второй брак опекуна для своих детей и тогда пусть вступает в брак. Если же этого не будет, то она несет и своим имуществом и имуществом своего второго мужа ответственность за возврат причитающегося детям отцовского имущества».

Если в Эклоге юридические санкции сформулированы одинаково по отношению к обоим родителям, то в Пространной Русской Правде на первый план ставятся интересы матери-вдовы. В этом случае можно привести примеры статей, в которых оговаривается возможность произвольного выбора наследников-детей.

В соответствии с Эклогой: «Если завещание выполнено полностью так, как было указано выше, и если родители опускают при составлении за вещания своих законных детей или одного из них, то пусть судьи расследуют дело. И если они установят, что дети часто оскорбляли своих родителей или наносили им удары другого характера, да останется распоряжение родителей нерушимым...». Согласно Пространной Русской Правде: «А мать пусть даст свое <имущество> тому сыну, который был <к ней> добр, от первого ли мужа или от второго; если же все сыновья будут к ней плохи, то она может отдать <имущество> дочери, которая ее кормит». В данном случае из родителей упоминается только мать, а не как в Эклоге, в которой речь идет об обоих родителях.

Изучая текст Эклоги, можно заметить, что многие вопросы, регулируемые ей, в Пространной Русской Правде никак не регламентированы, в чем проявляется свобода рецепции византийских норм, о которой пишет М. Ф. Владимирский-Буданов⁶. Например, § 18 титула XVII Эклоги содержит наказание за фальшивомонетничество, в то время как на Руси чеканки монет еще не было, § 43 того же титула Эклоги предусматривает

⁶ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2022. С. 101.

казнь колдунов и знахарей, что не найти в тексте Русской Правды. Можно заметить и обратное явление, когда в Эклоге отсутствует аналог статьи Пространной Правды, что отмечает В. В. Чемеринская: «Кроме того, древнерусские юристы поместили в Пространной Правде статью, не имеющую параллели в Эклоге, о судьбе имущества матери-вдовы, умершей без завещания (ст. 103): “...Без языка ли оумереть, то оу когобудеть на дворе была и кто ю кормил, то тому ивзятии”»⁷.

Таким образом, автор Русской Правды использует византийские источники лишь как опору при создании собственных правовых норм, определяя примерный круг вопросов, которые необходимо урегулировать и закрепить письменно.

В качестве обоснования ограниченности влияния норм византийского права на древнерусское законодательство В. А. Томсинов видит в процессе перевода иностранных источников, в ходе которого вносились значительные изменения⁸. По словам академика Д. С. Лихачева, «эти переводы граничили с творческими переработками, а сам выбор переводимых произведений диктовался потребностями русской действительности»⁹. В результате этого византийские источники теряли свой первоначальный смысл и по своей сущности переставали быть византийскими. Они сокращались, либо, наоборот, дополнялись, а новый смысл мог противоречить смыслу оригинала.

Т. М. Пенская, Е. Е. Тонков, В. Ю. Туранин высказывают точку зрения о роли византийского права как «субсидиарного» права: «В лучшем случае нормы византийского права выступали в роли “субсидиарного” права, помогая разрешить спорную ситуацию, которая не могла быть удовлетворительно разрешена в рамках обычного права (однако и в этом случае нужно исходить из того, насколько доступны были рукописи, содержащие византийские правовые тексты, тем, от кого зависело принятие конкретных решений)»¹⁰.

Подводя итог, следует сказать, что рецепция норм византийского права в Древней Руси была свободной. Положения иностранных источников права заимствовались выборочно, по необходимости и преобразовывались в соответствии со сложившимися общественными отношениями и

⁷ Чемеринская В. В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство в X–XVII веках (опыт сравнительного анализа) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 38.

⁸ См.: Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2009. № 4. С. 21.

⁹ Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1999. Т. 2, XI–XII века. С. 5.

¹⁰ Пенская Т. М., Тонков Е. Е., Туранин В. Ю. К вопросу о характере рецепции византийского права в средневековой Руси // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2020. № 4. С. 770.

национальными особенностями. Следовательно, влияние Византии на древнерусское право носило не всеобъемлющий, а опосредованный характер. Таким образом, право Древней Руси объединяло в себе как самобытные черты, так и отдельные прогрессивные элементы византийского законодательства.

Библиографический список

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Москва : Юрайт, 2022. – 653 с.

Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры / В. М. Живов. – Москва : Яз. славян. культуры, 2002. – С. 73–108.

Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3-х т. / В. О. Ключевский // Соч. : в 3 т. / В. О. Ключевский. – Москва : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. – Т. 1. – 592 с.

Милов Л. В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) / Л. В. Милов // Древнее право. – 1998. – № 1(3). – С. 113–119.

Пенская Т. М. К вопросу о характере рецепции византийского права в средневековой Руси / Т. М. Пенская, Е. Е. Тонкова, В. Ю. Туралин // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2020. – № 4. – С. 761–773.

Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. – Санкт-Петербург, 1999. – Т. 2, XI–XII века. – С. 5–19.

Ткаченко С. В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Ткаченко. – Москва, 2006.

Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии / В. А. Томсинов // Вестник Московского университета. – 2009. – Серия 11, Право. – № 4. – С. 3–26.

Чемеринская В. В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство в X–XVII веках (опыт сравнительного анализа) : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Чемеринская. – Москва, 2003.

References

Chemerinskaya V. V. The influence of Byzantine law on ancient Russian and Russian legislation in the 10th–17th centuries (experience of comparative analysis) : dis. ... Cand. Legal Sciences / V. V. Chemerinskaya. – Moscow, 2003.

Klyuchevsky V. O. Russian history : complete course of lectures : in 3 vol. / V. O. Klyuchevsky // Writings : in 3 vol. / V. O. Klyuchevsky. – Moscow : AST ; Minsk : Harvest, 2002. – Т. 1. – 592 p.

Milov L. V. Byzantine Eclogue and Extensive Russian Truth (problems of reception) / L. V. Milov // Ancient law. – 1998. – No. 1(3). – Pp. 761–773.

Tkachenko S. V. Reception of Roman law: questions of theory and history : dis. ... Cand. Legal Sciences / S. V. Tkachenko. – Moscow, 2006.

Tomsinov V. A. Jurisprudence of Ancient Rus' and the legal culture of Byzantium / V. A. Tomsinov // Bulletin of Moscow University. – 2009. – Series 11, Law. – No. 4. – Pp. 3–26.

Translated literature in the development of literature of pre-Mongol Rus' // Library of literature of Ancient Rus' : in 20 vol. / RAS, Institute of Russian lit. (Pushkin House) ; edited by D. S. Likhachev [and others]. – St. Petersburg, 1999. – Т. 2, XI–XII centuries. – Pp. 5–19.

Vladimirsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law / M. F. Vladimirsky-Budanov. – Moscow : Yurayt, 2022. – 653 p.

Zhivov V. M. Research in the field of history and prehistory of Russian culture / V. M. Zhivov. – Moscow : Language. Slavs culture, 2002. – Pp. 73–108.

Для цитирования:

Никулина О. С. Культурологические особенности древнерусского права // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 146–152.

Recommended citation:

Nikulina O. S. Cultural and historical peculiarities of ancient Russian law // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 146–152.

Сведения об авторе

Никулина Олеся Сергеевна – студентка образовательной программы бакалавриата юридического факультета Воронежского государственного университета
E-mail: no.nikulina@yandex.ru

Information about author

Nikulina Olesya Sergeevna – Student of the Educational Program for Bachelors, Law Faculty, Voronezh State University
E-mail: no.nikulina@yandex.ru

НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ

Д. Ю. Сафронов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 8 декабря 2022 г.

Аннотация: автор рассматривает противоречивые факторы формирования древнерусской государственности и права, приводя примеры влияния в этом процессе Востока и Запада. Особое внимание уделяется фактору принятия христианства на Руси и рецепции византийских источников права.

Ключевые слова: древнерусское государство, обычаи, Номоканон, христианство, язычество, Русская Правда.

THE HERITAGE OF EAST AND WEST IN THE ANCIENT RUSSIAN STATE AND LAW

D. Yu. Safronov

Voronezh State University

Abstract: the author examines the contradictory factors in the formation of ancient Russian statehood and law, giving examples of the influence of East and West in this process. Particular attention is paid to the factor of the adoption of Christianity in Rus' and the reception of Byzantine sources of law.

Key words: ancient Russian state, customs, Nomocanon, Christianity, paganism, Russian Truth.

Особенности русской государственности уже два столетия порождают оживленные дискуссии о том, какая составляющая превалирует – восточная или западная. В эпоху Великого переселения народов (IV–VII вв. н.э.) славяне освоили территорию Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы¹. Если проследить пути расселения древних славян, можно сделать вывод о европейских корнях славян, и это только укрепляет позицию о европейской доминанте в древнерусском обществе, но, с другой стороны, Древняя Русь была неразрывно связана с кочевыми народами Востока. Эти цивилизации были тесно связаны между собой. Конечно, Русь подвергалась постоянным набегам, но и часто заключались союзы, чему служит примером поддержка печенегами Ярополка во время ме-

¹ См.: История России / А. С. Орлов [и др.]. 2-е изд. М., 2009. С. 17.
© Сафронов Д. Ю., 2023

ждоусобной войны 1015–1019 гг., имели место междинастические браки. К слову, набеги совершались и со стороны Руси. Широко известен описанный в «Слове о полку Игореве» поход князя Игоря на половцев, а также поход Владимира Мономаха, который в начале XII в. разбил половцев².

Влияние Востока наблюдалось и со стороны Византии. Как считает классик русской исторической науки Н. М. Карамзин, византийские цари и священнослужители всячески пытались распространить христианскую веру в Киеве и «вывести самого Князя из тьмы идолопоклонства» (речь идет о князе Олеге)³. На данном этапе отношений Руси и Византии отношения двух государств во многом регулировались международными договорами 907, 911, 944 гг. и т.д. В конечном итоге, у Византии получилось обратить Русь в христианство, что отразилось на всех её общественных сферах. Но и западными государствами Русь имела тесную связь: в немецкой хронике Регинаона Прюмского⁴ сказано о русском посольстве княгини Ольги 959 г. к Оттону I, которое просило его прислать на Русь епископа. Правда, М. Карамзин выдвинул другое предположение: «Адальберт был послан Оттоном не к русским, а ругенским славянам»⁵. Есть и третья точка зрения, которая объединяет обе предыдущие: Ольга действительно создала посольство, но это было сделано не с целью перехода в католичество, а из политических соображений, о чем пишет М. А. Оболенский⁶. То есть, в период правления княгини Ольги Древняя Русь находилась в определенном промежуточном состоянии между культурой западной и культурой восточной. При этом утверждение о том, что Древняя Русь была вовсе изолирована от международных отношений до принятия христианства ошибочно: она взаимодействовала как с кочевыми народами востока и Византией, так и с европейскими государствами.

Примечательно, что уже при внуке княгини Ольги князе Владимире I Русь официально перенимает от Византии восточное христианство. Это был серьезный шаг в пользу юго-восточного (византийского) пути развития Древней Руси, который во многом предопределил основополагающие принципы, которые затрагивали все сферы жизни древнерусского общества. При этом Владимир I не просто просит обратить Русь в христианство, а формулирует это в качестве ультиматума, предварительно

² См.: Слово о полку Игореве [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-polku-igoreve/slovo-o-polku-igoreve-original.htm> (дата обращения: 15.11.2022).

³ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I, гл. V. [Электронный ресурс]. URL: http://www.spsl.nsc.ru/history/karam/kar01_05.htm (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ См.: Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс] – URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Regino_Pruem/text2.phtml?id=9684 (дата обращения: 15.11.2022).

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. I. С. 104.

⁶ См.: Оболенский М. А. Несколько слов о первоначальной русской летописи. М., 1870. С. 82.

захватив Херсонес и потребовав в жены сестру византийского императора Василия II Анну, что было отражено в «Повести временных лет»⁷.

Сам по себе факт принятия христианства предполагал коренное изменение норм-обычаев Древней Руси. Под воздействием Византии, на Руси утвердилось византийское (каноническое) церковное право. Примером этому может служить и то, что в обиход вошел «Номоканон»⁸ – византийский сборник новелл семейного права, положения которого легли в основу Церковного устава Ярослава⁹. Ряд исследователей считают это рецепцией византийского права, перенятое Русью вместе с христианством. Так, А. С. Павлов пишет, что помимо сферы брачно-семейных отношений, рецепция византийского права затронула и гражданско-правовые отношения. В сфере же семейного права отныне запрещалось многоженство, брак должен быть моногамным, процедура расторжения брака была затруднительной, внебрачные дети были бесправны, внебрачные связи сопровождались осуждением со стороны церкви и общества.

Как уже говорилось, до принятия христианства Русь вела не менее активную внешнюю политику и не только с Востоком, но и с Западом, что подтверждается различными европейским хрониками и правовыми источниками. Так в период между 904 и 906 гг. королем Восточно-Франкского королевства Людовиком IV был издан Раффельштеттенский таможенный устав, в котором были зафиксированы определенные условия для купцов-славян, «отправляющиеся для торговли от Руси». Этот устав подтверждает активность славянских купцов, упоминая их отдельно, что уже говорит о правовом регулировании международной торговли между славянами и Западной Европой¹⁰. Кроме того, сам факт торговли славянских купцов в Европе уже говорит о некоей схожести правил ведения торговли. Историки утверждают, что принятие Раффельштеттенского таможенного устава позволило русским купцам фактически по собственному усмотрению торговать на Баварской Восточной ярмарке, в то время, когда купцы из других стран обязаны были, проходя через эту местность, торговать всем имеющимся у них товаром в течение 3 дней.

Кроме того, о взаимоотношениях между Русью и Западом говорит то обстоятельство, что киевские князья активно проводили политику дина-

⁷ См.: Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Letopisets/povest-vremennyh-let/ (дата обращения: 20.11.2022).

⁸ См.: Номоканон при Большом Требнике [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/nomokanon-pri-bolshom-trebnike/> (дата обращения: 20.11.2022).

⁹ См.: Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах. XI–XIII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--e1aaejmenosq.xn--plai/node/13620> (дата обращения: 20.11.2022); Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902.

¹⁰ См.: Джаксон Т. Н. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/drevnjaja-rus-v-svete-zarubezhnyh-istochnikov-tom-4/ (дата обращения: 20.11.2022).

стических браков. Они роднились с европейскими монаршими домами, что не могло не сказываться на обмене опытом между государствами. Примером тому служит брак дочери Ярослава Мудрого Анны с королем Генрихом I¹¹. Примечательно, что Анна Ярославна была активно вовлечена во внутривосточные дела Франции, что подчеркивает сходство культуры Древней Руси и Европы – женщины допускались к власти и они обладали достаточно широкими правами, в отличие от стран Востока.

Говоря о взаимосвязи права Руси и права Европы, необходимо отметить, что основные своды законов ряда европейских стран и Древней Руси были весьма схожи по структуре, содержанию, сфере правового регулирования, времени принятия и т.д. Отказ от язычества и обращение в христианство хоть и расширили влияние Византии на Русь, но в то же время указанные обстоятельства открыли новые возможности взаимодействия Руси с европейскими странами.

Об этом свидетельствуют так называемые «Варварские правды», которые подтверждают общность Руси и европейских стран по многочисленным признакам, в том числе в организации властных органов. На Руси, как на Западе, управление обществом строилось на схожих принципах.

Раннюю редакцию Киевского свода законов - Русскую Правду - можно отнести, вместе с Салической Правдой (*Lex Salica*) и другими западными *Leges*, к одному и тому же общему типу “варварского права” (*Barbaric Laws*)¹². “Правда” сыновей Ярослава имеет много общих черт с “*Capitularia*” Каролингов. «Варварские правды» имели значение судебных кодексов и содержали в себе перечень наказаний за те или иные преступления, причем такие судебники регулировали сразу несколько групп общественных отношений. «Варварские правды» отображают положение социальных групп в обществе, его дифференциацию, основы экономических отношений, формы собственности, основы государственного строя, или говоря современным языком – основы конституционного строя совместно с иными отраслевыми нормами права.

Таким образом, Древняя Русь хотя и заимствовала у Византии многие правовые и религиозные нормы, но при этом оставалась в партнерских тесных отношениях с Европой: династические браки, торговля, походы и ряд других обстоятельств только подтверждают это. Русь и Европа не были кардинально различны, о чем говорят схожие структура органов государственной власти, общественный строй, культурные ценности и многое другое. Тем не менее, Древнюю Русь нельзя однозначно отнести к Западу или Востоку. Правильнее придерживаться той позиции,

¹¹ См.: *Мартен Э., Менан Ф.* Капетинги. История династии (987–1328). СПб., 2017. С. 59.

¹² См.: Место Киевской Руси в истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/vernad/vol2/vgv201.htm> (дата обращения: 25.12.2022).

что наше государство практически на всех этапах своего развития имело особую культуру, менталитет и историческое наследие.

Библиографический список

Джаксон Т. Н. Древняя Русь в свете зарубежных источников хрестоматия / Т. Н. Джаксон. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/drevnjaja-rus-v-svete-zarubezhnyh-istochnikov-tom-4/ (дата обращения: 20.11.2022).

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I / Н. М. Карамзин. – URL: http://www.spsl.nsc.ru/history/karam/kar01_05.htm (дата обращения: 15.11.2022).

Мартен Э. Капетинги. История династии (987–1328) / Э. Мартен, Ф. Менан. – Санкт-Петербург : Евразия, 2017.

Номоканон при Большом Требнике [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/nomokanon-pri-bolshom-trebnike/> (дата обращения: 20.11.2022).

Оболенский М. А. Несколько слов о первоначальной русской летописи / М. А. Оболенский. – Москва, 1870.

Орлов А. С. История России / А. С. Орлов [и др.]. – Москва : Проспект, 2009.

Павлов А. С. Курс церковного права / А. С. Павлов. – Сергиев Посад : тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1902.

Повесть временных лет [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Letopisets/povest-vremennyh-let/ (дата обращения: 20.11.2022).

Слово о полку Игореве [Электронный ресурс]. – URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-polku-igoreve/slovo-o-polku-igoreve-original.htm> (дата обращения: 15.11.2022).

Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Regino_Pruem/text2.phtml?id=9684 (дата обращения: 15.11.2022).

Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах. XI–XIII вв: [Электронный ресурс]. – URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13620> (дата обращения: 20.11.2022).

References

A word about Igor's regiment [Electronic resource]. – URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-polku-igoreve/slovo-o-polku-igoreve-original.htm> (date of access: 11.15.2022).

Charter of Prince Yaroslav Vladimirovich on church courts. XI–XIII centuries [Electronic resource]. – URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13620> (date of access: 11.20.2022).

Jackson T. N. Ancient Rus' in the light of foreign sources, a reader / T. N. Jackson. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/drevnjaja-rus-v-svete-zarubezhnyh-istochnikov-tom-4/ (date of access: 20.11.2022).

Karamzin N. M. History of the Russian State. Vol. I / N. M. Karamzin. – URL: http://www.spsl.nsc.ru/history/karam/kar01_05.htm (date of access: 11.15.2022).

Martin E. Capetians. History of the dynasty (987–1328) / E. Martin, F. Menan. – St. Petersburg : Eurasia, 2017.

Medieval historical sources of the East and West [Electronic resource]. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Regino_Pruem/text2.phtml?id=9684 (date of access: 11.15.2022).

Nomocanon at the Great Trebnik [Electronic resource]. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/nomokanon-pri-bolshom-trebnike/> (date of access: 11.20.2022).

Obolensky M. A. A few words about the original Russian chronicle / M. A. Obolensky. – Moscow, 1870.

Orlov A. S. History of Russia / A. S. Orlov [at all]. – Moscow : Prospekt, 2009.

Pavlov A. S. Course of Church Law / A. S. Pavlov. – Sergiev Posad : Holy Trinity Sergius Lavra, 1902.

The Tale of Bygone Years [Electronic resource]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Letopisets/povest-vremennyh-let/ (date of access: 11.20.2022).

Для цитирования:

Сафронов Д. Ю. Наследие Востока и Запада в древнерусском государстве и праве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4(5). С. 153–158.

Recommended citation:

Safronov D. Yu. The heritage of East and West in the ancient Russian state and law // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4(5). Pp. 153–158.

Сведения об авторе

Сафронов Денис Юрьевич – студент образовательной программы специалитета юридического факультета Воронежского государственного университета
E-mail: denisafronov1@gmail.com

Information about author

Safronov Denis Yurievich – Student of the Educational Program for Specialists, Law Faculty, Voronezh State University
E-mail: denisafronov1@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегия по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегия по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегия Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо при-слать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сек-тора, подразделения организации) о рекомендации присланного мате-риала к опубликованию в журнале или подписанный научным руково-дителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редак-тированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной кол-легией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или око-ло 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) че-рез 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфа-витном порядке. Библиографический список подлежит переводу на ан-глийский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому по-зитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отно-шения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Haber-
mas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – М. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – М. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.